

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 1 / 2019

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит ежемесячно.

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Государство, аппарат, бюрократия — история проблемы

- Исаев И.А.* «Идеальная машина» — бюрократия 3
- Ширижик В.М.* Разграничение понятий государства и государственности на примере образования Тувинской Народной Республики в начале XX века 12
- Кирюхин В.В., Зимин С.И.* Об отдельных организационно-правовых мерах по противодействию коррупции в Российском государстве в XV–XVIII веках 17
- Вородохин С.Е., Кононенко О.С.* Коррупция в России: исторический анамнез (история болезни) 24
- Стенушкина Е.И.* Социальное государство: периодизация развития 29
- Колунтаев С.А., Миряшева Е.В.* Становление конституционализма в России: от теории к практике (к 100-летию Конституции РСФСР 1918 года) 34
- Гаджиев Г.А.* О суждении «Мир устал от мира» — оптимистическая точка зрения 41

Правовая техника и закон: опыт истории

- Рудый Н.К., Шильников И.А.* История уголовной политики Российского государства в борьбе с рецидивной преступностью 46
- Акимова Н.В.* Становление концептуальных основ правовой политики в сфере борьбы с преступностью в Московском государстве (часть I) 50
- Шавеко Н.А.* О причинах появления и принципиальных аргументах против смертной казни 56
- Егорова Т.И.* Некоторый вероисповедальный смысл немедицинского потребления наркотиков 62
- Никитина А.П.* Развитие законодательства, регулирующего деятельность лоцманов в 1880–1890 годах 67
- Османова М.Н.* Мусульманское книгопечатание в Российской империи в XIX — начале XX века (общий обзор) 72

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 6,25. Усл. печ. л. 6,25.

Номер подписан в печать 10.12.2018.

Номер вышел в свет 09.01.2019.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 1 / 2019

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl No. FC77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice of Russia;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences, professor;
Migushenko O.N., doctor of juridical sciences, assistant professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor,
Honored lawyer of the Republic of Bashkortostan;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor,
Honored Scientist of the RF;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor,
Honored Scientist of the RF;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor,
Honored lawyer of the RF;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences, assistant professor;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences, assistant professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

State, administrative office, bureaucracy: the history of the issue

- Isaev I.A.* The Ideal Machine of Bureaucracy3
Shirizhik V.M. Demarcation between the Concepts
of State and Statehood on the Example
of the Establishment of the Tuvan People's Republic
in the Early XX Century.....12
Kiryukhin V.V., Zimin S.I. On Separate Organizational
and Legal Corruption Countering Measures
in the Russian State in the XV to the XVIII Century.....17
Vorodyukhin S.E., Kononenko O.S. Corruption in Russia:
Historical Anamnesis (Medical History).....24
Stepushkina E.I. A Social Welfare State:
Development Periodization29
Koluntaev S.A., Miryasheva E.V. The Establishment
of Constitutionalism in Russia: From Theory
to Practice (on the 100th Anniversary of the Constitution
of the RSFSR of 1918)34
Gadzhiev G.A. On the Judgment The World Is Tired
of Itself: an Optimistic Point of View.....41

Legal Writing and Law: Historical Experience

- Rudyi N.K., Shilnikov I.A.* The History of the Criminal
Policy of the Russian State in Recidivism Combating46
Akimova N.V. The Establishment of Conceptual Bases
of the Legal Policy in Crime Combating
in the Moscow State. Part I50
Shaveko N.A. On the Reasons for Origination
and Fundamental Arguments against Capital Punishment56
Egorova T.I. Some Religious Meaning
of Non-Medical Use of Narcotic Drugs62
Nikitina A.P. Development of Laws Regulating Activities
of Marine Pilots in the 1880s to the 1890s67
Osmanova M.N. Muslim Book Printing
in the Russian Empire in the XIX to the Early
XX Century (General Review)72

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 6,25.

Conventional printed sheet 6,25.

Passed for printing 10.12.2018.

Issue was published 09.01.2019.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;

Catalogue of the Russian press — 10866;

United Catalogue — 85492 (for 6 months)

and on www.gazety.ru

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Jurist Publishing Group

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-1-3-12

Идеальная машина — бюрократия*

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igp@yandex.ru*

В статье исследуется актуальная проблема взаимодействия «машины власти», которую олицетворяет современная бюрократия, и массы как важнейшего политического фактора современности. Техника оказывает определяющее влияние на политическую и правовую структуру общества, воздействуя через систему идеологии и общественного мнения. Личность оказывается под властью аппарата, современной машины власти, в значительной мере утрачивая свою автономию и специфику. Механизация, сформированная для обеспечения и комфорта, может нести большую опасность для человеческого существования, деформируя его гуманистические идеалы и ценности, заменяя их технической рациональностью.

Ключевые слова: «машина власти», господство, контроль, подчинение, управление, право, закон, легитимность, произвол, естественное право, императивное право.

The Ideal Machine of Bureaucracy

*Isaev Igor A.
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Honored Scientist of the Russian Federation
Doctor of Law
Professor*

The article reviews a relevant issue of interaction between the ruling machine represented by the modern bureaucracy and the masses as the most important political factor of the modern times. Engineering has decisive influence on the political and legal structure of the society acting through the system of ideology and public opinion. An identity turns out to be under the reign of the apparatus, the modern ruling machine, losing to a great extent its autonomy and specifics. Mechanization created to ensure comfort can pose great danger to the human existence distorting its humanistic ideals and values, replacing them with technical rationality.

Keywords: ruling machine, supremacy, control, submission, management, law, act, legitimacy, abuse of power, natural law, imperative law.

Закон есть нечто совершенно конкретное. В самом глубоком смысле «машина казни» из рассказа Франца Кафки «В исправительной колонии» с ее «бороной», разметчиком и ножом и есть настоящий «закон» коменданта, вне этих конкретных «записывающих устройств» нет и самого закона. При переходе от одной машины к другой жестокость закона не возрастает и не уменьшается, мы просто теряем возможность сравнивать.

Неумолимость закона ослепляет даже его хранителей. Страх в притче Кафки — это само человеческое общество, не знающее закона, который оно охраняет, «оно только де-

лает вид, что знает закон, но это знание отдано каким-то высшим, непостижимым силам»: это нигде и никогда не есть закон вешного мира. Этот «закон некоего нового порядка, под действием которого все вещи, в коих он выражается, скособочен, — закон, который искажает все вещи и всех людей, в ком бы и в чем бы он ни проявился»¹. Право, которое более не применяется, а только изучается, — вот это и есть врата справедливости. Беспощадной силе права здесь придает-ся компенсирующий момент. Но и этот мир

¹ Рыклин М. Книга до книги // Бенъямин В. Франц Кафка. М., 2000. С. 231, 240.

* Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-29-161124.

права по своей сокровенной сути «продажены и возвращены»².

Для машины власти процесс является целью, тогда как конструкция — средством. Конструктивная бюрократия здесь только средство и инструмент. Нейтральность превращается в аморальность. Неадекватное восприятие реальности оказывается закономерностью для аппарата. Кафкианская безысходность — не просто настроение, это отражение действительности, неизбывные «страх и трепет», о которых говорил Серен Кьеркегор. Человек включен в систему, из которой он уже не может выйти: непознаваемые им силы уже управляют им. Теперь уже машина превращает духовные элементы в материю, овеществляет дух в неподвижной закономерности.

Ален де Бенуа напоминает: политика может существовать лишь в той мере, в какой существует выбор между различными возможностями. Управление же как форма деятельности стремится упразднить подобный выбор, сводя политические и социальные проблемы к техническим, что порождает лишь новый вид принуждения. Здесь технократы и эксперты выступают как партнеры, однако в противоположность технократии управление — это еще и глобальная идеология замещения государства (Ги Эрме)³. Сама идея глобального управления, питаемая верой в непрекращающийся технический прогресс, означает стремление преобразовать политические процедуры в административные. В законодательной же деятельности предпочтительными становятся общие принципы, правила, процедуры и различные директивы. Закон вытесняется конвенциональными нормами и кодексами: «В мире, где господствует информация и ее производные — разум, влияние, образы, — будет навязываться образ мыслей, наиболее востребованный» (Клод Ревель).

«Рациональность современной организации означает, что всегда есть место для улучшений», что «нет ничего священного, а следовательно, и неизменного. Поэтому рациональность имеет явную тенденцию распространяться с управления неодушевленными предметами на управление отно-

шениями людей: она уверенно и демонстративно вторгается в области, управляемые ранее традиционными и неформальными нормами». Не исключено, что непрекращающиеся кампании за рационализацию могут поставить под угрозу стихийные гомеостатические механизмы, которые обеспечивают равновесие в организации⁴.

Рабочий ритм машины предполагает динамическое равновесие ее частей и целого. Работа машины нуждается в надежности, устойчивости и длительном (в идеале — вечном, отсюда — «вечный двигатель») функционировании. Нормирование и организация в состоянии обеспечить равновесие только при условии наличия порядка. («Чтобы возник правопорядок, должен существовать нормальный порядок». Карл Шмитт) Веберовская модель бюрократии соотносится с выделенным им типом легитимного господства, целиком базирующегося на нормативной легальной основе. Порядок ее работы целиком пронизан рациональностью и четкими предписаниями, задаваемыми «штабом» машины власти. В такой рациональной модели бюрократии предполагается, что решения принимаются на основе «рациональной оценки ситуации и использования апробированного знания при сознательной ориентации на ясно кодифицированный паровой аппарат». Упор делается на структуры, предписанные законом. «В своей основе рациональная модель подразумевает модель по сути механическую, поскольку априори она представляет организацию как структуру управляемых частей, каждую из которых можно в отдельности изменять в интересах повышения эффективности целого». При анамнезе «естественной системы» упор стал делаться не на отклонения от рациональности, как в любой рациональной системе, а скорее на нарушение равновесия в организации, в особенности — на механизмы гомеостатического поддержания равновесия⁵.

Унифицирующее воздействие техники порождает анонимность, проявляющуюся в управлении, бюрократия как образ абсолютно безлика. В ее среде лицо, по-настоящему ответственное за принятие решения, обна-

² Там же. С. 254.

³ См.: Бенуа А. Против либерализма. СПб., 2009. С. 243, 247.

⁴ Голднер Э. Анализ организации // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М., 1965. С. 467.

⁵ Там же. С. 450–451.

ружить весьма трудно. Звенья машины легко заменимы. Идеал равновесия означает, что взаимодействующие силы нейтрализуют друг друга, стремясь к «обнулению» результата, к полной статике.

«Цифровое общество», это «царство количества» и анонимности, сопровождается навязчивой иллюзией: создается впечатление, что в нем правит Никто, но это гипотетическое единство вполне реальных экономических общественных интересов правит не менее деспотично оттого, что не привязано ни к какому конкретному лицу. Феномен господства этого Никто нам слишком уж хорошо известен по социальной стороне из всех государственных формирований, бюрократии, которая не случайно на последней стадии национально-государственного развития приходит к окончательному господству. Но господство безличного Никто отнюдь не означает отсутствия господства и при «известных обстоятельствах способно оказаться даже одной из самых мрачных и тиранических форм правления»⁶: массовое общество готово здесь продемонстрировать полную победу социального над политическим, а техники над свободой.

Неизбежным следствием анонимности, возрастающей по мере распространения анонимной техники, становится нарастание тревоги: «Воля центра, воля, управляющая центральным рубильником, от которого зависит любая работа аппаратуры и организации, держит все под своим контролем; в то же время тот, кто лично всем управляет, недоступен ни для какого контроля. Он лишь терпит видимость такого контроля, сохраняя выхолощенные институты выборов, плебисцитов, парламентов, лишив их предварительно способности самостоятельного формирования воли»⁷.

(Так, например, личностное начало является признаком целостного «собственнического» порядка, в то время как завуалированность права собственности является следствием анонимности властных отношений, анонимного участия и анонимных обществ. Мнимая собственность становится неуловимой, приобретает скрытые формы

и перемещается в процессе концентрации. Правовой порядок тогда становится фасадом, за которым действует система анонимного участия: с этого начинаются закрытые, тайные манипуляции влиятельных сил. Сами контролируемые силы не поддаются никакому контролю⁸.)

Техника в процессе изменяет цели и сущность самой правовой организации. Техник старается подчинить логику «естественного права» (он всегда выступает как противник «исторической школы права») технической логике, для чего подменяет правовую норму технической нормой, отвергая специфически юридическое и изменяя тем самым как действующее право, так и его дальнейшее развитие. Но «формальное законодательное право, действующее в силу государственного установления, Техника тоже не устраивает, он всюду выдвигает на передний план именно материальную сторону закона и подменяет право, выраженное в виде законов, техническими предписаниями. С этим связано безграничное разрастание правовой материи: кажется, что работает какая-то машина, производящая законы и предписания... Техник же борется против присущей юриспруденции способности толковать вещи» (Ф. Юнгер).

Между формальным правом, выраженным в законах, и «мнением о необходимости» создается непримиримое противоречие. Фактически это означает попытку отменить закон и право как таковые, поставив над ними некую динамическую и неуловимую «волю народа»: в результате чего «генеральные клаузулы, определения, основанные на доверии, и принцип свободного усмотрения и справедливости начинают свою разрушительную работу, выхолощая и подменяя собой формальное право, выраженное в законах»⁹. И тогда вторжение технического прогресса в правовую область означает борьбу со всем, что пребывает в состоянии покоя, стабильности и постоянства.

Закон для Техника — это лишь то, что служит собственно техническим целям. «Проникнув в правовые структуры — законодательство, правосудие и управление, — техник подменяет закон технически-

⁶ Арендт Х. *Vita active, или О деятельной жизни*. СПб., 2000. С. 54.

⁷ Юнгер Ф. *Совершенство техники*. СПб., 2002. С. 385.

⁸ Там же. С. 384.

⁹ Там же. С. 137–138.

ми представлениями и постановлениями или приспособливает его для своих целей». «Путем истолкования, выступая противником строгого закона и поборником “справедливого закона”, он делает это не потому, что придает особое значение справедливости в правовых отношениях, а потому, что борется против императивного права», которое не может быть изменено посредством соглашения частных лиц, и поддерживает «диспозитивное право», так как само техническое предписание является по сути именно диспозитивным и каузальным¹⁰.

1. Машины и массы

Для работы машины власти всегда были необходимы два фактора: организация знаний о вещах естественных и сверхъестественных и тщательно выработанный порядок, позволявший отдавать приказы, выполнять их и следовать им. И жречество, и чиновничество являлись теми иерархическими организациями, на вершине которых стояли верховный жрец и царь: без их объединенных усилий весь комплекс власти не смог бы действенно срабатывать — такое же положение, похоже, сохраняется и по сей день, хотя существование автоматизированных фабрик и комплексного управления помогает скрыть как человеческие составляющие, так и религиозную идеологию, «столь важную даже для нынешней эпохи автоматизации»¹¹.

Мегамашина просто обязана, для того чтобы существовать и действовать, опираться на массу. Масса — это часть самой гигантской машины, глобальной системы. Систему образует аппарат, в котором людей переставляют с места на место: «незаменимых в этом мире не существует, и в результате мир попадает во власть посредственности, людей без судьбы, без различий». «Руководство всем аппаратом осуществляется бюрократией, которая и сама является аппаратом, т.е. людьми, превратившимися в аппарат, от которых зависят работающие в аппарате» (Карл Ясперс). Бюрократия — идеальный тип машины, состоящей из людей и инструк-

ций, которая вполне может быть заменена техническими средствами.

Масса и аппарат неразрывно связаны друг с другом. Масса как совокупность людей, расставленных внутри аппарата по упорядочению существования, таким образом, чтобы решающее значение имели воля и свойства большинства, является постоянно действующей силой нашего мира, которая в публичной и массовой культуре принимает облик преходящего явления. Для расчленения в аппарате массы главное значение имеет фикция равенства, но такая масса бездуховна и бесчеловечна. Масса хочет быть ведомой, но так, чтобы ей казалось, будто ведет она. Она не хочет быть свободной, но хочет таковой считаться: «среднее и обычное масса именуется общечеловеческим, недоступное ей — далеким от жизни»¹².

Настоящая ноосфера начинается не с состояния какого-то мистического поглощения, но с кризиса идентичности: «сегодня уже не кажется, что наш собственный разум принадлежит нам», общество разума превращается в толпу, а технология начинает играть ведущую роль в этом растворении идентичности. (Многие наблюдатели видят в Интернете одну из причин такого сдвига — как «ложную и раздробленную бесконечность, которая вдохновляет людей на то, чтобы избежать этических решений... уклоняться от внутренней рефлексии и принятия ограничений, которые обращают жизнь и придают ей форму и глубину»¹³.)

Следует заметить, что идеология для массы всегда представляла лишь вульгаризированную форму веры и знания. И поскольку Техник владеет инструментами власти, позволяющими ему обходиться без идеологии, при этом претендуя на универсальную власть, идеология легко заключает союз с техникой, как бы заполняя пустующие ниши. В союзе с техникой идеология заимствует у нее громадные силы и направляет весь запас энергии, накопленной благодаря организации и аппаратуре, на достижение одной определенной цели, — здесь механику и идеологию объединяет их законченность

¹⁰ Там же. С. 138–139.

¹¹ Мамфорд Л. Миф машины. М.: Логос, 2001. С. 262.

¹² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1999. С. 310–314.

¹³ Дэвис Э. Технополис: миф, магия и мистцизм в информационную эпоху. Екатеринбург, 2017. С. 417.

и механистичность мышления. Отсюда и свойственные миру техники страх пустоты» в виде депрессии, скуки, ощущения бессмысленности и бессодержательности, проявляющиеся чувства тревоги и загнонности¹⁴.

Карл Ясперс увидел границу порядка существования в основном противоречии современности: массовый порядок создает универсальный аппарат существования, который разрушает мир специфически человеческого существования. Человеческое своеволие и существование ищут свой особый мир и тем самым впадают в противоречие с универсальным порядком существования; он же пытается, в свою очередь, подчинить себе эти силы, которые грозят ему именно здесь, на его границах. В результате «планируемые преодоления и истоки возмущения будут повсеместно встречаться, заблуждаться по поводу друг друга, находиться в плодотворном напряжении и начинать борьбу друг с другом»¹⁵.

Давление и насилие, идущие от машины, вызывают в массе ответную реакцию: стихийное начало наполняет собой механическое, оно распространяется внутри победившего его механизма. Это означает, что механизация и усиление стихийности — суть только две стороны одного процесса, они взаимообусловлены¹⁶. Рациональное мышление, само столь бедное стихийной энергией, неожиданно приводит в движение гигантские стихийные силы, и это достигается принуждением, действием враждебных насильственных средств: «Хитроумные машины, автоматически выполняющие единообразные действия рабочего процесса, как оказывается, до отказа переполнены мощными стихийными силами».

Аппаратура действительно одушевлена какой-то динамической волей. «Демонические черты проявляются во всей работе технических устройств со все возрастающей силой... Сама техническая мысль... сочетает в себе каузальное и телеологическое мышление, широко открывает двери для демонического начала. Оно разворачивается в условиях... принудительной организации, задача которой — подчинить стихийные силы ап-

паратуре, причем главным условием оказывается регресс, возникающий как следствие этого насилия и направленный непосредственно против человека». Рационально организованная машина неожиданно порождает иррациональное, ее язык порождает реальность, которая вовсе не ожидалась. «Хаос, который является только названием для порядка, скрытого в том, что является случайным, — это настоящее порождение компьютера» (Джеймс Глейк).

Упорядочивающая технизация реконструирует социально-политическое и правовое пространство. Его внешним обобщенным признаком становится глобализация. Совершенствование техники — длительный, но не бесконечный процесс, его динамизм со временем может исчезнуть, и созданные им формы уже приобретают застывшие черты. Завершенность техники есть не что иное, как один из признаков завершения тотальной мобилизации. В мире уже намечается «смена динамического и революционного пространства пространством статическим и предельно упорядоченным». Складывается система или сеть технической власти, происходит новый переход от чистой конструкции к органической, от духовно-динамического планирования к постоянной форме. «Единообразное оформление пространства принадлежит к характерным признакам любой империи, любого неоспоримого и несомненного господства, которое простирается до границ изведенного мира»: «ведь всерьез заниматься техникой стоит лишь в том случае, если видеть в ней некий символ превосходящей власти»¹⁷ (Э. Юнгер).

Бюрократия, придающая свои характерные черты машине существования, по праву стала структурой, способной передавать и выполнять приказания «с ритуалистической педантичностью жреца и бездумным послушанием солдата». Она стала неотъемлемой частью законченной тоталитарной структуры; ничего не производя, она призвана передавать без изменений и отступлений приказы, исходящие свыше: «жесткую организацию могут нарушить лишь коррупция» или открытый бунт. В идеале подобный административный метод требует

¹⁴ Юнгер Ф. Указ. соч. С. 185–188.

¹⁵ Ясперс К. Указ. соч. С. 324, 325.

¹⁶ Юнгер Ф. Указ. соч. С. 170–172.

¹⁷ Юнгер Э. Рабочий, господство и гештальт. СПб., 2000. С. 326.

старательного подавления любых самостоятельных порывов личности. Невероятная способность выносить однообразие — способность, предвосхитившая тот же уровень всеобщей скуки, которого достигла уже наша эпоха (Л. Мамфорд)¹⁸. («Чего хочет революция? Низвести небо на землю, распределив счастье между всеми. Она не осуществит этих стремлений, и следующий век, унаследовав ее лихорадочность, признает ее несостоятельной». Э. Тардьё)

«Тайное знание» — это ключ к личной системе тотального контроля. И сегодня язык высшей математики и компьютеризация, кажется, заново породили и тайну, и монополию, позволив возобновить этот тотальный контроль. Неотъемлемой частью мегамашины по-прежнему остается бюрократия, группа людей, способная передавать и выполнять приказания с «ритуалистической педантичностью жреца и бездумным послушанием солдата».

Безличный бюрократический характер технической бухгалтерии всегда соревновался с монашеским или военным порядком за право заменить основания более «жесткой дисциплины и безличной правильности». Этот порядок незаметно перешел на автоматические машины и компьютеры, способные выполнять человеческие суждения и проявлять тактичность еще меньше, чем какой-нибудь вышколенный клерк. Но новая бюрократия, занимающаяся управленческими делами и координацией, вновь сделалась необходимым придатком всех крупномасштабных предприятий при единообразии норм — «неспособность считаться с этой математической стороной механизации и породила искаженное представление о современной технике»¹⁹.

2. «Всем управляющая машина»

Техника становится способом, при помощи которого осуществляется мобилизация мира: «Это злое и однообразное движение, сплошная круговерть механических масс, стиснутых в монотонном бурлящем потоке, регулирующем звуковыми и световыми сигналами. Печать сознания, строгой

рациональности придает этому непрерывному круговращению, напоминающему ход часового механизма или машины, видимость порядка... Этот тип движения свойствен не только лучающемуся холодом искусственному мозгу, созданному человеком...» (Э. Юнгер). В новом пространстве стирается осязаемая грань между органическим и механическим. Некие силы, действующие под механическими масками, втягивают живую реальность в орбиту своих интересов. Поэтому современную машинную технику и следует понимать как символ определенного человеческого типа²⁰ — функциональные и объективные условия как бы преодолевают оппозиции органических и механических форм.

Высокому уровню развития техники уже достаточно давно соответствуют механические теории человека: в общественный обиход входят такие выражения, как «государственный аппарат», «юридический аппарат», «экономический аппарат», — все вокруг постепенно принимает вид аппаратуры, и не случайно, что для такого мышления характерна утрата интереса ко всем видам свободы. При этом все инстинктивное, темное в человеке, его сложные волевые порывы и путаницы мыслей не только не исчезают и не побеждаются Ratio, но лишь усиливаются. Система ограничений сама по себе не в состоянии с этим темным потоком справиться и остановить нарастание слепой стихийности. Напротив, «технический разум открывает ей более широкую дорогу для проникновения и распространения в жизни. При этом на поверхность выходят самые темные и опасные силы. Автоматизм, который воспитывается в человеке ежедневной муштрой, не просто приучал его к безвольному функционированию... но еще и меняет его внутреннее сопротивление, под маской упорядочивания отнимает всякую самостоятельность» и дает мощный импульс процессу образования массы²¹.

Масса, как относительно новый феномен, развивается непременно вместе с техническим прогрессом, он и она обуславливают друг друга. Для Техника масса представляет самый пластичный и удобный материал, поскольку она пассивна, механически подвижна

¹⁸ Мамфорд Л. Указ. соч. С. 264–265.

¹⁹ Там же. С. 363.

²⁰ См.: Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера. С. 67–69.

²¹ Юнгер Ф. Совершенство техники. С. 198–199.

на и легко поддается организующему воздействию. Возникновение и упадок массы зависят от внешних условий и искусственной стимуляции. Однако на самом высоком уровне технического развития массе могут быть свойственны также и быстрая, переменчивая подвижность, и механический автоматизм²².

Аппарату для его функционирования достаточно организационно-технических норм. В отличие от правовых актов, норм и кодификаций технические нормы не признают личного авторства. Они по своей сути анонимны. И анонимность типа толпы или массы, в которой исчезает личное, тогда становится правилом, поскольку представляет собой истинное соответствие с тем порядком, который следует «применить для реализации настолько можно совершенным образом ко всему, что он делает». Тенденция к единообразию требует, чтобы индивиды трактовались только как простые теоретические единицы, реализующие «равенство снизу», поскольку это единственное направление, в котором оно может быть реализовано до предела», — в свойственной ему манере пояснял Рене Генон.

Эта анонимность массы, часть которой составляет индивид и в которой он себя теряет, массы, в которой собрание сходных индивидов рассматривается как число «чистых и простых арифметических единиц», уже по определению есть количество, и никак нельзя никакой из них дать наименование, которое предполагало бы ее качественное отличие от других²³. Технический разум, опираясь на число и количество, несет на себе видимость строгой объективности, но не может скрыть безграничности своих властных устремлений. Этому способствует сам факт присутствия в пространстве массы: то соответствие между механическим и стихийным началами, которое наблюдается в технических устройствах, встречается и у человеческой массы. Она поэтому и становится удобным объектом прямого механического воздействия техники. Однако в той же степени, в какой на массу производится это давление, и она становится рационально организованной, в ней крепнут слепые ирраци-

ональные силы, которым она не в состоянии сопротивляться, так как духовно ей нечего им противопоставлять, — человек наивно принимает технический прогресс за прогресс человечества вообще²⁴.

(Удивительно, но с каждым новым усилением аппарата власти из бессознательного все чаще вырывались все новые причудливо садистские и убийственные импульсы, — благоговение перед неким ужасным таинством и проявлением божественного начала во всей его страшной силе и сияющей славе вызывало только избыточные коллективные старания. Это магическое могущество в своей значимости перевешивало даже многие соображения хозяйственной выгоды. В связи с этим и изобретение военной машины сделало войну необходимой и даже желанной, — как кажется, способность вести войну и приносить в жертву оставалась отличительной чертой любой суверенной власти на протяжении всей истории²⁵.)

«Техника отделяет человека от непосредственного присутствия» (Карл Ясперс), поэтому рационализация жизненных средств — деление времени и экономия сил — должна восстановить в каждом «возможность присутствовать в размышлении и в действительной близости к вещам». Там, где завоевывается техника, энтузиазм человека проявляется в открытиях, превращающих его в инициатора проекта мира, как бы «второго строителя мира».

Техническое обеспечение существования требует знания лишь применительно к цели, для которой оно используется. «Самобытие же в знании есть лишь в изначальном волеии знания». Если последним масштабом знания становится его пригодность, то это означает, что в нем человек отрекается от самого себя²⁶. (По замечанию Жюль Делеза, новая, более агрессивная и постоянно изменяющаяся форма принуждения — «рыночная операция» сейчас является инструментом социального контроля и формирует «племя новых господ», — человек — это уже не «человек в заключении, но человек в долгу»²⁷. Не догмы и принципы делают его

²⁴ Юнгер Ф. Совершенство техники. С. 199–200.

²⁵ Мамфорд Л. Указ. соч. С. 288–289.

²⁶ Юнгер Э. Рабочий, господство и гештальт. СПб., 2000. С. 249–252.

²⁷ Ясперс К. Указ. соч. С. 401–404.

²² Там же. С. 183.

²³ Генон Р. Царство количества и знамения времени. М., 2003. С. 69–70.

обязанным, а экономическая необходимость и потребности. Машина же требует для себя энергии и сил, которые затрачиваются уже безо всяких ограничений.)

Метафизическая власть техническими средствами приводит в движение саму материю, тем самым подчиняя себе и органическое единство. Становится все очевиднее, что техника не является нейтральной властью, неким пустым вместилищем только действенных и удобных средств. За ее будто бы нейтральным характером скрывается «таинственная и прельстительная логика», с помощью которой техника предлагает себя людям, — в результате «победное шествие техники оставляет за собой широкий след из разрушенных символов. Его неминуемым результатом становится анархизм — та анархия, которая размывает само жизненное единство». Позитивная же сторона процесса состоит в том, что техника сама вынуждена корениться в культе, она располагает собственными символами и за техническими процессами все же кроется борьба жизненных форм. Всякая власть пользуется техникой, для чего и приспособливается к ее властному характеру, скрытому за техническими символами. Анархия же возрастает в той мере, в какой «поверхность мира становится все более однообразной, а разнородные силы все более сливаются воедино».

Эрнст Юнгер был уверен, что именно в технике «мы находим самое настоящее средство тотальной революции»: «Мы знаем, что у сферы уничтожения есть ее тайный центр, в котором берет начало будто бы хаотичный процесс подчинения старых сил». Новое человечество движется к этому центру — фаза разрушения сменяется действительным порядком. В пространстве же, где все мировые загадки уже разрешены, на долю техники выпадает только задача устранения человека от обрешающего его на проклятье труда²⁸. И она не без лукавства обещает освободить его от всякого труда вообще.

Но, когда работа станет для человека настолько легкой, что перестанет уже быть проклятием, может возникнуть опасность, что тогда никто уже не будет желать избавиться и от власти необходимости, т.е. люди будут поддаваться ее насилию, даже не зная,

что их насилуют. «Невероятное совершенствование инструментов труда — изобретение немых роботов», с помощью которых человек, как homo faber, попытался на свой манер разрешить проблему свободы, которая на самом деле разрешается «политически деятельными людьми» только «на путях господства и рабства». Это и стало прелюдией, как полагала Ханна Арендт, к предстоящей нам второй, «атомной» революции²⁹.

* * *

Мартин Хайдеггер одним из первых наиболее широко поставил проблему техники, указав на все выгоды и риски, которые с ней связаны. Рациональность, целесообразность и эффективность управления, которые обещает техническое развитие, вовсе не гарантируют свободы как важнейшего человеческого приоритета. Число, количество, масса составляют основания техницизма как идеи, метода и реальности. В современном мире они приобретают совершенно новые значения. Эйфория массовой сознания, обусловленная компьютеризацией, на политическом уровне обещает создать даже «цифровое правительство и цифровую экономику», рождает вместе с новыми идеями и новую реальность, к которой следовало бы относиться с осторожностью, как до конца не познанной тенденции.

И если техника оказывает сегодня сильнейшее влияние на облик мира, то скорее разрушительное, чем устроительное, проникая в его отдаленнейшие области, то здесь на первом месте, конечно же, стоит материальный интерес, по своей природе способный служить без различия как добру, так и злу. Он с равным успехом может вести и к уничтожающей всякий порядок конфронтации враждебных сил, и к образованию областей упорядоченного хозяйствования.

Естествознание громко обещает посредством техники справиться с материальной природой и обеспечить победу над врагами, оно склоняет разумного человека на свою сторону заманчивым лозунгом — «целесообразность». Однако и сама целесообразность может толкнуть к хаосу, если цель понимать не как часть большой мировой взаимозависимости, — ведь «целесоо-

²⁸ Цит. по: Дэвис Э. Указ. соч. С. 436.

²⁹ Арендт Х. Указ. соч. С. 154–155.

бразность с этической точки зрения — это настоящая смерть человечности»³⁰.

С этим процессом связано абстрагирование от непосредственной чувственной наличности, когда с очевидностью происходит процесс возрастания условности (на это будет указывать и Хайдеггер, выступивший с докладом на том же самом конгрессе по проблемам философии техники, что и Гейзенберг). «Свобода же правит в просторе, возникающая как просвет, т.е. как выход из потаенности... Всякое раскрытие потаенности идет по следам сокровенности и тайны». «Свобода простора не заключается ни в разнуданности своеволия, ни в связанности с абстрактными законами... Свобода — это область судьбы, посылающей человека на тот или иной путь раскрытия тайны». (Существо современной техники, — полагал

Хайдеггер, — таится в «поставе», который повинует миссии раскрытия потаенности. Полагают, будто все предстоящее человеку ценно лишь в силу того, что поставлено им самим. Эта видимость и порождает мираж, поэтому и Гейзенберг с полным основанием указывал на то, что сегодняшнему человеку действительность должна представляться именно таким образом: существо техники как миссия раскрытия потаенности, — и это большой риск.)

Но угроза человеку «идет даже не от возможности губительного действия машин и технических аппаратов». Подлинная угроза уже подступила к человеку в самом его существе. Господство «поставы» грозит той опасностью, что человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины, — техника грозит окончательно заменить собой истину³¹.

³⁰ Гейзенберг В. Естествознание и техника в политических событиях нашего времени // Избранные философские работы. СПб., 2006. С. 251.

³¹ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. М. : Республика, 1993. С. 324.

Литература

1. Арендт Х. Vita active, или О деятельной жизни / Х. Арендт. СПб. : Аристотель, 2000. 437 с.
2. Бенуа А. Против либерализма / А. Бенуа. СПб. : Амфора, 2009. 475 с.
3. Гейзенберг В. Естествознание и техника в политических событиях нашего времени / В. Гейзенберг // Избранные философские работы. СПб. : Наука, 2006. 571 с.
4. Генон Р. Царство количества и знамения времени / Р. Генон. М. : Беловодье, 2003. 478 с.
5. Голднер Э. Анализ организации / Э. Голднер // Социология сегодня. Проблемы и перспективы : Американская буржуазная социология середины XX в. : сб. ст. / общ. ред. Г.В. Осипова. М. : Прогресс, 1965. 684 с.
6. Дэвис Э. Технополис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Э. Дэвис ; пер. с англ. С. Кормильцева, Е. Бачиной, В. Харитоновой. Екатеринбург, 2017. 478 с.
7. Рыклин М. Книга до книги / М. Рыклин // Беньямин В. Франц Кафка ; пер. с нем. М. Рудницкого. М. : Ad Marginem, 2000. 317 с.
8. Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера / Ю. Эвола ; пер. с ит. В.В. Ванюшкиной. СПб. : Владимир Даль, 2005. 186 с.
9. Юнгер Ф. Совершенство техники / Ф. Юнгер ; пер. с нем. И.П. Стребловой. М. : Фонд Ун-т ; СПб. : Владимир Даль, 2002. 558 с.
10. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт : тотальная мобилизация ; О боли / Э. Юнгер ; пер. с нем. А.В. Михайловского ; под ред. Д.В. Складнева. СПб. : Наука, 2000. 537 с.
11. Ясперс К. Смысл и назначение истории : сб. / К. Ясперс ; пер. с нем. ; вступ. ст. П.П. Гайдено ; коммент. В.Н. Катасонова. 2-е изд. М. : Республика, 1994. 527 с.

References

1. Arendt H. Vita active, ili O deyatelnoy zhizni [Vita Activa (Active Life)] / H. Arendt. Sankt-Peterburg : Aristotel — Saint Petersburg : Aristotle, 2000. 437 s.
2. Benoist A. Protiv liberalizma [Against Liberalism] / A. Benoist. Sankt-Peterburg : Amfora — Saint Petersburg : Amphora, 2009. 475 s.
3. Heisenberg W. Estestvoznaniye i tekhnika v politicheskikh soby'tiyakh nashego vremeni [Natural Science and Engineering in Political Events of Our Times] / W. Heisenberg // Izbranny'e filosofskie raboty. Sankt-Peterburg : Nauka — Selected Works on Philosophy. Saint Petersburg : Science, 2006. 571 s.
4. Guénon R. Tsarstvo kolichestva i znameniya vremeni [The Reign of Quantity and the Signs of the Times] / R. Guénon. Moskva : Belovodye — Moscow : Belovodye, 2003. 478 s.

5. Gouldner A. Analiz organizatsii [Organizational Analysis] / A. Gouldner // Sotsiologiya segodnya. Problemy' i perspektivy' : Amerikanskaya burzhuaznaya sotsiologiya serediny' XX v. : sb. st. / obsch. red. G.V. Osipova. Moskva : Progress — Sociology Today. Issues and Prospects : American Bourgeois Sociology of the Middle of the XX Century : collection of articles / under the general editorship of G.V. Osipov. Moscow : Progress, 1965. 684 s.
 6. Davis E. Tekhnopolis: mif, magiya i mistitsizm v informatsionnuyu epokhu [Techgnosis: Myth, Magic and Mysticism in the Age of Information] / E. Davis ; per. s angl. S. Kormiltseva, E. Bachininoy, V. Kharitonova. Ekaterinburg — translated from English by S. Kormiltsev, E. Bachinina, V. Kharitonov. Ekaterinburg, 2017. 478 s.
 7. Ryklin M. Kniga do knigi [A Book before the Book] / M. Ryklin // Benyamin V. Frants Kafka ; per. s nem. M. Rudnitskogo. Moskva : Ad Marginem — Benjamin W. Franz Kafka ; translated from German by M. Rudnitskiy. Moscow : Ad Marginem, 2000. 317 s.
 8. Evola J. Rabochiy v tvorchestve Ernsta Yungera [The Worker in Ernst Jünger's Works] / J. Evola ; per. s it. V.V. Vanyushkinoy. Sankt-Peterburg : Vladimir Dal — translated from Italian by V.V. Vanyushkina. Saint Petersburg : Vladimir Dal, 2005. 186 s.
 9. Jünger F. Sovershenstvo tekhniki [The Perfection of Technology] / F. Jünger ; per. s nem. I.P. Streblovoy. Moskva : Fond Un-t ; Sankt-Peterburg : Vladimir Dal — translated from German by I.P. Streblova. Moscow : University Foundation ; Saint Petersburg : Vladimir Dal, 2002. 558 s.
 10. Jünger E. Rabochiy. Gospodstvo i geshtalt : totalnaya mobilizatsiya ; O boli [The Worker: Domination and Form : Total Mobilization ; On Pain] / E. Jünger ; per. s nem. A.V. Mikhaylovskogo ; pod red. D.V. Sklyadneva. Sankt-Peterburg : Nauka — translated from German by A.V. Mikhaylovskiy ; edited by D.V. Sklyadnev. Saint Petersburg : Science, 2000. 537 s.
 11. Jaspers K. Smy'sl i naznachenie istorii : sb. [The Origin and Goal of History : collection of works] / K. Jaspers ; per. s nem. ; vstup. st. P.P. Gaydenko ; komment. V.N. Katasonova. 2-e izd. Moskva : Respublika — translated from German ; introductory article by P.P. Gaydenko ; commentary by V.N. Katasonov. 2nd edition. Moscow : Republic, 1994. 527 s.
-

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-1-12-17

Разграничение понятий государства и государственности на примере образования Тувинской Народной Республики в начале XX века

Ширижик Вячеслав Михайлович,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса

Тувинского государственного университета

shirizhik-vm@yandex.ru

Статья посвящена разграничению понятий «государственность» и «государство» на примере образования Тувинской Народной Республики, которая была образована во время гражданской войны в сложный период существования советской власти в России. Политическая ситуация, которая сложилась на территории Центральной Азии после Первой мировой войны, разделила жителей Урянхайского края на людей, которые сочувствовали большевикам и Белому движению. Это привело к кровопролитным столкновениям и гражданской войне, но именно победа советской власти способствовала тому, что в 1921 году на территории Урянхайского края было образовано независимое государство, которое получило название Танну-Тува Улус. При анализе понятий «государство» и «государственность» был сделан вывод, что они во многом схожи, но не тождественны, единственное отличие в том, что в понятие государственности входят дополнительные признаки, не свойственные государству, такие как политическая свобода, права и обязанности гражданина, экономическое, политическое развитие общества и др.

Ключевые слова: Советская Россия, Урянхайский край, протекторатство, первая Конституция Тувинской Народной Республики, нойоны, классовая борьба, государство, государственность, признаки, понятия.

Demarcation between the Concepts of State and Statehood on the Example of the Establishment of the Tuvan People's Republic in the Early XX Century

Shirizhik Vyacheslav M.

Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure of the Tuva State University

The article is devoted to the differentiation of the concepts of statehood and state on the example of the formation of the Tuvan people's Republic. Which was formed during the civil war in a difficult period of Soviet power in Russia. The political situation that developed on the territory of Central Asia after the first world war divided the inhabitants of Uryankhai region into people who sympathized with the Bolsheviks and the white movement. This led to bloody clashes and civil war; but it was the victory of Soviet power that contributed to the fact that in 1921. on the territory of Uryankhai region was formed an independent state, which was called Tannu-Tuva Ulus. In the analysis of the concepts of state and statehood was, concluded that they are largely similar, but not identical, the only difference is that the concept of statehood includes additional features that are not peculiar to the state, such as political freedom, rights and obligations of the citizen, economic, political development of society, etc.

Keywords: Soviet Russia, Urankhai region, protectorate, the first Constitution of the TR, noyons, class struggle, state, statehood, signs, concepts.

В современном обществе принято считать, что понятия «государство» и «государственность» схожи, но при анализе данных признаков мы все же приходим к выводу, что они не тождественны, имеют различное смысловое значение. Это связано с тем, что с развитием государства, его основных признаков современная общественная мысль наделила государство функциями охраны и защиты народов от набегов соседних стран, как это было в Древние и Средние века. Но с развитием общественных отношений государство берет на себя и другие функции, которые обеспечивают социальное развитие народов, повышение уровня жизни, предоставление и расширение прав и свобод граждан. Поэтому систему государственной власти исследовали философы, правоведы, политики, такие как К. Маркс¹, Ж-Ж. Руссо², Г. Гегель³, В.И. Ленин⁴, З.М. Черниловский⁵, В.Н. Хропанюк⁶ и др.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. С. 214.

² Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии. М., 1917. С. 22.

³ Гегель Г. Философская пропедевтика // Работы разных лет. Т. 2. М., 1971. С. 202–203.

⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1948. С. 254–258.

⁵ Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М.: Юристъ, 2000. 576 с.

⁶ Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учебное пособие для высших учебных заведений / под ред. профессора В.Г. Стрекозова. М., 1999. 377 с.

Так, В.Е. Чиркин отмечал: *Государственность — широкое понятие, охватывающее государство, предгосударственные образования (например, при первоначальном возникновении государства), а также национально-государственные образования и иные автономные образования политического характера*⁷. Получается, что государственность — это уровень развития общества на определенном этапе исторического развития. При этом в понятие государственности входят: государственная власть; государство; политическая система; идеология; личность; общество; уровень экономического развития и т.д.⁸. При исследовании понятия государства Е.Н. Трубецкой предлагал нам следующее определение: *Государство — это совокупность институтов, направленных на служение народу, с установлением определенного порядка управления, в пределах определенных полномочий, которые устанавливаются законодательными актами*⁹. Государство — это социальное явление с присущими ему основными признаками, такими как: территория, население и власть¹⁰. Оно способствует

⁷ Чиркин В.Е. Государствоведение: учебник. М., 2000. URL: <http://asmlocator.ru>

⁸ Понятие государства и государственности. Теория государства и права. URL: <https://studref.com/>

⁹ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 22.

¹⁰ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1903. С. 90.

организации общественной жизни, объединенной единой целью, политическими, экономическими и социальными интересами. Если суммировать все признаки государства, с учетом типов, форм и институтов, мы можем четко определить, какое перед нами государство.

Как видим из представленных нами определений, понятия «государство» и «государственность» схожи, именно поэтому их сложно разграничить по признакам, функциям и другим элементам.

Разграничение данных понятий в современной отечественной науке требует более тщательного исследования. Понятие «государственность» ранее рассматривали как синоним «государству», поэтому ученые — правоведы, историки, политологи, культурологи не исследовали данные понятия и не пытались их разграничить, что свидетельствует о дискуссионности данной проблемы. Поэтому мы часто в юридической литературе встречаем такие выражения, как «возможно», «по-видимому» и т.д., например: *По-видимому, государственность, являясь институциональной системой, включает прежде всего систему органов государственной власти и управления*¹¹. Также не следует думать, что государственность — это предгосударственность или система власти, которая стремится к образованию государства, что колониально зависимое государство может иметь государственность. Для того чтобы разобраться в этих понятиях, исследуем образование Тувинской Народной Республики в начале XX в.

Территория Урянхайского края, где возникла Тувинская Народная Республика (далее — ТНР), сотни лет находилась под властью различных правителей. Начиная от империи Чингисхана, далее с момента возникновения и распада государства Алтынханов и Джунгарии в XVI–XVIII вв., а в начале XX в. господства Цинской империи на территории Центральной Азии и протектората Российской империи в отношении Урянхайского края до вхождения ТНР в состав СССР¹².

В конце XIX в., после падения Цинской династии в Китае, территория Урянхайского края стала независимой, но без системы органов государственной власти. Тувинские нойоны могли осуществлять управление в пределах подконтрольных районов, не имея власти над всей территорией Урянхайского края, т.е. были следующие признаки: территория, население, но отсутствовал основной признак государства — единая власть. Тувинская знать осознавала, что самостоятельно она не сможет противостоять влиянию и агрессии соседних государств, для этого не было ни сил, ни средств, и системы власти, которая нужна для построения стабильного государства, не было; с тем чтобы сохранить свой народ как этнос, им необходимо было войти в состав более сильного государства.

Первая мировая война не прошла мимо территории Урянхайского края, которая оказалась в геополитических интересах между Российской империей, Китаем и Монголией¹³. Она фактически определила, что Тува стала частью мировой системы, передела сферы влияния, когда за Китаем, Монголией стояли европейские государства против царской России, для того чтобы по-новому определить судьбу многих государств Азии. Именно желание поделить азиатский континент заставило ведущие государства обратить внимание на Туву, а также легкость, с которой можно было получить эту территорию.

О принятии тувинского населения под покровительство России местные феодалы в обращении к Николаю II пишут: *После падения Маньчжурской династии, монгольского ханства Халхаский... опираясь на покровительство Великой России, объявил Монголию независимым государством*. Далее отмечается, что *урянхайское население временно осталось в выжидательном положении, не зная, какое избрать для себя более наилучшее направление*. В этом прошении от 28 сентября 1913 г. отмечается, что монгольское правительство хочет взять под свой кон-

¹¹ URL: <http://meqaobuchalka.ru>Предпринимательство>15986.html>. Государство и государственность (Соотношение понятий).

¹² История Тувы : в 2 т. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. С.И. Вайнштейна,

М.Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука, 2001. 367 с.

¹³ Усанов В.Е. Проблемы общей теории государства и права : учебное пособие. М. : Изд-во «Элит», 2006. С. 68.

троль Урянхайский край, но *все население, как светское, так духовное, преисполнено желанием... покровительства Велико-го Государя Императора*¹⁴. В июле 1914 г. министр иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов телеграфировал иркутскому генерал-губернатору о включении пяти районов Урянхайского края, из которых состояла данная территория, под покровительство Российской империи.

В 1917 году революционные события в Петрограде и Москве развивались столь стремительно, что до окраин России доходили с опозданием на несколько недель или месяцев. Волнения продолжались, стремление русского народа на преобразование завершилось новой революцией, которую позже назовут Великой Октябрьской революцией, 7 ноября 1917 г. по новому стилю, вооруженным свержением Временного правительства и созданием нового правительства с формированием Всероссийского центрального исполнительного комитета во главе с В.И. Лениным (Ульяновым). Во многих регионах России власть перешла к местным Советам, в Енисейской губернии — новая власть установилась 29 октября в Красноярске, а 31 октября 1917 г. в Минусинске.

4 января 1921 г. Пленум ЦК РКП(б), кроме многочисленных проблем молодой советской власти, обсуждал вопрос «об Урянхайском крае» под председательством В.И. Ленина, с участием А.Д. Троцкого, Ф.Э. Дзержинского, И.В. Сталина и др. Было принято следующее решение: *Признавая формальное право Китайской Республики над Урянхайским краем, принять меры для борьбы с находящимися там белогвардейскими каппелевскими отрядами и оказать содействие местному крестьянскому населению...*¹⁵

Гражданская война в России фактически разделила жителей Тувы на два враждующих лагеря: одни нойоны поддерживали идею объединения с Россией, при этом не признавая власть большевиков, другие нойоны признавали власть китайских

и монгольских интервентов, считая, что именно с этими государствами Тува сможет обрести самостоятельность. Другая часть тувинцев видела будущее Урянхайского края только с большевиками. Сторонники Омского правительства, представителями которого были колчаковцы, стремились сохранить протекторат со стороны России в отношении края, но они реально не осознавали, что все старые идеи реставрации царской России или восстановления власти, основанные на классовом разделении общества на богатых и бедных, в Туве неприемлемы. Победа советской власти в гражданской войне, захват власти в Туве большевиками способствовали тому, что Тува не стала частью Китая или Монголии, а превратилась в самостоятельное государство.

Активную роль в самоопределении тувинского народа сыграли именно большевики. В селе Атамановка Тувы состоялся с 13 по 16 августа 1921 г. Всетувинский хурал (съезд) представителей коренного населения, русского, а также иных народов, которые проживали в крае. Всего было 62 делегата из большинства районов Тувы, а также 17 человек из советского представительства, в том числе И.Г. Сафьянов, С.К. Кочетов, Я.С. Чугунов, Г.Я. Стрелков и др.

Был избран президиум хурала, куда вошли 4 нойона и 7 чиновников, председателем хурала был избран Буян-Бадьргы, а секретарем стал амбын-нойон Дарыма. На повестку дня съезда были поставлены следующие вопросы: о самоопределении Тувы, принятии конституции Тувы, о дружбе между народами Советской России, Монголии, а также вопросы, связанные с созданием органов государственной власти, и др.

При обсуждении вопроса о конституции Тувы были рассмотрены два проекта, которые по содержанию оказались близки между собой. Первый вариант основного закона был продемонстрирован представителями русской делегации, второй вариант — тувинцами. В итоге длительных дебатов делегатами был принят более демократичный вариант Конституции ТНР, куда вошли пункты, предложенные как тувинцами, так и русскими. С указанием, что образовано новое государство — Республи-

¹⁴ Центральный государственный архив Республики Тыва. Ф. 112. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–8 (копия).

¹⁵ Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Новосибирск, 1996. С. 184–185.

ка Танну-Тува Улус, с сохранением протекторатства со стороны России.

Первая Конституция ТНР состояла из 22 статей, при этом все межгосударственные отношения правительство Тувы передавало Советской России. Статья 1 устанавливала: *В международных отношениях республика (Танну-Тува Улус) выступает под покровительством Советской России*; фактически новое государство признавало в одностороннем порядке протекторатство со стороны другого государства. Также Конституция отражала политические особенности своего времени (ст. 8): *Республика ведет в союзе с Советской Россией решительную борьбу с белыми бандами и другими империалистами, стремящимися превратить территорию Танну-Тува в колонию иностранного капитала*¹⁶.

Таким образом, в понятие «государство» входят основные признаки: население; территория; власть. В понятие «государственность», кроме тех признаков, которые имеет государство, включаются также: идеология; деятельность личности во взаимодействии с государством; духовное состояние общества и государства; эко-

номическое развитие общества; политическая ситуация и т.д. Тувинская Народная Республика с 1921 г. стала считаться полноценным государством, но в Конституции было закреплено в одностороннем порядке покровительство Советской России в отношении Танну-Тува Улус, что могло повлиять на сомнения в суверенности вновь образованной страны как субъекта межгосударственных отношений. Однако протекторатство предполагает взаимное межгосударственное соглашение, а Советская Россия таких обязательств на себя формально не брала. Правительство РСФСР в обращении к тувинскому народу в сентябре 1921 г. признало независимость новой республики и гарантировало помощь в защите ее суверенитета. Конституционное закрепление передачи международных полномочий со стороны ТНР Советской России было связано с идеей построения на территории Урянхайского края социалистического государства.

Поэтому данный факт доказывает, что «государственность» по сравнению с «государством» более широкое понятие, куда входят такие признаки, как идеология, единение народов Урянхайского края, классовая борьба, которые способствовали образованию Тувинской Народной Республики как государства.

¹⁶ Сборник Конституций Республики Тыва. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1999. С. 25–26.

Литература

1. Гегель Г. Философская пропедевтика / Г. Гегель // Работы разных лет : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1971. С. 202–203.
2. Государствоведение : учебник / В.Е. Чиркин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юристъ, 2000. 382 с.
3. Еллинек Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек ; пер., под ред. В.М. Гессена и А.В. Шалланда // Право современного государства. Т. 1. СПб. : Т-во «Общественная польза», 1903. 532 с.
4. История Тувы : в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Наука, 2001. 367 с.
5. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 46. Ч. 1: Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала»). Киев : Политиздат Украины, 1982. 577 с.
6. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии / Кн. Е.Н. Трубецкой. М. : Т-во Тип. А.И. Мамонтова, 1917. 227 с.
7. Усанов В.Е. Проблемы общей теории государства и права : учебное пособие / В.Е. Усанов. М. : Изд-во «Элит», 2006. 648 с.
8. Хропанюк В.Н. Теория государства и права : учебное пособие для высших учебных заведений / В.Н. Хропанюк ; под ред. В.Г. Стрекозова. 2-е изд., доп., испр. М. : Интерстиль, 1999. 377 с.
9. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права / З.М. Черниловский. М. : Юристъ, 2000. 576 с.

References

1. Hegel G. Filosofskaya propedeutika [The Philosophical Propaedeutic] / G. Hegel // Raboty' razny'kh let : v 2 t. T. 2. Moskva : My'sl — Works of Different Years : in 2 vol. Vol. 2. Moscow : Thought, 1971. S. 202–203.

2. Gosudarstvovedenie : uchebnik [Political Science : textbook] / V.E. Chirkin. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Yurist — 2nd edition, revised and enlarged. Moscow : Lawyer, 2000. 382 s.
3. Jellinek G. Obschee uchenie o gosudarstve [General Theory of the State] / G. Jellinek ; per., pod red. V.M. Gessena i L.V. Shallanda // Pravo sovremennogo gosudarstva. T. 1. Sankt-Peterburg : T-vo Obschestvennaya polza — translated, edited by V.M. Gessen and L.V. Shalland // Law of the Modern State. Vol. 1. Saint Petersburg : Common Good partnership, 1903. 532 s.
4. Istoriya Tuvy' : v 2 t. T. I [The History of Tuva : in 2 vol. Vol. I] / pod obsch. red. S.I. Vaynshteyna, M.Kh. Mannay-oola. 2-e izd., pererab. i dop. Novosibirsk : Nauka — under the general editorship of S.I. Vaynshteyn, M.Kh. Mannay-ool. 2nd edition, revised and enlarged. Novosibirsk : Science, 2001. 367 s.
5. Marx K. Sochineniya [Writings] / K. Marx, F. Engels. T. 46. Ch. 1 : Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov (Pervonachalny'y variant Kapitala). Kiev : Politizdat Ukrainy' — Vol. 46. Part 1 : Economic Manuscripts of 1857 to 1859 (The Initial Version of Capital). Kiev : Publishing House of Political Literature of Ukraine, 1982. 577 s.
6. Trubetskoy E.N. Lektsii po entsiklopedii [Lectures on Encyclopedia] / Prince E.N. Trubetskoy. Moskva : T-vo Tip. A.I. Mamontova — Moscow : Partnership A.I. Mamontov's printing office, 1917. 227 s.
7. Usanov V.E. Problemy' obschey teorii gosudarstva i prava : uchebnoe posobie [Issues of the General Theory of State and Law : Textbook] / V.E. Usanov. Moskva : Izd-vo Elit — Moscow : Elite publishing house, 2006. 648 s.
8. Khropanyuk V.N. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnoe posobie dlya vy'sshikh uchebny'kh zavedeniy [The Theory of State and Law : textbook for higher educational institutions] / V.N. Khropanyuk ; pod red. V.G. Strekozova. 2-e izd., dop., ispr. Moskva : Interstil — edited by V.G. Strekozov. 2nd edition, enlarged and revised. Moscow : Interstyle, 1999. 377 s.
9. Chernilovskiy Z.M. Vseobschaya istoriya gosudarstva i prava [The World History of State and Law] / Z.M. Chernilovskiy. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2000. 576 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-1-17-23

Об отдельных организационно-правовых мерах по противодействию коррупции в Российском государстве в XV–XVIII веках

*Кирюхин Владимир Викторович,
доцент кафедры управления деятельностью
подразделений обеспечения охраны общественного
порядка центра командно-штабных учений
Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
vlad19730706@rambler.ru*

*Зимин Сергей Иванович,
начальник межмуниципального отдела
Министерства внутренних дел Российской Федерации
«Фатежский» Курской области
89508798888@rambler.ru*

В статье рассматриваются отдельные организационно-правовые меры по противодействию коррупции в Российском государстве в XV–XVIII веках. На основе анализа российского законодательства, а также фундаментальных трудов ученых, посвященных проблемам противодействия коррупции и взяточничеству на территории Российского государства, авторы приходят к выводу о том, что, несмотря на нормативное закрепление наказания за коррупционные правонарушения, это не снижало количества совершаемых противоправных деяний ввиду лояльности верховной власти к сановникам и не влияло на размер получаемых ими взяток. Вместе с тем осуществляемые мероприятия по противодействию коррупции нашли свое дальнейшее продолжение в Своде законов Российской им-

перии 1832 года и Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, что послужило развитию системы организационно-правовых мер по противодействию коррупции в России.

Ключевые слова: управление, государственная власть, меры по противодействию коррупции, взяточничество, казнокрадство.

On Separate Organizational and Legal Corruption Countering Measures in the Russian State in the XV to the XVIII Century

Kiryukhin Vladimir V.

*Associate Professor of the Department of Management of Activities of Public Order Maintenance Subdivisions of the Center for Command and Staff Exercises of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences*

Zimin Sergey I.

Head of the Fatezhskiy Inter-Municipal Department for the Kursk Region of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The article discusses some organizational and legal measures to combat corruption in the Russian state in the XV–XVIII centuries. Based on the analysis of the Russian legislation, as well as the fundamental works of scientists on the problems of combating corruption and bribery in the territory of the Russian state, the authors conclude that, despite the normative consolidation of punishment for corruption offenses, it has not reduced the number of illegal acts committed due to the loyalty of the Supreme power to the dignitaries and did not affect the number of bribes received by them. At the same time, anti-corruption measures were continued in the code of laws of the Russian Empire of 1832 and the penal and correctional Code of 1845, which served to develop the system of organizational and legal measures to combat corruption in Russia.

Keywords: governance, government, anti-corruption measures, bribery, embezzlement.

Одной из самых актуальных угроз по масштабам разрушительного воздействия на поступательное развитие общества и государства можно назвать коррупцию. Она сковывает свободу экономической деятельности, подавляет гражданские инициативы, создает в обществе нездоровую атмосферу и формирует недоверие к институтам власти. 29 июня 2018 г. указом Президента Российской Федерации был утвержден Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 гг.¹

Для определения наиболее результативных средств предупреждения и пресечения коррупционных правонарушений в системе государственной службы целесообразно обратиться к урокам истории, изучить опыт противодействия этому явлению, учесть уроки, ошибки и неудачи в борьбе со служебными злоупотреблениями в дореволюционной России. Без внутренней глубинной связанности с культурой нельзя достичь положительного результата, предотвратить

конфликт с существующими правовыми традициями.

Императрица Екатерина II считала, что «не зная прошлого народа, можно ли принимать какие-либо меры для него в настоящем и будущем»².

Злоупотребление служебным положением встречалось в Древнем Вавилоне, Древнем Египте, в Римской империи, в Византии.

В Древнем Риме широкое распространение получает «электоральная коррупция» (*ambitus* — искательство почетных должностей незаконными средствами). Одним из первых римских законов против незаконных способов ведения предвыборной агитации был закон военных трибунов Луция Пинария, Луция Фурия, Спурия Постумия в 432 г. до н.э. (*Lex Pinaria Furia Postumia*), запретивший «отбеливание тоги для кандидатов на государственные должности, выказывая этим свои домогательства» (*ne cui album in vestimentum addere petitionis liceret causa*)³.

¹ О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы : Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 // СЗ РФ. 2018. № 27. Ст. 4038.

² Речь секретаря императорского Русского Исторического Общества ординарного академика А.Ф. Бычкова // Сб. РИО. 1874. Т. 13. С. 9.

³ Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. I. Кн. IV, 25. М., 1989. С. 13–14.

Безусловно, каждое государство имело свои особенности в развитии коррупционных правонарушений. Однако общей причиной, порождающей коррупцию, становится развитие государственного аппарата, системы оплаты судебных расходов сторон, участвующих в тяжбе, с заранее не фиксированной ставкой оплаты, когда она легко превращалась во взятку должностным лицам, прагматического мировоззрения, состоящего в материализации ценностей, связанного с бурным развитием предпринимательства и торговли.

Предпосылки коррупции (взятничества и казнокрадства) на Руси можно увидеть в системе организации власти в удельных княжествах московских князей и методах оплаты русского чиновничества.

Ричард Пайпс писал, что чиновники московских приказов и прочих ведомств, служившие «под непосредственным началом суверена, получали содержание из царской казны»⁴. Провинциальное чиновничество (наместники и волостели как представители великокняжеской администрации и суда в городах и волостях) денег из казны не получало, что предполагало обеспечение его жалованием за счет местного населения. Назначение местных чиновников осуществлялось с правом «кормления», т.е. с правом собирать в свою пользу с подвластного населения различные (в том числе и судебные) пошлыны и поборы в денежной и натуральной формах. Полномочия чиновников подтверждались кормлеными грамотами. Однако эти нормативные акты в массе своей отличались удивительной лаконичностью и никак не определяли величину «корма» за определенные действия⁵, что порождало произвол.

Пожалуй, первым шагом на пути к ограничению самовластия чиновников стали нормы Судебника Ивана III. В Судебнике 1497 г. предписывалось: «Боярам и детям боярским, за которыми кормления судом... посула от суда не брать и посулов не просить»⁶.

Судебник 1497 г. впервые в общегосударственном масштабе запрещал дачу взятки («посула»). Однако запретив «посулы», государство оставило данные деяния без санкции, так как, по-видимому, считало их достаточно обыденным и лишенным общественной опасности явлением либо не обладало достаточным аппаратом для избличения и наказания мздоимцев.

Только в Судебнике 1550 г. появляется санкция за «посулы» при неправосудных решениях: для дьяка — в виде тюремного заключения, для подьячего — в виде «торговой казни», т.е. в виде битья кнутом на торговой площади.

Исследователь Н.Ф. Демидова убедительно доказала, что подношения в российском обществе XVII в. не имели определенного характера. В частности, она указывает: «Во-первых, это была так называемая “почесть”, которая предлагалась челобитчиком заранее для успешного ведения дела. Во-вторых, чиновникам платили за составление бумаг и ускорение конкретной работы. И, в-третьих, они получали “посулы” за нарушение закона. В допетровской Руси именно “посулы” были, собственно, взятками в современном понимании этого слова, тогда как “почесть” и конкретная плата за составление бумаг не считались нарушениями»⁷.

Такой вывод представляется логичным и обоснованным при анализе законодательства и других источников того времени и поэтому получил широкое распространение в российской историко-правовой науке.

В эпоху Ивана Грозного в России открываются государственные питейные заведения — кабаки. Производство питания являлось исключительным правом московского царя⁸. Кабацкая служба была царской, и ее должны были нести жители окружавшего питейное заведение посада или городка. Однако люди, имевшие средства и влияние, старались избегать этого ярма, поскольку царю полагалось служить «за подчет», без выплат со стороны казны и с полной материальной ответственностью за недоимки. Торговлю в

⁴ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2004. С. 101.

⁵ Амплеева Т.Ю. Борьба с судебным произволом в Московской Руси (XVI–XVII вв.) // Государство и право. 2006. № 10. С. 73.

⁶ Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М., 1999. С. 39.

⁷ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 141–146.

⁸ Дитятин И.И. Царский кабаки Московского государства // Статьи по истории русского права. СПб., 1896. С. 474.

кабаках осуществляли так называемые целовальники, которые перед вступлением в должность должны были целовать крест в знак того, что не будут воровать. Прибыли от торговли не было никакой, поэтому целовальниками стали выбирать наиболее бедных и безответственных людей, у которых было два пути: либо умереть от голода, либо умереть на плахе за воровство и клятвоотступничество⁹.

В этот период «смертной казнью без всякой пощады карались чиновники за воровство и корысть, причиняющую ущерб государственным интересам, а именно — головы и целовальники за кабацкие и таможенные недоимки; причем тех воров дома и промыслы отдавались доносчикам на них — «изветникам»»¹⁰.

В Соборном уложении 1649 г. устанавливаются наказания для дьяков в виде «торговой казни» и отстранения от должности, а для подьячих — в виде отсечения руки, которые за «посул» подменили челобитную либо в записях исказили ход судебного процесса¹¹.

Согласно требованиям грамот Верхотурскому воеводе 1679 г. и Мезенскому воеводе 1688 г. было казнено несколько таможенных голов сибирских городов, которые из корыстных побуждений пропускали товары и сборщиков дани за излишние поборы с мезенских жителей¹².

Однако это не останавливало служивых людей, и российский историк С.М. Соловьев, описывая нравы во времена царствования Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, упоминал чиновников, которые «пером ловили соболей».

В начале XVIII в. Петр I начинает модернизацию всех сторон жизни общества, создавая путем реформ рационально управляемое, «регулярное государство»¹³.

Объективным препятствием для проведения реформ государственного управления стала практика взяточничества, казнокрадства и прочие злоупотребления на государственной службе.

Одним из направлений борьбы с коррупцией в петровскую эпоху являлась уголовно-правовая политика. Исследователи насчитывают 392 указа уголовно-правового характера того времени¹⁴ и признают, что уголовные наказания периода правления Петра I — самые жестокие в истории дореволюционного отечественного права¹⁵. Однако уголовно-правовая политика Петра I впервые сочеталась с мерами организационного и экономического характера.

В 1714 году достоянием гласности стало то, что чиновники государственных учреждений с помощью подставных лиц брали подяды и поставляли казне хлеб в 2 раза дороже, чем закупали его у населения. В числе главных обвиняемых предстали: кн. А.Д. Меншиков, адмирал Ф.М. Апраксин, петербургский вице-губернатор Я.Н. Римский-Корсаков, начальник Адмиралтейства А.В. Кикин, сенаторы кн. Г.И. Волконский, В.А. Апухтин, начальник артиллерии Я.В. Брюс¹⁶.

Все участники скандала подверглись суровым наказаниям, за исключением А.Д. Меншикова, Ф.М. Апраксина и Я.В. Брюса, что не помешало им впоследствии занимать ключевые посты в государстве.

Основные принципы политики по борьбе со взяточничеством изложены в Указе от 24 декабря 1714 г. «О воспрещении взяток и посулов и о наказаниях за оное». В нем указывалось, что «многие лихоимства умножились, между которыми подяды вымышлены и прочие тому подобные дела уж наружу вышли»¹⁷.

Данным указом отменено «поместное обеспечение чиновников и повышено их де-

⁹ Жирнов Е. Яды обжорного ряда // Коммерсант-деньги. 2007. № 28. С. 68.

¹⁰ Викторский С.К. История смертной казни в России и современное состояние. М., 1912. С. 99.

¹¹ Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М., 1999. С. 58.

¹² Викторский С.К. История смертной казни в России и современное состояние. М., 1912. С. 99.

¹³ Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. С. 51.

¹⁴ Васильев А.В. Законодательство и правовые системы дореволюционной России. СПб., 2004. С. 90.

¹⁵ Цечоев В.К., Власов В.И., Степанов О.В. История отечественного государства и права. М., 2003. С. 311.

¹⁶ Дема Е.Г. Искоренить казнокрадство пытался еще Петр I // Военно-исторический журнал. 2000. № 2. С. 82.

¹⁷ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 749.

нежное содержание»¹⁸. Закреплялось, что единственным доходом чиновников должно было стать жалование. Нарушителей данной нормы ждали телесные наказания, лишение имений, шельмование, низвержение из числа добрых людей и даже смертная казнь.

Направление, намеченное законодателем в 1714 г., получило развитие в указе от 23 февраля 1720 г., который подвел законодательную черту под многовековой системой взаимоотношений администрации и населения, приравняв кормление к взятке¹⁹.

В 1711 году при Сенате учреждалась должность обер-фискала, в 1718 г. в помощь ему были назначены фискалы в коллегиях и по городам. Указом 5 марта 1711 г. определялись обязанности обер-фискала: «...должен он над всеми делами тайно надсматривать и проповедовать про неправый суд, також в сборе казны и прочего, и кто неправду учинит, то должен фискал позвать его пред сенат (какой высокой степени ни есть и тамо его уличать)»²⁰.

Несмотря на суровые наказания и мероприятия организационного характера, злоупотребления продолжались.

Ближайший друг Петра I — вице-губернатор Санкт-Петербургской губернии светлейший князь А.Д. Меньшиков в ходе следствия в 1723 г. вернул казне 144 788 руб.²¹, а после его ссылки в Сибирь была обнаружена колоссальная сумма в 9 млн руб. в банковских билетах Лондонского и Амстердамского банков и 4 млн наличных денег²². Как указывает Я.Е. Водарский, «казнокрадство Меньшикова порой выходило из ряда вон даже в то время, когда казнокрадами и взяточниками были все»²³. Состояние

А.Д. Меньшикова в три раза превосходило годовой бюджет Российской империи²⁴. В рассматриваемый период на годовое жалование в 18 руб. (из расчета 5 коп. на день) мог прожить один человек²⁵.

Отдельные авторы, указывая на данные факты, признают деятельность Петра I по борьбе с казнокрадами и взяточниками малоэффективной²⁶.

С таким выводом нельзя согласиться, так как существовавшая в России до XVIII в. система «кормления от дел» являлась прямым следствием злоупотреблений чиновников и децентрализации государственной власти.

Нельзя не увидеть заслуг Петра I. При нем впервые провозглашается принцип приоритета прямых денежных выплат чиновничьему аппарату. Организация службы за жалование — первый и самый важный этап на пути борьбы со взятками, казнокрадством, злоупотреблениями. Именно в рассматриваемую эпоху в России расследуются самые громкие коррупционные дела в высших эшелонах власти, а виновные лица понесли суровые наказания.

Вместе с тем следует отметить причины, которые не позволяют говорить о полноценной политике по противодействию коррупции в России в XVIII в.

В XIX веке начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии генерал Бенкендорф по-отечески растолковал Антону Дельвигу, что «законы пишутся для подчиненных, а не для начальства». Данный тезис полностью можно применить к петровской эпохе. С.М. Соловьев описывает эпизод, когда Петр I, слушая в Сенате одно из дел о казнокрадстве, предложил генерал-прокурору Ягужинскому написать именной указ, «что если кто и на столько украдет, что можно купить веревку, то будет повешен». «Государь, — отвечал Ягужинский, — неужели вы хотите остаться императором один без служителей и подданных? Мы все ворует с тем только различием, что один больше и приметнее, чем другой. Петр рассмеялся и ничего не сказал на это...»²⁷

²⁴ Для процветания России нужны 89 честных губернаторов // Чистые руки. 1999. № 2. С. 42.

²⁵ Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 266.

²⁶ Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 238.

²⁷ Соловьев С.М. Об истории новой России. М., 1993. С. 245.

¹⁸ Куракин А.В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (История и современность) // Государство и право. 2002. № 9. С. 39.

¹⁹ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. М., 2007. С. 237.

²⁰ Шмурло Е.Ф. История России 862–1917 гг. М., 2001. С. 324.

²¹ Дема Е.Г. Искоренить казнокрадство пытался еще Петр I // Военно-исторический журнал. 2000. № 2. С. 82.

²² Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 137.

²³ Водарский Я.Е. Петр I // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 72.

Лояльность Петра I к высшим сановникам, на наш взгляд, следует объяснять не только дефицитом кадров государственного аппарата, чьи профессиональные качества отвечали бы текущим потребностям общественного развития, но и политикой «двойных стандартов» российского царя.

М.М. Богословский писал, что «государство, заведя сложную канцелярскую машину управления, не имело достаточных средств содержать ее»²⁸. Отсутствие необходимых денежных средств довольно скоро привело к возврату к старой практике — службы за счет подношений населения²⁹.

²⁸ Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг. М., 1902. С. 266.

²⁹ Метушевская Т.И. Модель государственной службы в России в XVIII веке // История государства и права. 2007. № 5. С. 22.

Таким образом, несмотря на предпринимаемые организационно-правовые меры по противодействию коррупции в Российском государстве в XV–XVIII вв., коррупция как явление продолжала существовать в жизни общества. Нормативное закрепление наказания за коррупционные правонарушения не снижало количества совершаемых противоправных деяний ввиду лояльности верховной власти к сановникам и не влияло на размер получаемых ими взяток. Все это негативно влияло на развитие Российского государства и отношение подданных к власти. Вместе с тем осуществляемые мероприятия по противодействию коррупции нашли свое дальнейшее продолжение в Своде законов Российской империи 1832 г. и Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., что послужило развитию системы организационно-правовых мер по противодействию коррупции в России.

Литература

1. Амплеева Т.Ю. Борьба с судебным произволом в Московской Руси (XVI–XVII вв.) / Т.Ю. Амплеева // Государство и право. 2006. № 10. С. 73–81.
2. Анисимов Е.В. Время петровских реформ XVIII в., 1-я четверть / Е.В. Анисимов. Л.: Лениздат, 1989. 495 с.
3. Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг. / М.М. Богословский. М.: Императорский университет, 1902. 522 с.
4. Васильев А.В. Законодательство и правовые системы дореволюционной России / А.В. Васильев. СПб.: Питер, 2004. 224 с.
5. Викторский С.К. История смертной казни в России и современное состояние / С.К. Викторский. М.: Тип. Императорского университета, 1912. 387 с.
6. Водарский Я.Е. Петр I / Я.Е. Водарский // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 71.
7. Дема Е.Г. Искоренить казнокрадство пытался еще Петр I / Е.Г. Дема // Военно-исторический журнал. 2000. № 2. С. 81–87.
8. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н.Ф. Демидова. М.: Наука, 1987. 225 с.
9. Дитятин И.И. Царский кабак Московского государства / И.И. Дитятин // Статьи по истории русского права / И.И. Дитятин. СПб.: О.Н. Попова, 1895. 632 с.
10. Жирнов Е. Яды обжорного ряда / Е. Жирнов // Коммерсант-деньги. 2007. 23 июля.
11. Законодательство Петра I / В.М. Клеандрова [и др.]. М.: Юридическая литература, 1997. 878 с.
12. Куракин А.В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (История и современность) / А.В. Куракин // Государство и право. 2002. № 9. С. 35–39.
13. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительно-историческое исследование / А.Н. Медушевский. М.: Текст, 1994. 317 с.
14. Метушевская Т.И. Модель государственной службы в России в XVIII веке / Т.И. Метушевская // История государства и права. 2007. № 5. С. 21–23.
15. Пайпс Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. М.: Захаров, 2004. 493 с.
16. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века / Л.Ф. Писарькова. М.: РОССПЭН, 2007. 742 с.
17. Соловьев С.М. Об истории новой России / С.М. Соловьев; сост., авт. предисл. и примеч. А.И. Самсонов. М.: Просвещение, 1993. 558 с.
18. Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. I. Кн. IV / Тит Ливий. М.: Наука, 1989.
19. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России / Ю.П. Титов. М.: Проспект, 1999. 469 с.
20. Цечоев В.К. История отечественного государства и права / В.К. Цечоев, В.И. Власов, О.В. Степанов. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 571 с.
21. Шмурло Е.Ф. История России 862–1917 гг. / Е.Ф. Шмурло. М.: Аграф, 2001. 624 с.

References

1. Ampleeva T.Yu. Borba s sudebnym proizvolom v Moskovskoy Rusi (XVI–XVII vv.) [Fight against Judicial Abuse of Power in the Muscovite Rus (the XVI to the XVII Century)] / T.Yu. Ampleeva // Gosudarstvo i pravo — State and Law. 2006. № 10. S. 73–81.
2. Anisimov E.V. Vremya petrovskikh reform XVIII v., 1-ya chetvert [The Time of Peter's Reforms of the First Quarter of the XVIII Century] / E.V. Anisimov. Leningrad : Lenizdat — Leningrad : Leningrad Publishing House, 1989. 495 s.
3. Bogoslovskiy M.M. Oblastnaya reforma Petra Velikogo. Provintsiya 1719–1727 gg. [The Provincial Reform of Peter the Great. Province in 1719 to 1727] / M.M. Bogoslovskiy. Moskva : Imp. o-vo istorii i drevnostey ros. pri Mosk. un-te — Moscow : Imperial Society of Russian History and Antiquities under the Moscow University, 1902. 522 s.
4. Vasilyev A.V. Zakonodatelstvo i pravovy'e sistemy' dorevolutsionnoy Rossii [Legislation and Legal Systems of the Pre-Revolutionary Russia] / A.V. Vasilyev. Sankt-Peterburg : Piter — Saint Petersburg : Peter, 2004. 224 s.
5. Viktoriskiy S.K. Istoriya smertnoy kazni v Rossii i sovremennoe sostoyanie [The History of Capital Punishment in Russia and the Modern State] / S.K. Viktoriskiy. Moskva : Tip. Imp. Mosk. un-ta — Moscow : Printing office of the Imperial Moscow University, 1912. 387 s.
6. Vodarskiy Ya.E. Petr I [Peter the Great] / Ya.E. Vodarskiy // Voprosy' istorii — Issues of History. 1993. № 6. S. 71.
7. Dema E.G. Iskorenit kaznokradstvo py'talsya esche Petr I [Even Peter the Great Tried to Root out Corruption] / E.G. Dema // Voенно-istoricheskij zhurnal — Military and Historical Journal. 2000. № 2. S. 81–87.
8. Demidova N.F. Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII v. i ee rol v formirovaniy absolyutizma [Service Class Bureaucracy in Russia of the XVII Century and Its Role in the Establishment of Absolutism] / N.F. Demidova. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1987. 225 s.
9. Dityatin I.I. Tsarskiy kabak Moskovskogo gosudarstva [Tsarist Tavern of the Moscow State] / I.I. Dityatin // Statyi po istorii russkogo prava / I.I. Dityatin. Sankt-Peterburg : O.N. Popova — Articles on the Russian Law History / I.I. Dityatin. Saint Petersburg : O.N. Popova, 1895. 632 s.
10. Zhirnov E. Yady' obzhornogo ryada [Poisons of a Glutting Row] / E. Zhirnov // Kommersant-dengi. 2007. 23 iyulya — Kommersant-Money. 2007. July 23.
11. Zakonodatelstvo Petra I [Peter the Great's Laws] / V.M. Kleandrova [i dr.]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — V.M. Kleandrova [et al.]. Moscow : Legal Literature, 1997. 878 s.
12. Kurakin A.V. Administrativno-pravovy'e sredstva preduprezhdeniya i presecheniya korruptsii v sisteme gosudarstvennoy sluzhby' (Istoriya i sovremennost) [Administrative Law Means of Prevention and Suppression of Corruption in the Public Service System (the History and the Modern Times)] / A.V. Kurakin // Gosudarstvo i pravo — State and Law. 2002. № 9. S. 35–39.
13. Medushevskiy A.N. Utverzhenie absolyutizma v Rossii : Sravnitelno-istoricheskoe issledovanie [The Establishment of Absolutism in Russia : Comparative Law Research] / A.N. Medushevskiy. Moskva : Tekst — Moscow : Text, 1994. 317 s.
14. Metushevskaya T.I. Model gosudarstvennoy sluzhby' v Rossii v XVIII veke [The Model of the Public Service in Russia in the XVIII Century] / T.I. Metushevskaya // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2007. № 5. S. 21–23.
15. Pipes R. Rossiya pri starom rezhime [Russia under the Old Regime] / R. Pipes. Moskva : Zakharov — Moscow : Zakharov, 2004. 493 s.
16. Pisarkova L.F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII veka [Public Administration in Russia from the Late XVII to the Late XVIII Century] / L.F. Pisarkova. Moskva : ROSSPEN — Moscow : Russian Political Encyclopedia publishing house, 2007. 742 s.
17. Solovyev S.M. Ob istorii novoy Rossii [On the History of the New Russia] / S.M. Solovyev ; sost., avt. predisl. i primech. A.I. Samsonov. Moskva : Prosveschenie — compiled, foreword and commentaries by A.I. Samsonov. Moscow : Enlightenment, 1993. 558 s.
18. Titus Livius. Istoriya Rima ot osnovaniya goroda. T. I. Kn. IV [From the Foundation of the City. Vol. I. Book IV] / Titus Livius. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1989.
19. Titov Yu.P. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii [Anthology of the History of the Russian State and Law] / Yu.P. Titov. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 1999. 469 s.
20. Tsechoev V.K. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava [The History of the National State and Law] / V.K. Tsechoev, V.I. Vlasov, O.V. Stepanov. Rostov-na-Donu : Feniks — Rostov-on-Don : Phoenix, 2003. 571 s.
21. Shmurlo E.F. Istoriya Rossii 862–1917 gg. [The Russian History from 862 to 1917] / E.F. Shmurlo. Moskva : Agraf — Moscow : Agrapha, 2001. 624 s.

Коррупция в России: исторический анамнез (история болезни)

*Вородюхин Станислав Евгеньевич,
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Д. Путилина,
кандидат исторических наук
vorodyuhin-stani@mail.ru*

*Конonenко Ольга Сергеевна,
дознаватель отделения дознания ОМВД России
по Алексеевскому району и городу Алексеевке
avtor@lawinfo.ru*

В статье рассматривается эволюционный путь развития коррупции как социального явления в России с IX века и до наших дней. Коррупционные проявления, которые царили в среде чиновников в царской России, встречаются во фразеологизмах, поговорках и литературных произведениях. Авторы считают, что зарождение коррупции как явления в нашем Отечестве было связано с традициями общества, обыденным сознанием граждан. Многие правители яростно боролись с этим недугом, так как осознавали его губительность для государства. В статье особое внимание уделено сравнению коррупции с болезнью государства, ведь она очень заразна и быстро распространяется по всем органам.

Ключевые слова: коррупция, мздоимство, лихоимство, взяточничество, чиновники, бюрократический аппарат, коррупционные проявления, антикоррупционная политика.

Corruption in Russia: Historical Anamnesis (Medical History)

*Vorodyukhin Stanislav E.
Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Belgorod Law Institute
of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin
Candidate of Historical Sciences*

*Kononenko Olga S.
Interrogating Officer of the Division of Interrogations of the Department
for the Alekseevka District and the City of Aleseevka of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article examines the evolutionary path of the development of corruption as a social phenomenon in Russia from the 9th century to the present day. Corrupt manifestations that reigned among officials in tsarist Russia, are found in phraseologisms, proverbs and sayings, in literary works. The authors believe that the origin of corruption as a phenomenon in our country was associated with the traditions of society, the ordinary consciousness of citizens. Many rulers fiercely fought against this ailment, as they realized its destructiveness for the state. The article focuses on comparing corruption with the disease of the state, because it is very contagious and spreads rapidly across all organs.

Keywords: corruption, bribery, larceny, bribery, officials, bureaucratic apparatus, corruption manifestations, anti-corruption policy.

В мире нет такого государства, где не существует коррупции. Еще Аристотель и Платон рассматривали коррупцию во взаимосвязи с политической властью. В наши дни коррупция не только получила свое глубокое распространение в государственных органах, но и коренным образом укрепилась в умах чиновников всех мастей, изначально мысля-

щих только в рамках установки «а что я с этого буду иметь?».

Зарождение коррупции как негативно-го явления свойственно обществу, которое находится под влиянием власти и денег. Практически коррупция начала свое существование с возникновением государства и появлением должностных лиц, принимаю-

щих решение от имени государства. Чиновник может распоряжаться не принадлежащими ему государственными ресурсами путем принятия обязательных для исполнения решений. К таким ресурсам могут относиться бюджетные средства, государственная или муниципальная собственность и т.д.

Обыденное сознание оформило бытовое представление о коррупции в известных фразеологизмах, пословицах и поговорках: «дать хабара, дать барашка в бумажке, дать на лапу; с сильным не борись — с богатым не судись; богатому идти в суд — трын-трава, бедному — долой голова; в суд поди и кошелек носи, а то скажут: завтра; лошадь любит овес, земля — навоз, воевода — принос; пчелка и та взятку берет; скорее дело вершить, коли судью одарить; суд прямой, да судья кривой; один закон для богатых, другой для бедных»¹ и др.

Коррупционные проявления, которые царили в среде чиновников в царской России, были описаны не только во фразеологизмах, пословицах и поговорках, но и в литературных произведениях Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.Е. Салтыкова-Щедрина и др. Чего стоит только одна фраза Пьера Безухова в эпическом романе Л.Н. Толстого «Война и мир»: «Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое».

Рассматривая коррупцию как социальное явление, необходимо устанавливать исторические корни тех противоправных действий, которые считаются коррупционными.

Термин «коррупция» не использовался в российском законодательстве вплоть до начала XX в., однако это не служит основанием полагать о ее отсутствии до этого времени.

Появление коррупции как явления на Руси было тесно связано с традициями общества в период становления государственности в IX–X вв., когда представители государственной власти обеспечивались общиной по нормам, установленным главой государства (так называемый институт «кормления»). Однако эти нормы не могли быть едины для всех чиновников. Не случайно в «Русской Правде» в целях установления еди-

ных норм по обеспечению государственных чиновников было сделано указание на размеры этого обеспечения общиной². Непосредственно и до этого периода существовали корыстные злоупотребления должностными полномочиями лиц, трактуемые действующим правом как коррупция. Этими явлениями были «мздоимство» и «лихоимство». Как только на Руси стал складываться бюрократический аппарат управления государством, сразу появились такие явления, как «мздоимство», которое заключалось в совершении чиновником законных действий за определенное вознаграждение, и «лихоимство» — в совершении с корыстной целью противоправных действий.

Появление коррупции как общественного явления на Руси тесно связано в первую очередь с традициями общества в период становления государственности в IX–X вв., когда чиновники занимались мздоимством с челобитчиков за оказание услуг, так как это являлось их единственным доходом от службы, по причине того, что зарплаты тогда не существовало. Появившийся позже институт «кормления» позволил возложить бремя содержания государственных чиновников в течение всего их периода службы с государственной казны на местное население. В дальнейшем размеры коррупции только росли. Ее проявления нашли свое освещение в многочисленных исторических документах, сохранившихся до нашего времени и послуживших источниками ее изучения. Из тех же источников известно, что попытки если и не уничтожения, то хотя бы ее уменьшения делались регулярно, о чем свидетельствуют указы Петра I, Екатерины II, Александра I и Александра II.

Следует отметить, что именно Петр I яростно боролся с коррупцией и первым из правителей осознал губительность коррупции для государства. Царь ввел должностные оклады и запретил чиновникам брать мзду. Указом от 25 августа 1713 г. он определил в качестве наказания за взяточничество смертную казнь. В то время в российском государстве масштабы распространения лихоимства (взяточничества) были огромны. Каждый чиновник считал это неотъемлемой частью сво-

¹ Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2000. С. 121, 387.

² Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. М., 1984. С. 88, 108.

его дохода по занимаемой должности. Впервые в российской истории правитель стал бороться с коррупцией, к тому же системно. В то время были не только усилены уголовно-репрессивные меры в отношении коррупционеров, но и созданы специальные контролирующие органы. После смерти Петра I время перемен было завершено. Императрица Елизавета Петровна упразднила выплату жалований чиновникам, вновь ввела систему «кормления» и отменила смертную казнь за взятки. Начался период возврата к мздоимству и лихоимству, поэтому коррупция становилась всепроникающей и вездесущей в чиновничьем аппарате. Она вновь стала узаконенным общественным явлением, так как только взятки позволяли чиновникам получать доход от своей деятельности.

Необходимо отметить тот факт, что институт коррупции появился вместе с бюрократическим аппаратом. Так, в период правления Екатерины II «формировался один из важнейших принципов бюрократического управления — круговая порука»³. Чиновникам снова была возобновлена выплата жалования, причем это были достойные суммы, а выплаты производились вовремя. Формально коррупция в виде получения чиновниками дополнительных доходов от челобитчиков и ходяков была вне закона, но реально дела на местах обстояли по-прежнему. Теперь у чиновников было хорошее жалование и приличный дополнительный доход в виде взяток, которые население по сложившейся традиции продолжало носить, ведь засевшую в умах челобитчиков установку «не подмажешь — не поедешь» никто не отменял.

Взяточничество в дореволюционном законодательстве имело ряд разновидностей: 1) от метода извлечения взятки (мзды): получение взятки «согласно чину лиходея» — взяточничество в узком значении фразы; получение взятки «по чину» наиболее берущего — вымогательство взятки (признавалось наивысшей степенью лихоимства); 2) от качеств действия должностного лица, за которое дана или же гарантирована взятка: правомерное, никак не взаимосвязанное с нарушением обязанностей по службе (при

³ Противодействие коррупции в системе государственной службы : учебное пособие / И.Ф. Амельчаков, Д.Б. Трошев, А.В. Карагодин, Е.С. Крамская. Белгород, 2012. С. 36.

мздоимстве); соединенное с нарушением подобных обязанностей (при лихоимстве); 3) от периода получения мзды: вплоть до надлежащего (прогнозируемого) поведения должностного лица; уже впоследствии соответственного поведения должностного лица⁴.

Таким образом, проблема коррупции в российском обществе появилась наряду со становлением государственности: ни системный подход к этой проблеме Петра I, ни расширение количества субъектов коррупционных преступлений в XIX в. не привели к искоренению лихоимства и мздоимства.

В начале XX в. коррупция продолжала расти. Это было связано и с ростом количества чиновников, и со сделками с недвижимостью, и с поставками, и с военными заказами, и с основанием новых кооперативов, и с получением для использования земель с полезными ископаемыми и т.д. Правительство принимало новые попытки в борьбе с мздоимством и лихоимством: на взяточников не распространялась милость (амнистия), которую даровал Всемилощивейший манифест, а сроки заключения, назначенные судом, не могли быть уменьшены (в отличие от сроков других осужденных).

Типология коррупции в Российской империи вполне соответствовала европейской: взяточничество и казнокрадство, откаты в системе государственных закупок, кумовство и другие грубые формы коррупционных проявлений⁵.

Е.И. Голованова считает, что высокий показатель коррумпированности царских чиновников связан с их низким профессиональным уровнем и алчностью высокооплачиваемых сановников и бедственным положением низшего чиновничества⁶.

⁴ Чернышев Р.А. Природа возникновения коррупции и исторические аспекты формирования российского антикоррупционного законодательства // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 2. С. 261–262.

⁵ Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы : коллективная монография / отв. ред. и рук. авт. кол. доктор юридических наук, профессор С.А. Авакьян. М., 2016. С. 119.

⁶ Голованова Е.И. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI–XIX вв.: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 187 с.

Можно констатировать, что непоследовательность и крайняя противоречивость антикоррупционной политики правителей Российского государства привела, во-первых, к эффекту закрепления на подсознательном уровне у населения страны способа взаимодействия с бюрократическим аппаратом, во-вторых, чиновники всех мастей осознали свое привилегированное положение по получению дополнительного дохода в виде взяток к своему жалованию.

И еще одно важное историческое наблюдение: в России в борьбе со взяточничеством меры наказания, какими бы они ни были жестокими (пожизненная ссылка, вырывание ноздрей, отнятие «всего имения», смертная казнь путем повешения или четвертования), являлись малоэффективным антикоррупционным средством. С одной стороны, это можно объяснить русским «авось» — «авось меня не поймают», с другой стороны, это соответствие сложившемуся стереотипу чиновника — «все берут, не берут только те, кому не дают». На наш взгляд, это сыграло в те времена и в настоящее время существенную роль в провале антикоррупционной борьбы на всех уровнях. Как показывает история, спустя века коррупция живет и процветает не только в России, но и во всех государствах мира.

И.Е. Охотский считает, что в России «на протяжении многих десятилетий коррупционные проявления оставались как бы в тени, трактовались как некие фоновые-девиантные и не заслуживающие серьезного внимания»⁷. К сожалению, и в начале XXI в. коррупция в России стала менее критично восприниматься и осуждаться нашим обществом. Это связано прежде всего с пробелами антикоррупционной пропаганды среди населения.

Отдельное внимание стоит уделить коррупции в правоохранительных органах. В современной России коррупция получила свое широкое распространение в системе органов внутренних дел. На первом заседании Совета по борьбе с коррупцией В.В. Путин отметил, что в целом коррупция деморализует общество, разлагает власть и государственный

аппарат. И особенно она нетерпима в правоохранительных органах, для которых борьба с этим злом является прямой функцией. Преступления, которые совершают сотрудники органов внутренних дел в связи со своей служебной деятельностью, довольно распространены и представляют повышенную общественную опасность, так как не только нарушают нормальную работу правоохранительных органов, подрывают авторитет государственной власти, но и существенно нарушают права, свободы и законные интересы граждан страны.

Коррупцию можно сравнить с болезнью государства, которая очень заразна и быстро распространяется по всем органам. Когда она поражает структурный орган (власти), он перестает правильно функционировать, что приводит к сбою во всей системе (управления). Такое сравнение не безосновательно, так как в основе термина «коррупция» лежит латинский глагол *rumpere*, означающий «нарушить что-либо». В римском праве этим термином обозначалась деятельность нескольких лиц, направленная на нарушение нормального хода судебного процесса или управления обществом, к коррупционным относился целый ряд деяний, связанных с фальсификацией и порчей государственных документов, с подкупом судей или с нравственным развращением чужого раба.

Таким образом, коррупция не является новым для нашей страны явлением. Оно имеет давнюю историю, претерпевавшую свои корректировки под влиянием фактов и субъективного, и объективного характера. Карательные меры, как существовавшие раньше, так и действующие в настоящий момент, способны лишь снизить уровень коррумпированности в государстве, но не способны искоренить данное явление полностью, что делает борьбу с коррупцией малоэффективной. Стоит отметить, что явление коррупции всегда связано с психологией как «взякодателя», так и «взякополучателя», в том числе основывается на их мировоззрении, в связи с этим в борьбе с коррупцией необходимо учитывать менталитет населения. И в настоящее время коррупция продолжает оставаться одной из самых насущных проблем развития гражданского общества и правового государства в Российской Федерации.

⁷ Охотский И.Е. Правовой механизм государственной стратегии противодействия коррупции в Российской Федерации: конституционно-правовые основы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 151.

Литература

1. Голованова Е.И. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI–XIX вв.: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / Е.И. Голованова. М., 2002. 187 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В.И. Даль. М. : Эксмо-Пресс, 2000. 736 с.
3. Охотский И.Е. Правовой механизм государственной стратегии противодействия коррупции в Российской Федерации: конституционно-правовые основы : дис. ... канд. юрид. наук / И.Е. Охотский. М., 2015. 179 с.
4. Противодействие коррупции в системе государственной службы: учебное пособие / И.Ф. Амельчаков, Д.Б. Трошев, А.В. Карагодин, Е.С. Крамская. Белгород : БелЮИ МВД России, 2012. 120 с.
5. Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы: коллективная монография / отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Авакьян. М. : Юстицинформ, 2016. 512 с.
6. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство Древней Руси : в 9 т. Т. 1 / отв. ред. В.Л. Янин ; под общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1984. 432 с.
7. Чернышев Р.А. Природа возникновения коррупции и исторические аспекты формирования российского антикоррупционного законодательства / Р.А. Чернышев // Актуальные проблемы гуманитарных естественных наук. 2013. № 2. С. 259–263.

References

1. Golovanova E.I. Pravovy'e osnovy' borby' s korruptsией v Rossii v XVI–XIX vv.: istoriko-pravovoe issledovanie : dis. ... kand. yurid. nauk [Legal Bases of Corruption Combating in Russia in the XVI to the XIX Century: Historical and Legal Research : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / E.I. Golovanova. Moskva — Moscow, 2002. 187 s.
2. Dal V.I. Tolkovy'y slovar russkogo yazy'ka. Sovremennaya versiya [An Explanatory Dictionary of the Russian Language. The Modern Version] / V.I. Dal. Moskva : Eksmo-Press — Moscow : Eksmo-Press, 2000. 736 s.
3. Okhotskiy I.E. Pravovoy mekhanizm gosudarstvennoy strategii protivodeystviya korruptsii v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovy'e osnovy' : dis. ... kand. yurid. nauk [The Legal Mechanism of the State Corruption Combating Strategy in the Russian Federation: Constitutional Law Bases : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / I.E. Okhotskiy. Moskva — Moscow, 2015. 179 s.
4. Protivodeystvie korruptsii v sisteme gosudarstvennoy sluzhby' : uchebnoe posobie [Corruption Combating in the Public Service System : textbook] / I.F. Amelchakov, D.B. Troshev, A.V. Karagodin, E.S. Kramskaya. Belgorod : BelYUI MVD Rossii — Belgorod : Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin, 2012. 120 s.
5. Protivodeystvie korruptsii: konstitutsionno-pravovy'e podkhody' : kollektivnaya monografiya [Corruption Combating: Constitutional Law Approaches : collective monograph] / отв. ред. i ruk. avt. kol. S.A. Avakyan. Moskva : Yustitsinform — publishing editor and head of a group of authors S.A. Avakyan. Moscow : Justice Inform, 2016. 512 s.
6. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov: Zakonodatelstvo Drevney Rusi : v 9 t. T. 1 [Russian Laws of the X to the XX Century: Laws of the Ancient Rus : in 9 vol. Vol. 1] / отв. ред. V.L. Yanin ; pod obsch. red. O.I. Chistyakova. Moskva : Yuridicheskaya literatura — publishing editor V.L. Yanin ; under the general editorship of O.I. Chistyakov. Moscow : Legal Literature, 1984. 432 s.
7. Chernyshev R.A. Priroda vzniknoveniya korruptsii i istoricheskie aspekty' formirovaniya rossiyskogo antikorrupsionnogo zakonodatelstva [The Nature of Corruption Origination and Historical Aspects of the Establishment of Russian Anti-Corruption Laws] / R.A. Chernyshev // Aktualny'e problemy' gumanitarny'kh estestvenny'kh nauk — Relevant Issues of the Humanities and Natural Sciences. 2013. № 2. S. 259–263.

ПРОФЕССОРСКИЙ ФОРУМ 2019
«НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. РЕГИОНЫ»
6–7 февраля 2019 г., г. Москва
<http://профессорскийфорум.рф/>

Социальное государство: периодизация развития

*Степушкина Елена Игоревна,
аспирант кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
estepushkina@yandex.ru*

Вопрос о периодизации развития социального государства является дискуссионным и недостаточно исследованным, чаще всего речь идет о моделях социального государства. Рассмотрены различные варианты периодизации социальной государственности, предложен авторский вариант. Первый этап — возникновение идеи социального государства и первичных форм ее реализации; второй этап — становление и эволюция моделей социального государства. Третий, современный этап характеризуется универсальным характером социальной государственности и социальных прав, взаимодействием различных моделей социального государства, признанием новых ценностей — необходимостью обеспечения качества жизни и инвестиций в человеческий капитал.

Ключевые слова: социальное государство, социальная функция государства, этапы развития социального государства, человеческий капитал.

A Social Welfare State: Development Periodization

*Stepushkina Elena I.
Postgraduate Student of the Department of Theory of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

The question of the periodization of the development of the social state is debatable and insufficiently discovered; in most cases the question of models of the social state. Various options of periodization of social statehood are considered, the author's way is offered. The first stage is the emergence of the idea of a social state and the primary forms of its implementation; the second stage is the formation and evolution of models of a social state. The third, modern stage is characterized by the universal nature of social statehood and social rights, the interaction of different models of the social state, the recognition of new values — the need to ensure the quality of life and investment in human capital.

Keywords: social state, social function of the state, stages of development of the social state, human capital.

Как и всякое социальное явление, социальное государство имеет свой генезис и свою историю развития. Идея социальной государственности известна с XIX в., теория и практика социального государства активно развиваются на протяжении нескольких десятилетий.

Стоит отметить, что вопрос о периодизации развития социального государства изучен, пожалуй, менее остальных концептуальных вопросов этой политико-правовой доктрины. Здесь есть фактически сложившиеся (т.е. без отдельных дискуссий) различные подходы, есть немногочисленные варианты периодизации развития социального государства и отсутствуют общепризнанные научные позиции.

Во многих научных исследованиях, посвященных разным вариантам или разным

моделям социального государства, чаще всего исторический аспект просматривается слабо. Так, по разным классификациям выделяют позитивное государство социальной защиты (англо-американская и англосаксонская модели), государство социальной безопасности (или социальной защищенности, социальной защиты), социальное государство всеобщего благосостояния (Т. Тилтон и Н. Фернис); либеральный, консервативный и социал-демократический типы социального государства (Эспин-Андерсен); англосаксонский (остаточный), Бисмарка (институциональный), скандинавский (современный), латинский пограничный (рудиментарный) типы социального государства (Лейбфрид); либеральные, консервативные, социальные государства «неправовой гегемонии», радикальные социальные государства

(Ф. Кастлз, Д. Митчелл); социал-демократический, либеральный, южноевропейский, постсоциалистический корпоративистский, постсоциалистический либеральный типы европейского социального государства (Е. Букоди, Р. Роберт)¹, известны и иные классификации.

Исторический аспект заключается в том, что отдельные модели социального государства возникают не одновременно, а в определенной последовательности, а также в том, что каждая модель имеет свою историю развития. Периодизации социальной государственности не проводятся.

Другая группа авторов предлагает свои взгляды на зарубежную или отечественную историю социального государства, или на историю данной доктрины в зарубежной или отечественной политико-правовой мысли. Так, например, на истории идей, моделей, социальной политики отдельных государств останавливаются Г.Ю. Канарш², А.Н. Курюкин³, Е.В. Мандрыка⁴, но и в работах данных авторов мы не встречаем выделения отдельных этапов в развитии социальной государственности.

Наконец-таки, известны очень немногочисленные варианты периодизации развития социального государства. Один из подходов к эволюции социального государства

предложен С.В. Калашниковым⁵, который выделил шесть этапов. Первая форма социального государства (70-е гг. XIX в. — 30-е гг. XX в.) связана с появлением отдельных функций социального обеспечения; далее следует этап правового социального государства (30–40-е гг. XX в.), которое характеризуется наличием правовых основ, социального бюджета и специализированных социальных структур. 3-й этап — государство социальных услуг (конец 40-х — 60-е гг. XX в.), которому свойственна активная социальная политика создания социально комфортной жизненной среды. 4-й этап — государство всеобщего благоденствия, предполагающее ответственность государства за уровень благосостояния всех граждан. 5-й этап, с начала 80-х по середину 90-х гг. XX в., — деструкция и кризис государства всеобщего благоденствия из-за неэффективности механизмов социального страхования, разрушения принципа солидарности, противоречий между рыночной и государственным регулированием экономики, отказа государства от своей патерналистской роли. 6-й этап, с середины 90-х гг. XX в., — либеральное социальное государство, которое проводит социальную политику, направленную на снятие антагонизма между социальными целями государства и требованием рынка.

Признавая периодизацию социального государства С.В. Калашникова и отмечая отсутствие в этом вопросе единых подходов, М.А. Лимонова и М.В. Синяев⁶ предлагают рассматривать историю социального государства в рамках трех этапов: первичное социальное государство (создание юридических основ социальной политики, доступность социальной поддержки для всех членов общества, базовая система государственного социального страхования), государство социальных услуг (переход к ак-

¹ Родионова О.В. Проблемы развития теории и практики современного социального государства // *Lex Russica*. 2015. № 1. С. 32–35; Хома Н.М. Модели социального государства: новые подходы к типологизации // *Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология*. 2013. Т. 25. № 1 (144). С. 138, 140.

² Канарш Г.Ю. Социальное государство: исторический генезис и современные модели // *Знание. Понимание. Умение*. 2018. № 1. С. 128–142; Канарш Г.Ю. Социальное государство в России: история и современность // *Знание. Понимание. Умение*. 2018. № 2. С. 73–82.

³ Курюкин А.Н. История развития концепции социального государства: политико-правовой аспект // *Согласие в обществе как условие развития России* : сб. / под ред. О.М. Михайленка, В.В. Люблинского. М. : Институт социологии РАН, 2017. С. 213–240.

⁴ Мандрыка Е.В. Формирование социального государства: от идей справедливости и равенства до конституционного принципа // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2018. № 4 (118). С. 105–112.

⁵ См.: Калашников С.В. *Очерк теории социального государства*. М., 2006; Калашников С.В. *Становление социального государства в России*. М., 2003. 159 с.; Белоусова С.В. *Социальное государство как инструмент обеспечения качества жизни* : монография. Иркутск, 2012. С. 15–17.

⁶ Лимонова М.А., Синяев М.В. Риски динамики института социального государства в современном обществе // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018. № 7 (51). С. 15.

тивной социальной политике; действия на предупреждение социальных проблем, частичный контроль вопросов занятости, создания безопасной жизненной среды) и государство всеобщего благоденствия. Здесь новая степень социального обеспечения заключается в том, что государство официально признает свою ответственность за уровень благосостояния граждан, проводит политику пополнения страховых фондов из своего бюджета, обеспечивает помощь в разного рода нестраховых случаях, реализует комплекс мероприятий по активному перераспределению доходов (Швеция, Норвегия, ОАЭ, Кувейт). В современном мире большинство практически реализуемых моделей социального государства относятся именно к этому типу⁷.

Подобные периодизации, безусловно, отражают эволюцию социальной государственности. Но, как представляется, они могут быть подвергнуты совершенствованию, в том числе с учетом особенностей развития политико-правовых систем в XX в. (мировые войны, противостояние капитализма и социализма, неравномерности социально-экономического и политико-правового развития разных регионов, культурно-исторические и конфессиональные особенности национальных государств и т.д.), а также процессов глобализации, эволюции ценностей, доктрин и моделей социального государства.

Не претендуя на истину в последней инстанции, рискнем предложить самый общий вариант периодизации социальной государственности. На наш взгляд, история социального государства может быть так же, как и у М.А. Лимоновой и М.В. Синяева, рассмотрена в три этапа.

Первый этап — этап возникновения идеи социального государства и первичных форм ее реализации, он совпадает с первым этапом по периодизации С.В. Калашникова (с 70-х гг. XIX в. до 30-х гг. XX в.; здесь, по его мнению, у государства появляются отдельные функции социального обеспечения, социальной защиты, государственного здравоохранения и образования на основании распространенности данных функций на всех, их правовой основы, наличия социального бюджета и специализированных социальных структур).

Второй этап — этап становления и эволюции моделей социального государства, многовариантного практического осуществления социальной функции государства (30–90-е гг. XX в.).

Третий этап — современный, характеризующийся универсализацией социальной государственности и социальных прав, взаимодействием различных моделей социального государства, признанием новых ценностей — необходимости обеспечения качества жизни и инвестиций в человеческий капитал.

Как отмечает Е.А. Лукашева, одна из новых тенденций, проявившихся уже в конце XX в., состоит в признании того факта, что разрешение социальных проблем неразрывно связано с расширением демократии, с политической активностью граждан. Нераздельность социальных, политических, гражданских проблем была положена в основу концепции социального качества жизни, которая является новым этапом в развитии социальной государственности. Концепция социального качества жизни устанавливает рациональный баланс между экономическим и социальным развитием, предлагает новые ориентиры социальной политики; она включает понятие «человеческое развитие», которое было введено Программой развития ООН в 1990 г. Концепция социального качества жизни призвана подчеркнуть необходимость нравственного измерения развития современного общества, указав на основную цель такого развития, его гуманитарную целевую установку — обеспечение условий для нормальной жизни человека, свободы выбора, возможности самостоятельно решать свою судьбу, для совместных усилий государства, общества и человека в этом процессе, утверждения и углубления демократии, раскрытия и обогащения человеческого потенциала посредством инвестиций в человеческий капитал, финансирования и др.⁸

В современных исследованиях общим местом стала идея о конвергенции различных моделей социального государства под влиянием процессов глобализации, об

⁷ См.: Там же.

⁸ Лукашева Е.А. Социальное государство: модернизация и параметры развития // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2010. № 3. С. 10–11, 15–19.

универсализации социального государства⁹, о фактическом выполнении социальных функций и теми государствами, которые не характеризуют себя как социальные.

Как указывает О.В. Родионова, в современном мире имеет место концептуальный пересмотр основных принципов, сущности, парадигмы социального государства, которое отказывается от прямого патернализма в виде долгосрочных пособий по безработице и предлагает многовариантную помощь в активизации трудоспособного населения. Речь идет о движении к «государству возможностей», к «государству социальных инвестиций», подчеркивая приоритет государственных капиталовложений в человеческий капитал над предоставлением обычных социальных пособий¹⁰.

Идеи о модернизации социальной государственности, о переходе от провозглашения и гарантирования социальных прав к не-

обходимости обеспечения качества жизни¹¹ и инвестиций в человеческий капитал¹² разрабатываются в отечественных исследованиях последних лет, они должны быть учтены и в концепции исторической эволюции социального государства. Сообразно этому, эволюцию претерпевает и практическая деятельность государства по осуществлению социальной функции, изменяются стратегии правотворчества, правореализационная и правоприменительная деятельность социального государства.

Таким образом, проблемы периодизации развития социального государства представляются дискуссионными и слабо разработанными в отечественных юридических исследованиях. В рамках любого из рассмотренных вариантов периодизации важна адекватная характеристика современного этапа, которая должна надлежащим образом ориентировать теорию и практику реализации социального государства.

⁹ Родионова О.В. Проблемы развития теории и практики современного социального государства // Там же. С. 29, 38.

¹⁰ Там же. С. 29; Родионова О.В., Родионова Е.В. Динамика социального государства в XXI веке // Научный поиск. 2018. № 1. С. 61–64.

¹¹ Белоусова С.В. Социальное государство как инструмент обеспечения качества жизни : монография. Иркутск, 2012. 204 с.

¹² Графский В.Г. Взаимосвязь развивающейся человеческой личности и социального государства в правовом измерении // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 2 (54). С. 115–131.

Литература

1. Белоусова С.В. Социальное государство как инструмент обеспечения качества жизни : монография / С.В. Белоусова. Иркутск : ИрГУПС, 2012. 204 с.
2. Графский В.Г. Взаимосвязь развивающейся человеческой личности и социального государства в правовом измерении / В.Г. Графский // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 2 (54). С. 115–131.
3. Калашников С.В. Очерк теории социального государства / С.В. Калашников. М. : Экономика, 2006. 362 с.
4. Калашников С.В. Становление социального государства в России / С.В. Калашников. М. : Экономика, 2003. 159 с.
5. Канарш Г.Ю. Социальное государство в России: история и современность / Г.Ю. Канарш // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 2. С. 73–82.
6. Канарш Г.Ю. Социальное государство: исторический генезис и современные модели / Г.Ю. Канарш // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1. С. 128–142.
7. Курюкин А.Н. История развития концепции социального государства: политико-правовой аспект / А.Н. Курюкин // Согласие в обществе как условие развития России : сб. / под ред. О.М. Михайленка, В.В. Люблинского. М. : Институт социологии РАН, 2017. С. 213–240.
8. Лимонова М.А. Риски динамики института социального государства в современном обществе / М.А. Лимонова, М.В. Синяев // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 7 (51). С. 13–17.
9. Лукашева Е.А. Социальное государство: модернизация и параметры развития / Е.А. Лукашева // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2010. № 3. С. 4–40.
10. Мандрыка Е.В. Формирование социального государства: от идей справедливости и равенства до конституционного принципа / Е.В. Мандрыка // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 4 (118). С. 105–112.
11. Родионова О.В. Динамика социального государства в XXI веке / О.В. Родионова, Е.В. Родионова // Научный поиск. 2018. № 1. С. 61–64.

12. Родионова О.В. Проблемы развития теории и практики современного социального государства / О.В. Родионова // Lex Russica. 2015. № 1. С. 28–40.
13. Хома Н.М. Модели социального государства: новые подходы к типологизации / Н.М. Хома // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. 2013. Т. 25. № 1 (144). С. 137–143.

References

1. Belousova S.V. Sotsialnoe gosudarstvo kak instrument obespecheniya kachestva zhizni : monografiya [A Social Welfare State as a Means of Gusranteeing the Quality of Life : monograph] / S.V. Belousova. Irkutsk : IrGUPS — Irkutsk : ISTU, 2012. 204 s.
2. Grafskiy V.G. Vzaimosvyaz razvivayuscheysya chelovecheskoy lichnosti i sotsialnogo gosudarstva v pravovom izmerenii [Interrelation between a Developing Individual and a Social Welfare State in the Legal Dimension] / V.G. Grafskiy // Trudy' Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk — Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2016. № 2 (54). S. 115–131.
3. Kalashnikov S.V. Ocherk teorii sotsialnogo gosudarstva [A Essay on the Theory of a Social Welfare State] / S.V. Kalashnikov. Moskva : Ekonomika — Moscow : Economics, 2006. 362 s.
4. Kalashnikov S.V. Stanovlenie sotsialnogo gosudarstva v Rossii [Establishment of a Social Welfare State in Russia] / S.V. Kalashnikov. Moskva : Ekonomika — Moscow : Economics, 2003. 159 s.
5. Kanarsh G.Yu. Sotsialnoe gosudarstvo v Rossii: istoriya i sovremennost [A Social Welfare State in Russia: The History and the Modern Times] / G.Yu. Kanarsh // Znanie. Ponimanie. Umenie — Knowledge. Understanding. Skill. 2018. № 2. S. 73–82.
6. Kanarsh G.Yu. Sotsialnoe gosudarstvo: istoricheskiy genезis i sovremennyye modeli [A Social Welfare State: Historical Genesis and Modern Models] / G.Yu. Kanarsh // Znanie. Ponimanie. Umenie — Knowledge. Understanding. Skill. 2018. № 1. S. 128–142.
7. Kuryukin A.N. Istoriya razvitiya kontseptsii sotsialnogo gosudarstva: politiko-pravovoy aspekt [The History of the Development of a Social Welfare State Concept: A Political and Legal Aspect] / A.N. Kuryukin // Soglasie v obschestve kak uslovie razvitiya Rossii : sb. / pod red. O.M. Mikhaylenka, V.V. Lyublinskogo. Moskva : Institut sotsiologii RAN — Consent in the Society as a Condition for the Development of Russia : collection of works / edited by O.M. Mikhaylenok, V.V. Lyublinskiy. Moscow : Institute of Sociology of RAS, 2017. S. 213–240.
8. Limonova M.A. Riski dinamiki instituta sotsialnogo gosudarstva v sovremennom obschestve [Risks of Dynamics of the Social Welfare State Institution in the Modern Society] / M.A. Limonova, M.V. Sinyaev // Obschestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika — Society: Sociology, Psychology, Pedagogics. 2018. № 7 (51). S. 13–17.
9. Lukasheva E.A. Sotsialnoe gosudarstvo: modernizatsiya i parametry' razvitiya [A Social Welfare State: Modernization and Development Parameters] / E.A. Lukasheva // Trudy' Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk — Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2010. № 3. S. 4–40.
10. Mandryka E.V. Formirovanie sotsialnogo gosudarstva: ot idey spravedlivosti i ravenstva do konstitutsionnogo printsipa [The Establishment of a Social Welfare State: From Ideas of Justice and Equality to the Constitutional Principle] / E.V. Mandryka // Etnosotsium i mezhnatsionalnaya kultura — Multi-Ethnic Society and Cross-National Culture. 2018. № 4 (118). S. 105–112.
11. Rodionova O.V. Dinamika sotsialnogo gosudarstva v XXI veke [Dynamics of a Social Welfare State in the XXI Century] / O.V. Rodionova, E.V. Rodionova // Nauchny'y poisk — Scientific Search. 2018. № 1. S. 61–64.
12. Rodionova O.V. Problemy' razvitiya teorii i praktiki sovremennogo sotsialnogo gosudarstva [Issues of the Development of the Theory and Practice of the Modern Social Welfare State] / O.V. Rodionova // Lex Russica — Lex Russica. 2015. № 1. S. 28–40.
13. Khoma N.M. Modeli sotsialnogo gosudarstva: novyye podkhody' k tipologizatsii [Models of a Social Welfare State: New Approaches towards Classification] / N.M. Khoma // Nauchny'e vedomosti BelGU. Seriya : Istoriya. Politologiya. 2013. T. 25 — Scientific News of BSU. Series : History. Political Studies. 2013. Vol. 25. № 1 (144). S. 137–143.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-1-34-41

Становление конституционализма в России: от теории к практике (к 100-летию Конституции РСФСР 1918 года)

*Колунтаев Сергей Александрович,
доцент кафедры истории права и государства
Российского государственного университета правосудия,
кандидат исторических наук, доцент
ksa2708591@yandex.ru*

*Миряшева Екатерина Владимировна,
старший научный сотрудник отдела сравнительного правоведения
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, доцент
sansara81@mail.ru*

The Establishment of Constitutionalism in Russia: From Theory to Practice (on the 100th Anniversary of the Constitution of the RSFSR of 1918)

*Koluntaev Sergey A.
Associate Professor of the Department of History of Law and State of the Russian State University of Justice
Candidate of Historical Sciences
Associate Professor*

*Miryasheva Ekaterina V.
Senior Research Scientist of the Department of Comparative Legal Studies of the Russian State University of Justice
Doctor of Law
Associate Professor*

4–5 октября 2018 г. в Российском государственном университете правосудия (далее — РГУП) на базе Приволжского филиала в Нижнем Новгороде состоялась международная научная конференция «Становление конституционализма в России: от теории к практике», приуроченная к 100-летию принятия Конституции РСФСР 1918 г. Организация и проведение конференции осуществлялось кафедрой истории права и государства при активном участии руководства и преподавательского состава Приволжского филиала университета, а также при информационной поддержке федерального научно-практического журнала «История государства и права» Издательской группы «Юрист».

На обсуждение был вынесен широкий круг вопросов: зарождение конституционно-правовых идей в российской государственно-правовой мысли; попытки реализации государственно-правовых идей в начале

XX века в Российской империи: от полицейского государства к правовому; о конституционной альтернативе в период от Февраля к Октябрю 1917 г.; идея Учредительного собрания и политическая практика; начало советского конституционализма; дискуссии о содержании первой Конституции; основополагающие принципы Конституции РСФСР 1918 г. и их реализация в социально-политических условиях гражданской войны; преемственность в советском конституционном строительстве: от российской Конституции к союзной; основные этапы развития советского конституционализма; экономические, социальные и политические основы Советского государства и их закрепление в конституционных актах; права человека и гражданина в советских конституциях и международно-правовые подходы к их обеспечению и защите; проблемы развития федерализма в союзных и республикан-

ских конституциях; центральный и местный государственный аппарат: тенденции конституционно-правового регулирования его функционирования; конституционно-правовые основы функционирования правоохранительных органов и судебной власти в Советском государстве; Конституция РФ: традиции и новации. Перспективы развития российского конституционализма.

Предложенная тематика вызвала живой интерес у научной общественности. Об участии в работе конференции заявили более 140 ученых из различных вузов, научных организаций, государственных органов Российской Федерации и ряда зарубежных стран, в частности Азербайджана, Грузии, Франции, Таджикистана.

Конференцию на правах принимающей стороны открыла директор Приволжского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (далее — ПФ РГУП) кандидат юридических наук, доцент **Ю.В. Журавлева**.

С приветственным словом к участникам круглого стола обратился проректор по научной работе РГУП доктор юридических наук, профессор **В.Н. Корнев**. Он отметил значимость для отечественной историко-правовой науки и современной юридической практики исследования проблем развития конституционализма, которые не теряют своей актуальности в настоящее время. Обсуждаемые на конференции вопросы позволяют лучше разобраться в основных тенденциях государственно-правового развития нашей страны.

От имени Законодательного Собрания Нижегородской области пожелания успешной работы участникам конференции передал заместитель председателя Комитета по вопросам государственной власти области и местного самоуправления **А.А. Тимофеев**. С личными обращениями выступили председатель Арбитражного суда Волго-Вятского округа **А.А. Толмачев** и председатель Арбитражного суда Нижегородской области кандидат юридических наук, доцент **Р.А. Санинский**. Зачитан адрес от Уполномоченного по правам человека в Нижегородской области **Н.Т. Отделкиной**.

В ходе пленарного заседания выступило более 20 человек.

С докладом *Юридические и идеологические предпосылки Конституции РСФСР*

1918 г. выступил проректор по научной работе, заведующий кафедрой конституционного права им. Н.В. Витрука РГУП доктор юридических наук, профессор **В.Н. Корнев**. Он отметил, что процесс конституционализации власти в России начался после издания Николаем II Манифеста в октябре 1905 г. и принятия в апреле 1906 г. новой редакции Основных законов Российской империи. После Октябрьской революции был отвергнут классический, либеральный конституционный путь развития. Конституция РСФСР 1918 г. обобщала опыт Парижской Коммуны, деятельность Советов в предреволюционной России. Были реализованы идеи Маркса, Энгельса, Ленина о диктатуре пролетариата как нового типа государства и демократии. Конституция РСФСР г. основывалась на принципе единства власти вместо разделения властей. В.И. Ленин в учении о Советах развил идею К. Маркса о представительных органах как работающих корпорациях.

Докладчик сопоставил взгляды представителей марксистско-ленинского направления с идеями российских государствоведов на сущность и значение теории разделения властей. Он обратил внимание на суждения Н.М. Коркунова о совместном властвовании, который не без основания утверждал, что нет ни одного государства, где бы законодательство, исполнение, суд были строго обособлены друг от друга. Коркунов отрицал подход к разделению властей как к их безусловному обособлению. Эта мысль получила развитие во взглядах государствоведов либерального направления А.А. Алексеева, Б.А. Кистяковского. В.Н. Корнев пришел к выводу, что, как ни парадоксально, некоторые сходные черты есть в том смысле, что они трактовали суть теории разделения властей не как наличие отдельных, самостоятельных властей, а как дифференциацию властных функций. Более того, идея о Советах как работающих корпорациях, соединяющих законодательные и исполнительные функции, уж очень напоминает идею русских государствоведов о совместности властвования.

Докладчик отметил, что для лучшего уяснения сущности Конституции РСФСР 1918 г. следует обратиться к современным идеям о конституционной онтологии. За основу был взят подход к онтологической струк-

туре профессора Г.А. Гаджиева, выделившего в ней три слоя. В первом из них профессор Корнев выделяет классовое естественное право, имеющее в своем основании христианскую религиозную традицию. Второй слой предполагает наличие позитивного конституционного права и Конституции 1918 г., которой были присущи нормативно-регулятивные свойства, поскольку, как уже отмечалось, она зафиксировала принадлежность власти, ее структуру, способы и процедуры формирования институтов власти, наметила программу дальнейшего развития общества и государства и т.д. А третий слой, содержащий традиции и сложившуюся правоприменительную практику, к моменту ее принятия еще просто не мог сложиться.

Завершая доклад, В.Н. Корнев подчеркнул, что на момент принятия Конституции политика превалировала над правом, что вполне соответствовало тем историческим условиям, когда необходимо было как-то юридически закрепить за собой государственную власть и удержать ее.

Анализу взглядов российских ученых-государствоведов конца XIX — начала XX в. был посвящен доклад доцента кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) кандидата юридических наук, доцента **Н.Е. Таевой** на тему *Вопросы теории конституционных норм в трудах дореволюционных ученых-государствоведов*. Отмечен достаточно высокий уровень государственно-правовых взглядов в предреволюционной России, который не был в полной мере использован в период советского строительства.

Профессор кафедры теории и истории права, государства и судебной власти ПФ РГУП доктор исторических наук, доцент **В.А. Сомов** выступил с докладом *Власть и народ в переломную эпоху российской революции 1917 г. (по материалам дневников В.И. Вернадского)*. Была показана динамика взглядов выдающегося российского ученого В.И. Вернадского в ходе революционного процесса и становления советской государственности. На его примере можно проследить эволюцию мировоззрения российской интеллигенции — от полного отрицания привнесенных Октябрьской революцией пере-

мен, связанных с предоставлением низшим, по их мнению, слоям права на власть, до признания этого права. Вернадский как ученый вынужден был признать ошибочность своих ранних представлений о роли народа в политической жизни страны. При этом, критически оценивая роль интеллигенции, он приходит к пониманию трагического отрыва ее от народа. Признание же народа в качестве активного субъекта политической жизни страны привело к осознанию наличия у «низов» самостоятельного взгляда на развитие ситуации. Низы — это тоже народ в самом политическом смысле этого слова. Вот основа настоящего, а не ограниченного конституционализма! Народ, оказывается, может являться коллективным субъектом мыслительной деятельности, а не только объектом воздействия со стороны интеллигенции. Докладчик считает, что именно это само-откровение стало отправной точкой для создания в 1930-х годах учения о «сфере разума» (ноосфере), в которую, безусловно, включен и народ — в самом широком смысле слова — человечество!

Заведующий кафедрой истории права и государства РГУП заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **В.Е. Сафонов** представил доклад *Конституция РСФСР 1918 г.: история и современность*. Он отметил, что Конституция РСФСР 1918 г. заложила основы советского конституционализма и определила подходы к пониманию сущности советской конституции. Определение ее сущности дал еще В.И. Ленин, подчеркивая, что основной закон и другие законы «выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе». При этом он использовал подход германского социалиста Ф. Лассаля, который также указывал, что прочность писаной конституции зависит от выражения ею реальных соотношений общественных сил.

На характере Конституции сказалось то, что она была основным законом эпохи диктатуры пролетариата. Это отразилось в особенностях закрепленной в ней демократии — демократии для большинства и против меньшинства, в объеме демократических прав и свобод, в особенностях обязанности советских граждан. Конституция стала образцом для основных законов других социалистических стран и имела громадное международное значение. Докладчик обра-

тил внимание на обширную историографию, посвященную первой Конституции, и необходимость исследования на основе документальных источников становления конституционного процесса в России.

Соотношение понятий социалистического и социального государства рассмотрено в докладе доцента кафедры теории и истории права, государства и судебной власти ПФ РГУП кандидата исторических наук, доцента **А.И. Торопкина** на тему *Конституция РСФСР 1918 г. и Конституция РФ 1993 г.: от социалистического государства к социальному*.

Доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» кандидат исторических наук, доцент **Т.Ю. Гоголева** в своем сообщении *Веймарская и Советская республики: основы конституционно-правового строительства 1918 г.* рассмотрела проблемы конституционного строительства в послереволюционный период в компаративистском подходе, сопоставив первую советскую Конституцию и Конституцию Германии 1919 г. Отметив существенные различия, обусловленные спецификой социально-политических факторов, влиявших на конституционный процесс.

В.И. Ерыгина, доцент кафедры менеджмента общего и профессионального образования ОГАОУ ДПО «Белгородский институт развития образования», кандидат исторических наук, доцент, представила доклад *Перспективы развития российских парламентских традиций через переосмысление советской теории и практики народного представительства*. Был дан ретроспективный анализ российской истории народного представительства, который, по мнению докладчика, показывает, что советская представительная система власти больше всего соответствует современной модели парламентаризма. Поэтому пора перейти от очернительства советского опыта парламентского строительства к его переосмыслению с целью извлечения как положительных, так и негативных уроков из прошлого и создания механизма управления государством, наиболее соответствующего традициям российского народа и основанного не на отрицании, а на разумном использовании всего передового и ценного.

Докладчик отметила, что разделение властей не является ведущим принципом парламентаризма. При политическом режиме, сложившемся после Октября 1917 г., возможно как разделение, так и солидарность властей для решения общих, стоящих перед страной задач. Российскому типу парламентаризма больше соответствовала концепция соединения власти и народа, сотрудничества различных органов власти при разделении функций между ними. Отрицание парламентаризма в советской юридической науке было связано с критикой его недостатков: оторванность депутатов, имеющих иммунитет, привилегии и капиталы, от простого народа; грязные избирательные технологии на выборах, подкуп избирателей и покупка депутатских мест; зависимость депутатских решений от мнения главы государства и чиновников; превращение парламента в «пустую говорильню» и т.п.

В то же время В.И. Ерыгина пришла к выводу, что отрицание парламентаризма в советской стране не означало его отсутствие. Парламентаризм был, но в самом худшем его варианте, поскольку во главе государства стояла партийная номенклатура, выборы были безальтернативными, отсутствовал демократизм во взаимоотношениях власти и народа, ротации руководителей государства. Исследование советских органов народного представительства важно для того, чтобы обосновать гипотезу о том, что российский парламентаризм не прерывал своего развития со времен земских соборов средневековой России, а всего лишь приобрел новую форму социалистического парламентаризма. Советские органы народного представительства способствовали политическому воспитанию и развитию народа, стали школой законодательствования и установления постоянного диалога между представителями общества и государственной властью.

Заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала РГУП доктор юридических наук, профессор **В.И. Кайнов** свой доклад *Конституционная альтернатива Временного правительства* посвятил анализу конституционно-правовых инициатив, которые реализовывались после Февральской революции. Докладчик обратил внимание на то, что вопросы конституционного строительства, решавшиеся Временным правительством,

долгое время находились в тени и в настоящее время еще недостаточно изучены в силу недоступности многих источников, характеризующих его деятельность. В то же время заслуживает внимания работа, осуществленная по подготовке к созыву Учредительного собрания, проведению Демократического совещания и созданию Предпарламента, разработке проекта Конституции Российской Демократической Федеративной Республики. По его мнению, ряд идей Особой комиссии Юридического совещания были использованы большевистским правительством России при разработке Конституции РСФСР в 1918 г., а некоторые даже легли в основу Конституции Российской Федерации 1993 г.

Конституционный путь России и его перспективы в связи с проблемой преступности — тема доклада профессора кафедры уголовного права ПФ РГУП доктора юридических наук, профессора **П.Н. Панченко**. Выступающим был проанализирован конституционный путь России и его перспективы в связи с проблемой преступности. Он подчеркнул, что уже за первые 100 лет своего конституционного пути наша страна настолько далеко продвинулась вперед в своем развитии, что это может быть по ряду показателей сопоставимо даже со всем предшествующим более чем 1000-летним путем.

Были приведены аргументы в пользу обновления законодательства, включающего принятие новой Конституции страны. Высказаны конкретные предложения по совершенствованию государственного устройства, системы законодательства России и содержания Конституции. Намечены направления повышения эффективности создания ценностей и утверждения принципов демократии, справедливости и порядка средствами и методами противодействия преступлениям. Обращено внимание на качество принимаемых законов и правоприменение. С точки зрения П.Н. Панченко, правильным признается тот закон, который уже сам по себе удерживает людей с нетвердой гражданской позицией от легковесного поведения. Что же касается *применения* закона, то оно признается правильным в том случае, если, во-первых, сам нарушитель приводится в чувство и ему удается избежать повторения своего печального опыта, а во-вторых, и другие неустойчивые в морально-нравственном

отношении лица извлекают из него соответствующий урок. В заключение отмечено, что преступность представляет собой не только общественно опасное, но и противогосударственное явление, так как в ее условиях создается угроза самому существованию российского государства.

Доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» кандидат исторических наук, доцент **М.Э. Жаркой** выступил с докладом *Конституционно-правовые основы учреждения ГКЧП в СССР и его меры по защите советского конституционного строя*. Докладчик отметил необходимость с научных позиций исследовать возможные правовые основания учреждения ГКЧП в СССР в августе 1991 г. и предпринимаемые им меры для защиты советского конституционного строя. Это была последняя организованная попытка сохранения единого Союза ССР, восстановления конституционного строя и выполнения принятого на Всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г. решения о сохранении СССР. На основе анализа юридических документов ГКЧП М.Э. Жаркой пришел к выводу, что легитимность деятельности ГКЧП в СССР с точки зрения формальной теории права является заведомо сомнительной, но ее появление оправдывается политической целесообразностью, т.е. необходимостью в экстремальных условиях обеспечить безусловное верховенство Конституции СССР и итогов референдума по вопросу сохранения СССР. События 19–21 августа 1991 г. явились реакцией на непродуманность реформ, стали трагическими в истории страны, ими была генерирована ситуация, в условиях которой представилось возможным кардинальное изменение всех политических и правовых основ СССР, в результате чего страна была ввергнута в пучину системной дезинтеграции, крупнейшей в истории человечества геополитической катастрофы, последствия которой сказываются по сей день.

С докладом *Перспективы развития правового статуса личности в России* перед участниками конференции выступи-

ла заведующая кафедрой теории и истории права, государства и судебной власти ПФ РГУП кандидат юридических наук, доцент **А.В. Сим**. Докладчиком дан анализ перспектив развития правового статуса личности в современной Российской Федерации на примере проблемы определенности конституционных прав и свобод человека, которая рассматривается обычно с двух позиций. Первая позиция заключается в том, что конституционные права и свободы должны быть четко, ясно и как можно более конкретно сформулированы в законодательстве, для того чтобы исключить двусмысленность и неопределенность в их реализации на практике. Вторая позиция гласит, что конституционные права и свободы должны быть определенным эталоном, образцом, базовой основой, от которой можно отталкиваться при регулировании конкретной жизненной ситуации в разных отраслях права. Отмечено, что актуальным сегодня является вопрос судебного усмотрения как инструмента конкретизации норм права и его пределов. Докладчиком рассмотрены проблемы гарантированности и защищенности прав и свобод человека со стороны государства и международных органов, а также приведены позитивные тенденции развития правового статуса личности последних лет.

С.М. Сапожников, доцент кафедры теории и истории права, государства и судебной власти ПФ РГУП, кандидат юридических наук, доцент, рассмотрел становление земского избирательного права и конституционных начал местного самоуправления Российской империи второй половины XIX — начала XX в. в докладе *Конституционно-правовые идеи в земском избирательном праве*. Выступающий отметил, что земская реформа 1864 г. была по сути первым опытом введения и реализации избирательного (выборного) права России, правда пока только на уровне местного самоуправления. Несмотря на узость предоставленных прав земству, распространяющихся на область заведования «местными хозяйственными пользами и нуждами», реформа являлась не только важным моментом буржуазного развития России, но и определенным этапом в развитии избирательного права. Изменения в земском избирательном праве в 60–80-е гг. XIX в. касались ограничения самостоятельности зем-

ских учреждений, вызвано это было рядом тесно переплетенных причин субъективного и объективного характера. Начало XX в. ознаменовало новый этап развития конституционных идей у земства, процесс, который был приостановлен сначала революцией 1905–1907 гг., а затем начавшейся войной 1914 г.

С докладом *Общественность как субъект конституционных отношений* выступила **Е.А. Никифорова**, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ПФ РГУП, кандидат юридических наук, доцент. Рассмотрела историко-теоретические положения о месте и роли общественности в конституционно-правовых отношениях. Отметила, что идея правовой институционализации общественных субъектов в период конституционного развития, охватывавший первые десятилетия XX в., воплощалась прежде всего в законодательстве об избирательном праве и праве на объединение. В то же время докладчик подчеркнула, что ценности постсоветского конституционализма привели страну к абсолютизации индивидуальных прав и свобод. Представления россиян о благополучии не связаны с их политической и правовой активностью. Они связаны с неудовлетворенностью обеспеченностью социальных функций государственной власти.

Доцент кафедры истории права и государства РГУП кандидат исторических наук, доцент **С.А. Колунтаев** выступил на тему *Изучение в курсе истории государства и права России проблемных вопросов, связанных с Конституцией РСФСР 1918 г.* В своем выступлении он обратил внимание на общие проблемы в преподавании историко-правовых дисциплин, обусловленные уровнем подготовки студентов, обучающихся на первых курсах юридических вузов, содержанием федеральных образовательных стандартов, учебно-методическим обеспечением образовательного процесса. Акцентировано внимание на изучении ключевых проблем историко-правовой науки, к которой безусловно относится конституционное оформление Советского государства. Появление первого конституционного акта в России переложило развитие конституционализма в нашей стране и создало основу для его дальнейшего развития. В силу этого требует-

ся внимательно подходить к изучению предыстории данного вопроса и последующей эволюции конституционного процесса применительно к основным этапам развития советского, российского государства.

Доклад доцента кафедры теории и истории права, государства и судебной власти ПФ РГУП кандидата исторических наук, доцента **Б.И. Королева** на тему *Конституционные представления нижегородских земских деятелей А.А. Савельева и А.А. Остафьева в годы первой русской революции (1905–1907)* содержит анализ взглядов земских деятелей Нижнего Новгорода в начале XX в. Докладчик считает весьма полезным и актуальным рассмотреть, каким образом идеи относительно конституции, законодательного органа, избирательного права и других прав граждан получили преломление в сознании конкретных персоналий, активно участвовавших в общественно-политической жизни. Отношение людей к конституции, основанное на комплексе чувств, взглядов, идей и знаний о ней, составляет конституционное правосознание. Конституционные представления невозможно рассматривать без учета субъективного, личностного фактора. Анализ взглядов А.А. Савельева и А.А. Остафьева позволил сделать вывод о том, что они выражали надежды земской интеллигенции, умеренных либеральных земских деятелей. Позиции А.А. Савельева более соответствовали социологической концепции понимания права, а А.А. Остафьева — позитивистской. Представления о конституции увязывались с Манифестом 17 октября 1905 г., земские деятели поддерживали законодательный статус Думы. Относительно выборов А.А. Савельев выступал за введение четырехчленной формулы, А.А. Остафьев — за не прямые выборы в I Думу с прямыми выборами в будущем. Вместе с тем спад и завершение первой революции привели к тому, что центр дискуссий окончательно переместился в Думу, в губернии произошло падение интереса к ней в связи с реакцией.

Кроме того, в ходе конференции были заслушаны выступления **И.А. Алешковой**, доцента кафедры конституционного права им. Н.В. Витрука РГУП, кандидата юридических наук, доцента, на тему *Принципы конституционного права: традиции*

и новации; старшего преподавателя этой же кафедры кандидата юридических наук **Ю.К. Макеевой** — *Профессионализм и специализация как элемент правового статуса судьи: генезис и перспективы развития*; преподавателя кафедры правового обеспечения экономической и инновационной деятельности ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» **Е.В. Заякина** — *Категория «общественные свободы» в отечественной политико-правовой мысли второй половины XVII — начале XX в.*

В прениях по докладам и в дискуссиях принял участие помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации **В.М. Баранов**. Выступления с докладами сопровождались множеством вопросов со стороны участников конференции, перерастали в дискуссии, что говорило о значительном интересе присутствующих к обсуждаемым проблемам, имеющим как историко-правовое, так и вполне актуальное прикладное значение.

Подводя итоги работы научной конференции, проректор по научной работе РГУП доктор юридических наук, профессор **В.Н. Корнев** отметил, что конференция достигла своей цели, осветил круг историко-правовых и злободневных вопросов конституционного развития Российской Федерации.

В заключение выступил председатель организационного комитета — заведующий кафедрой истории права и государства РГУП профессор **В.Е. Сафонов**. Он отметил, что состоявшаяся дискуссия носила плодотворный характер, а участие представителей разных научных специальностей позволило обратить внимание на многоаспектность рассмотренных проблем. Директор Приволжского филиала РГУП кандидат юридических наук, доцент **Ю.В. Журавлева** поблагодарила участников конференции за активное участие в ее работе.

В рамках конференции состоялось представление изданий РГУП, подготовлена книжная экспозиция, с содержанием которой участники конференции познакомила директор Издательства университета **О.В. Лузина**.

Координаторами научного мероприятия выступили сотрудники РГУП — доцент

кафедры истории права и государства кандидат исторических наук, доцент С.А. Колунтаев, доцент кафедры истории права и государства кандидат юридических наук, доцент В.Г. Румянцева, заместитель директора ПФ РГУП по учебной и воспитательной работе кандидат юридических наук, доцент А.С. Аникин.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-1-41-45

О суждении «Мир устал от мира» — оптимистическая точка зрения

*Гаджиев Гадис Абдуллаевич,
судья Конституционного Суда Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
ksa@ksrf.ru*

В основу статьи положены тезисы доклада, сделанного автором на XVIII Международных Лихачевских научных чтениях, состоявшихся 17–19 мая 2018 года в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов. В контексте фразеологизма «Мир устал от мира» рассматриваются различия в восприятии мира русской и западной культурами. Осуществляется сравнительный анализ мировосприятия Л.Н. Толстого и П.-Ж. Прудона с переходом на проблемные аспекты понимания современного права, с акцентированием внимания на вопросах соотношения международного права и государственного законодательства, а также на особенностях восприятия, нормативного закрепления и практической реализации правовых принципов и ценностей.*

Ключевые слова: мир, война, государство, право, человечество, национальная экономика, международные организации, рациональность, индивидуальность.

On the Judgment The World Is Tired of Itself: an Optimistic Point of View

*Gadzhiev Gadis A.
Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation
Honored Lawyer of the Russian Federation
Doctor of Law
Professor*

The article is based on the thesis of the paper presented by the author at the 18th International Likhachov Scientific Conference that took place on 17–19 May, 2018, at St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences. In the context of the phrase the world is tired of peace the differences between the ways the world is comprehended by the Russian and the Western cultures are described. The comparative analysis of Leo Tolstoy's and Pierre-Joseph Proudhon's worldviews is carried out, passing on the problematic aspects of the understanding of the contemporary law, highlighting the issues of the correlation between the international law and the state law, as well as the particularities of the perception, statutorisation and practical realisation of the legal principles and values.

Keywords: peace, war, state, law, humanity, national economy, international organisations, rationality, individuality.

* Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В.В. Путина «Об увековечении памяти Д.С. Лихачева» (от 23 мая 2001 г. № 587), в 2018 г. — с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов (распоряжение Президента РФ от 3 апреля 2017 г. № 93-рп).

В 2020 году будет отмечаться 75-летие окончания Второй мировой войны — самой жестокой и кровопролитной за всю историю человечества. Можно ли говорить о том, что в настоящее время сложилась система действенных международных гарантий, делающих новую мировую войну невозможной?

«Мир устал от мира» — это высказывание, однажды произнесенное профессором В.Д. Зорькиным, напоминает о названии великого романа Льва Толстого, который, кстати, встречался в 1861 г. с Прудоном, а в 1864-м опубликовал свой роман «Война и мир». Парадоксальные идеи французского мыслителя послужили толчком для историко-софских размышлений Толстого. Возможно, на выбор названия «Война и мир» и повлияла встреча Толстого с Прудоном. Но если у Прудона война и мир — это антиномия¹, то у Толстого мир — это не состояние, противоположное состоянию войны, а Мир с большой буквы, который означает важнейшую онтологическую категорию. И в этом Мире живет скромнейший солдат Платон Каратаев, все величие которого, по мысли Толстого, состоит в том, что он сознает себя исключительно частью целого народа, без малейших претензий на автономию и индивидуализм. Конечно, это архетип в духе Юнга, характеристика народа в лице одного представителя, у которого надо учиться, по идее Толстого, этике, правде. У каждого народа своя система этих ценностей.

Возвращаясь к Прудону: феномен войны объясняется им как две функции человечества, которые чередуются в истории, как в жизни индивида чередуются бдение и сон. И тогда война — это нечто обыденное и даже продуктивное! Идея войны у Прудона — это прежде всего идея силы, которая является одним из принципов движения и жизни². Сила рождает антагонизм, а это уже один из всеобщих законов Мира. Антагонизм, борьба противоположностей, представляет собой одну из 12 категорий Канта. В этой распрямляющейся спирали рассуждений о силе появляется и правосудие как проявление практического разума, и высшая способ-

ность души; в правосудии демонстрирует себя существующее в природе равновесие.

Война — часть мира и антагонизм мира. Война — средство внешнеполитической агрессии, но именно война, а точнее стремление ее избежать, способствовала появлению международного права и развитию возникшей чуть позже идеи европейского равновесия во внешней политике. Карл Шмитт писал, что идея уравнивания является достижением рационализма эпохи Просвещения, который породило множество изоморфных образов³. Начиная с XVI века во всех областях духовной жизни человечества господствуют всевозможные виды балансов: торговый баланс в национальной экономике, космическое равновесие притяжения и отталкивания, и даже равновесие страстей у Мальбранша и равновесие питания у Й. Мозера. Война — это продолжение антагонизма, его кульминация. Однако прекращение антагонизма может привести к «всемирной иерархии», которая будет означать «всемирное порабощение». Поэтому, делает вывод Прудон, политическая система человечества «состоит в общем равновесии государств, взаимно друг друга ограничивающих». Это равновесие и есть мир.

Если для Прудона, являющегося достаточно типичным представителем западной культуры, «равновесное» состояние мира объясняется сменой военных и мирных циклов, то в русской культурной традиции ситуация носит кардинально отличный характер.

Выдающегося российского философа М.К. Мамардашвили удивило происхождение слова «рацио» (от *лат.* *ratio* — «пропорция»). Он полагал, что в слове «рационализм» этот первоначальный смысл, состоящий в наблюдаемом процессе взвешивания, сохранен⁴. Сохранение первоначального корня «рацио» в понятиях «рациональное», «рационализм» очень информативно. У латинского слова «ratio» есть и другие смыслы: «взаимоотношения», «выгода», «интерес». *Suum rationes suas alicui rei ante-*

¹ Прудон П.-Ж. Война и мир. Исследование о принципах и содержании международного права. М., 1864.

² Там же. Гл. 1: О феноменальности войны.

³ Шмитт К. Духовно-историческое положение парламентаризма // Политическая теология. М., 2000. С. 194.

⁴ Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии. СПб., 2012. С. 33.

ropere — ставить свою личную выгоду выше любой другой вещи. «Рацио» как пропорция является центром образа, а визуализация этого образа — это процесс взвешивания реальных вещей. В лексикологии образность рассматривается как свойство слов, их способность выразить образное видение реальных вещей и процессов. Русский филолог А.А. Потебня высказал идею о том, что слово может само по себе передавать образное представление, а не только являться одним из средств создания образности в устной или письменной речи⁵. Он давал описание образности через так называемую «внутреннюю форму слова», которая является центром образа. Взвешивание как наблюдаемый процесс является центром образа, порождающего идеальную, научную идею уравнивания, используемую во многих отраслях науки.

В научных понятиях, таким образом, присутствует конкретно-чувственное представление об определяемом явлении. Латинские слова *justitiam colimus*, переводимые как «культивирование справедливости посредством правовых норм», визуализируют образ хлебопашца, поскольку *colimus* — это по своему первоначальному смыслу «вращивание». Как пояснял Е.В. Спекторский, «слово *colimus* при этом употреблено в двояком смысле: культа и культуры. И посему формула римского юриста означала и “мы чтим справедливость”, и “мы ее возделываем”»⁶.

Сознание человека так устроено, что оно представляет собой синкретичное единство образного и логического (философского, метафизического) восприятия вещей и явлений. Возможно, много тысячелетий назад какой-то неизвестный нам человек любовался видом кряжи гор и их пирамидальная форма породила в его сознании идеальное понятие треугольника.

Усталость от мира — это образное напоминание о цикличном нарушении рационального мироустройства, причины которого хорошо известны — это конкуренция, резкое обострение экономических и, следовательно, политических противоречий.

Экономические и политические интересы и вековые амбиции диктуют нерациональное поведение. Вместо цели разумного сбалансированного сосуществования крупнейшая мировая держава думает только о своей выгоде, ставя ее превыше всего.

Suum rationem ducere — думать о своей выгоде, — и в этом крылатом латинском словосочетании *ratio* означает не «пропорцию», а «выгоду».

Конституционное и международное право быстрее всего ощущает угрозу нового политического ледникового периода. Вместо динамичного развития происходит их стагнация и даже частично разрушение.

Национальное конституционное право не может не находиться в этом сложном контексте международных отношений, утрачивающих свою рациональность.

Так имеет ли перспективу кантовский проект всемирно-гражданского строя? Напомним, сколько потребовалось человечеству времени для того, чтобы приступить к реализации идей, возникших около 250 лет назад после появления работы И. Канта «К вечному миру». Первый опыт установления будущего всемирно-гражданского строя — это все же Организация Объединенных Наций, созданная после Второй мировой войны. Лига Наций, основанная по Версальскому соглашению после Первой мировой войны, охватывала только 58 стран.

Первый сбой на пути продвижения к «всемирно-гражданскому состоянию» произошел в 1989–1990 гг., когда прекратила существование «биполярная констелляция держав»⁷. Если государственно-центрированная система международного права знала лишь одну разновидность игроков — национальные государства и два игровых поля — внутреннюю и внешнюю политику, то новая структура всемирно-гражданского общества характеризуется тремя аренами с тремя типами коллективных акторов⁸. Первая из этих трех арен — супранациональная — была представлена одним-единственным актором.

Выражение «Мир устал от мира» описывает политические процессы, производные от объективной потребности в сбалансиро-

⁵ Потебня А.А. Мысль и язык: собрание трудов. М.: Лабиринт, 1999.

⁶ Спекторский Е.В. Христианство и культура. Прага, 1925. С. 203–235.

⁷ Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. М., 2011. С. 293.

⁸ Там же. С. 302.

ванности на мировой арене и регулировании мирового хозяйства с помощью соглашений между государствами. Страны берут на себя ответственность с помощью гибких и часто меняющихся состав коалиций сохранить равновесие и рациональность миропорядка.

В ситуации, когда на смену устоявшимся схемам биполярного мироустройства приходят мультикультурные и междивизиационные коммуникации, слова «Мир устал от мира» отражают не столько пессимистическую, сколько оптимистическую точку зрения на будущее мирового сообщества.

Иосиф Бродский в своей знаменитой речи, произнесенной в декабре 1988 г. перед выпускниками Мичиганского университета, сформулировал «Декларацию оптимизма», в которой в качестве одного из жизненных принципов он предложил «уважать жизнь не только за ее прелести, но и за ее трудности, а они составляют часть игры, а хорошо в них то, что они не являются обманом. А поэтому всякий раз, когда вы в отчаянии или на грани отчаяния, когда у вас неприятности... помните: это жизнь говорит с Вами на единственном хорошо ей известном языке»⁹.

Надо только понимать язык жизни, который очень метафоричен. Если руководствоваться жизненными принципами великого поэта, можно более спокойно и без бесполезного алармизма смотреть в будущее. Дело в том, что, к сожалению, много идей, в том числе научных, иллюзорны. Научные знания обладают разными качествами, и не все они со знаком плюс. Одно из них — качество постоянства, в том числе постоянство иллюзорности. Счастливые для человечества тридцатилетие XX в. после окончания Второй мировой войны является источником появления такой научной иллюзии, как государство всеобщего благоденствия. А в начале XXI в. Томас Пикетти в своей книге «Капитал в XXI веке» доказывает, что несправедливости, непропорциональности в обладании капиталом стало гораздо больше, чем в XX в.¹⁰ Правда, в Швеции, на родине одного из создателей теории государства

благоденствия Г. Мюрдаля, она продолжает приносить плоды.

Да, в конце 1970-х годов социальные государства или же государства, которые закрепили в своих конституциях идею государства благосостояния, столкнулись с серьезными экономическими проблемами. Чрезмерно широкие гарантии, поток беженцев из бедных стран, старение коренного населения требовали постоянного увеличения бюджетного финансирования социальных программ, роста налогов на бизнес.

Французский ученый П. Розанваллон считает, что во второй половине XX в. модель государства всеобщего благоденствия пережила три кризиса — экономический, идеологический и философский¹¹. Вторя ему, все больше ученых, политиков, общественных деятелей называют эту идею новой утопией.

Однако, несмотря на свертывание социальной деятельности многих государств, нельзя говорить о завершении эры *Welfare State* просто потому, что в современном теоретическом государствоведении и практике политико-правового строительства не предлагается альтернатива модели социального государства.

Одной из самых опасных для мира иллюзий оказалась идея универсализма прав человека. Во время президентства Буша-младшего появилось убеждение, что «наши», то есть американские ценности, представления об универсальных правах человека являются единственно правильными, а поэтому они должны быть восприняты всеми другими нациями в мире. Образ действий американского правительства приводит к мысли о том, что для США международное право как среда для решения межгосударственных конфликтов для осуществления прав человека уже не имеет значения. Эти цели мировая держава открыто декларирует как содержание собственной политики, которая больше не апеллирует к международному праву, а обращается к собственным этическим ценностям, во многом основанным на автономии личности и индивидуализации.

В начале этой статьи не случайно был предложен архетип миропонимания Платона Каратаева, который помогает понять,

⁹ Лекция И. Бродского перед выпускниками Мичиганского университета. Анн-Арбор. 18 декабря 1988 года. URL: <http://www.ug.ru/archive/58112>

¹⁰ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2017.

¹¹ Розанваллон П. Кризис государства всеобщего благоденствия. URL: <https://novainfo.ru/article/3938>

что не во всех культурах присутствует тот же объем пиетета перед индивидуализацией, что существует на Западе. Вместе с фразами о морали в международных отношениях правительство Буша отправило *ad acta* (в архив) созданный 220 лет тому назад проект Канта об урегулировании международных отношений правом, которое может появляться только на основе соглашений, на конституционной основе.

Понимание того, что современный «Мир устал от мира», предполагает два вектора

дальнейшего развития человечества: это либо приближение к Судному дню, обусловленному усилению конфронтационных процессов как в международном, так и в национальном праве, либо осознание того, что человечество, несмотря на многочисленные антагонизмы, может выжить только осознав собственную принадлежность к «большому МИРУ» — ойкумене (разумной Вселенной). Хочется верить, что в конечном счете возобладает оптимистическая точка зрения на мир как социально-культурную бесконечность.

Литература

1. Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии / М. Мамардашвили. СПб. : Азбука, 2012. 317 с.
2. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 591 с.
3. Потебня А.А. Мысль и язык : собрание трудов / А.А. Потебня. М. : Лабиринт, 1999. 268 с.
4. Прудон П.-Ж. Война и мир. Исследование о принципах и содержании международного права : в 2 т. / П.-Ж. Прудон. М. : А. Черенин и К°, 1864.
5. Розанваллон П. Кризис государства всеобщего благоденствия / П. Розанваллон. URL: <https://novainfo.ru/article/3938>
6. Спекторский Е.В. Христианство и культура / Е.В. Спекторский. Прага : Пламя, 1925. 308 с.
7. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией / Ю. Хабермас. М. : Весь мир, 2011. 331 с.
8. Шмитт К. Духовно-историческое положение парламентаризма / К. Шмитт // В кн. : Политическая теология. М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. 333 с.

References

1. Mamardashvili M. Vilnyuskie lektzii po sotsialnoy filosofii [Vilnius Lectures on Social Philosophy] / M. Mamardashvili. Sankt-Peterburg : Azbuka — Saint Petersburg : ABC Book, 2012. 317 s.
2. Piketty T. Kapital v XXI veke [Capital in the Twenty-First Century] / T. Piketty. Moskva : Ad Marginem Press — Moscow : Ad Marginem Press, 2016. 591 s.
3. Potebnya A.A. My'sl i yazyk : sobranie trudov [Thought and Language : collection of works] / A.A. Potebnya. Moskva : Labirint — Moscow : Labyrinth, 1999. 268 s.
4. Proudhon P.-J. Voyna i mir. Issledovanie o printsipakh i soderzhanii mezhdunarodnogo prava : v 2 t. [War and Peace. Investigations Regarding the Principle and Constitution of the Rights of Nations : in 2 vol.] / P.-J. Proudhon. Moskva : A. Cherenin i K° — Moscow : A. Cherenin and Co, 1864.
5. Rosanvallon P. Krizis gosudarstva vseobshego blagodenstviya [The Crisis of the Welfare State] / P. Rosanvallon. URL : <https://novainfo.ru/article/3938>
6. Spektorskiy E.V. Khristianstvo i kultura [Christianity and Culture] / E.V. Spektorskiy. Praga : Plamy — Prague : Flame, 1925. 308 s.
7. Habermas J. Mezhdunarodnyy i religiiy [Between Naturalism and Religion] / J. Habermas. Moskva : Ves mir — Moscow : The Whole World, 2011. 331 s.
8. Schmitt C. Dukhovno-istoricheskoe polozhenie parlamentarizma [The Crisis of Parliamentary Democracy] / C. Schmitt // V kn. : Politicheskaya teologiya. Moskva : Kanon-press-Ts : Kuchkovo pole — In the book : Political Theology. Moscow : Kanon-Press-C : Kuchkov Field, 2000. 333 s.

История уголовной политики Российского государства в борьбе с рецидивной преступностью

*Рудый Наталья Кирилловна,
профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса
Забайкальского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
nkrudyu@mail.ru*

*Шильников Иван Алексеевич,
аспирант кафедры уголовного права и уголовного процесса
Забайкальского государственного университета
i.shilnikov@inbox.ru*

В статье рассмотрены законодательные этапы борьбы с рецидивной преступностью в России. Анализируется ход исторической мысли в становлении системы борьбы с рецидивной преступностью. Рассматриваются мнения отдельных криминологов по вопросам становления института рецидива, организации борьбы с рецидивной преступностью. Анализируются правовые акты, регламентирующие ответственность за рецидив преступлений. Авторами отмечается, что изучение исторического опыта борьбы с рецидивной преступностью является необходимым в настоящее время, поскольку позволит дополнительно выявить эффективные методы и способы борьбы с данным социально-негативным явлением.

Ключевые слова: история рецидива, рецидивист, уголовная политика, рецидивная преступность, борьба с рецидивом.

The History of the Criminal Policy of the Russian State in Recidivism Combating

*Rudy Natalya K.
Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure
of the Transbaikal State University
Doctor of Law
Professor*

*Shilnikov Ivan A.
Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Transbaikal
State University*

The paper examines the historical stages of the fight against recidivism in Russia. Examines the historical course of thought in the development of a system of measures to counter recidivism. Discusses the views of many generations of criminologists on issues of fact, to combat recidivism. Analyzed the legal acts regulating responsibility for recidivism. The author notes that the study of historical experience of fighting recidivism is currently needed, as will further identify effective methods and ways of dealing with this phenomenon.

Keywords: history of recidivism, recidivist, criminal policy, repeat offending, fight against recidivism.

Прежде чем говорить о формировании в законодательстве России уголовной ответственности за рецидив, то есть за повторность преступлений, необходимо составить общую картину рецидива. Рецидив является одним из видов повторности преступлений, наряду с неоднократностью и реальной со-

вокупностью преступлений. На данный момент в криминологии нет единого мнения о сущности и признаках рецидива. По мнению А.И. Долговой, рецидив преступления — это совокупность всех преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, в случае если прежние преступления

становились известны правоохранительным органам и имело место основанное на законе реагирование на них¹. На наш взгляд, данное определение заслуживает признания криминологического научного сообщества.

На данный момент расходятся мнения и о том, в каком памятнике права впервые упоминалось понятие рецидива либо схожее по содержанию определение. Так, Д.В. Боровков придерживается утверждения, что текст о повторности преступлений как обстоятельстве, отягчающем наказание, появился в «Русской Правде». Однако, проанализировав основные постулаты «Русской Правды», мы не обнаружили каких-либо свидетельств, которые могли бы прямо или косвенно указывать, что «повторность» преступления закреплена как обстоятельство, отягчающее наказание или вину. Но в связи с тем, что тексты «Русской Правды» дошли до нас в большом количестве и их единая классификация до сих пор отсутствует, есть вероятность того, что нормативное закрепление данного признака все же имеется.

Большинство ученых на данный момент придерживаются позиции Н.С. Таганцева, который в результате своих исследований пришел к выводу, что первые указания на рецидив преступления содержатся в Псковской судной и Двинской уставной грамотах. Так, в ст. 8 Псковской судной грамоты говорится: «Если что-либо будет украдено на посаде, то, дважды вора милуя, не лишать жизни, а, уличив (в воровстве), наказать в соответствии с его виною; если же он будет уличен в третий раз, то в живых его не оставлять (так же), как вора, обокравшего Кремль»².

Следующий этап развития уголовно-правовой категории «рецидив преступления» связан с выходом в свет в 1497 г. Судебника великого князя Ивана III. С достаточной долей уверенности можно утверждать, что данный Судебник был первым кодексом действующего права, в котором, кроме зачатков действующего материального права, четко прослеживается формирование про-

цессуальных норм, в частности, об устройстве и работе судов. Итак, в ст. 10, 11 Судебника закреплено: «Если какого-либо вора задержат в каком-либо воровстве в первый раз (кроме кражи в церкви и кражи, сопровождающейся убийством), то казнить торговой казнью»³. Анализируя эти и другие смежные нормы Судебника, отметим, что ужесточается ответственность за повторное совершение преступления. В Судебнике Ивана IV 1550 г. наблюдаются более суровые виды наказания за повторение некоторых преступлений, но не будем на них подробно останавливаться, поскольку в большей степени он повторял положения Судебника 1497 г.

Рецидив преступлений, как квалифицирующий признак в составах преступлений, стал наиболее часто встречаться в Соборном уложении князя Алексея Михайловича 1648 г.⁴. Так, рецидив мог предусматриваться в составах о корчемстве (тайный провоз и продажа вина), вымогательстве. И не стало исключением тенденция к усилению и разнообразию видов ответственности за рецидив.

Очень много неоднозначных и двусмысленных норм в источниках уголовного права, изданных во времена правления императора Петра I. При этом в ходе анализа основных источников, таких как Морской устав, Артикул воинский, сложно обнаружить дефиниции наказаний в зависимости от повторности совершенного деяния, то есть зачатки современного понимания рецидивизма преступления. Возможно, это связано с тем, что многие уголовно-правовые положения заимствованы у иностранных государств. По мнению И.Г. Возжанниковой, в некоторых статьях все же прослеживался признак повторности преступлений. В качестве примера автор приводит сокращенный текст артикула 191: «Если кто украдет... в четвертые... имеет быть повешен»⁵. На наш взгляд, наличие в тексте артикула числительного является недостаточным, и вряд ли может являться подтверждением наличия повторности преступления; к тому же полный текст большинства артикулов довольно сложен

¹ Криминология : учебник для вузов / под ред. д.ю.н., проф. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005. С. 833.

² Чистяков О.И. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М. : Юридическая литература, 1984. С. 150.

³ Там же. С. 162.

⁴ Там же. С. 162.

⁵ Возжанникова И.Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2014. С. 90.

для трактовки на современный язык. Важным является тот факт, что если, помимо поиска количественных признаков каких-либо запрещенных деяний в нормах того времени, обратить внимание на синтаксис построения артикулов, то можно заметить, что за перечислением альтернативных деяний и наказаний за их совершение следует некое «послесловие», что за злостное невыполнение данного указа предусмотрено более жесткое наказание. Так, например, завершающее предложение в Указе от 25 августа 1713 г.: «А будет кто нестрашась сего Великаго Государя указа, в чем ни есть, вышеписанным каким вымыслом или изо взятку или утайкою... а их казнить смертию...»⁶ Возможно, что и в подобных фразах кроется смысл повторности, рецидивизма и в целом множественности преступлений.

Устав благочиния, или Полицейский, утвержденный императрицей Екатериной II 8 апреля 1782 г., являлся первым развернутым законодательным актом, посвященным полиции. Несмотря на то что в уставе множество абстрактных положений, происхождение которых связано с «особенной» политикой императрицы Екатерины II, в нем все же имеются более конкретизированные нормы о повторности преступлений и ужесточении ответственности за нее. При этом, как и в ранних источниках права, упоминания о повторности преступных деяний касаются только некоторых имущественных преступлений. «Кто учинит воровство, кражу в четвертый раз... того имать под стражу и отослать к суду» и другое: «взыскать убыток с шестью процентами, и о вторичной и третичной краже ниже двадцати рублей».

По мнению Ю.И. Бытко и ряда других ученых, понятие рецидива преступления впервые было закреплено в «Русской Правде». По нашему мнению, если речь идет о законодательном закреплении определенных юридических категорий, то нельзя отождествлять два разных по стилистике понятия, хоть они и близки по смыслу. Ряд других авторов придерживаются позиции, что как уголовно-правовая категория рецидив преступления впервые закреплен в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1922 г.

⁶ Указы Петра Первого. URL: <http://рустрана.рф/article.php?nid=29188> (дата обращения: 27.11.2018).

Статья 25 Уголовного кодекса РСФСР гласила, что при назначении наказания следует учитывать, совершено преступление «профессиональным преступником или рецидивистом или оно совершено впервые»⁷. В данной редакции Уголовного кодекса РСФСР законодатель разграничил понятия «рецидив», «повторение преступлений» и «профессиональный преступник», но при этом не раскрывал их юридического содержания.

С принятием нового Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. уголовная политика государства в развитии института рецидива преступлений сделала шаг назад. В новой редакции термин «рецидив преступлений» был исключен и заменен на «совершение преступления повторно». До середины 50-х гг. XX века в учебниках уголовного права о рецидиве не упоминалось. Взамен понятия рецидива выделялось три вида повторности: повторность как квалифицирующий признак некоторых составов; повторность в форме совокупности; повторность как отягчающее обстоятельство.

В 1958 году уголовные категории «рецидив преступлений», «преступник рецидивист» вернулись в уголовно-правовое поле. Термин «особо опасный рецидивист» был опубликован в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. В уголовных кодексах союзных республик впервые были названы признаки «особо опасного рецидива».

Огромный прорыв в развитии института рецидива преступления связан с принятием и выходом в свет Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) 1996 г., в котором, впервые в истории уголовного законодательства, закреплено понятие «рецидив преступления». Так, согласно действующей редакции ст. 18 УК РФ, рецидивом преступления признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление⁸. Стоит

⁷ Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 03.10.2018, с изм. и доп. на 21.10.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

отметить, что с изданием первой редакции кодекса данная формулировка не претерпела изменений. Полагается, связано это с тем, что данное определение рецидива преступления является простым и лаконичным и полностью соответствует современной уголовной практике. Помимо этого, законодатель провел классификацию на простой, опасный и особо опасный. Каждый вид рецидива определяется исходя из условий его совершения. Хотя в тексте статьи отсутствует понятие простого рецидива, общепризнано считать, что простым рецидивом считается рецидив, закрепленный в первой части статьи, то есть соответствующий рассмотренному выше определению.

Еще одним этапом борьбы с рецидивной преступностью в новейшей истории считается принятие Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Так, административный надзор устанавливается в целях предупреждения объектами надзора преступлений и иных правонарушений⁹. Также предусмотрены задачи по оказанию на поднадзорных лиц индивидуального профилактического воздействия. В пункте 2 ч. 1 ст. 3 в перечень лиц, в отношении которых применяется административный надзор, включены следующие категории: совершеннолетние лица, освобожденные или освобожденные из мест лишения свободы и имеющие непогашенную либо неснятую судимость за особо тяжкие и тяжкие преступления сексуального характера, по мотива политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды; совершившие преступления находясь под административным надзором. В отношении вышеуказанных категорий лиц административный надзор устанавливается в следующих случаях: 1) если лицо в период отбывания наказания признано злостным нарушителем порядка; 2) лицо после отбытия наказания совершает два или более правонарушения против порядка управления¹⁰. Ис-

ходя из содержания статьи, мы полагаем, что она является ключевой в законе, так как содержит перечень лиц, к которым может быть применен административный надзор, и условия для его назначения. Несмотря на положительное влияние данной статьи в борьбе с рецидивной преступностью, отметим, что она переполнена ссылочными нормами. Так, формируя необходимое основание для применения административного надзора, законодатель в первой части статьи делает ссылку на третью, и наоборот. Столь небольшой недостаток можно было бы устранить, разделив данную статью на две отдельные, где в одной закреплялись бы категории лиц, а в другой — условия для назначения административного надзора.

Рассмотрев основные этапы борьбы с рецидивной преступностью в России, начиная с XIV в. по настоящее время, мы пришли к выводу, что присутствует явная тенденция в совершенствовании методов и способов борьбы с данным явлением, которое в целом обусловлено развитием системы права и законодательства России¹¹. Но основная сущность рецидива, заключающаяся в повторности преступлений, как и в целом любых преступлений, была задолго выявлена до его первого формального закрепления. Тот факт, что с давних времен до настоящего времени человечество не избавилось от рецидивной преступности, говорит о том, что основная цель правоохранительных органов должна строиться не на утопических принципах достижения полного отсутствия рецидивной преступности, а на ее ограничении и снижении на реальный, достижимый и измеримый на определенный период времени уровень.

Для того чтобы успешно бороться с рецидивной преступностью, сотрудники органов внутренних дел должны знать ее истоки, т.е. историю возникновения и развития, современное состояние, проблемы, стоящие перед правоохранительными органами в целом и перед органами внутренних дел в частности, а также владеть методами профилактического воздействия на рецидивную преступность.

⁹ Шигина Н.В. О некоторых аспектах предупреждения рецидивной преступности (историко-криминологический анализ) // Российский следователь. 2004. № 11. С. 29–31.

¹⁰ Федеральный закон Российской Федерации от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из

мест лишения свободы» (ред. от 29.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Афанасьева О.Р. К вопросу об исследовании социальных последствий рецидивной преступности // Российский следователь. 2013. № 7. С. 30–31.

Литература

1. Афанасьева О.Р. К вопросу об исследовании социальных последствий рецидивной преступности / О.Р. Афанасьева // Российский следователь. 2013. № 7. С. 30–31.
2. Возжанникова И.Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение : дис. ... канд. юрид. наук / И.Г. Возжанникова. М., 2014. 216 с.
3. Долгова А.И. Криминология : учебник для вузов / под ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005. 912 с.
4. Чистяков О.И. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / О.И. Чистяков. М. : Юридическая литература, 1984. 351 с.
5. Шигина Н.В. О некоторых аспектах предупреждения рецидивной преступности (историко-криминологический анализ) / Н.В. Шигина // Российский следователь. 2004. № 11. С. 29–31.

References

1. Afanasyeva O.R. K voprosu ob issledovanii sotsialny'kh posledstviy retsidivnoy prestupnosti [On Research of Social Circumstances of Recidivism] / O.R. Afanasyeva // Rossiyskiy sledovatel — Russian Investigator. 2013. № 7. S. 30–31.
 2. Vozzhannikova I.G. Retsidiv prestupleniy v ugolovnom prave Rossii: ponyatie, vidy', znachenie : dis. ... kand. jurid. nauk [Recidivism in the Russian Criminal Law: The Concept, Types, Meaning : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / I.G. Vozzhannikova. Moskva — Moscow, 2014. 216 s.
 3. Dolgova A.I. Kriminologiya : uchebnik dlya vuzov [Criminology : textbook for higher educational institutions] / pod red. A.I. Dolgovoy. 3-e izd., pererab. i dop. Moskva : Norma — edited by A.I. Dolgova 3rd edition, revised and enlarged. Moscow : Norm, 2005. 912 s.
 4. Chistyakov O.I. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov : v 9 t. T. 1 : Zakonodatelstvo Drevney Rusi [Russian Laws of the X to the XX Century : in 9 vol. Vol. 1 : Laws of Ancient Rus] / O.I. Chistyakov. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1984. 351 s.
 5. Shigina N.V. O nekotory'kh aspektakh preduprezhdeniya retsidivnoy prestupnosti (istoriko-kriminologicheskii analiz) [On Some Aspects of Prevention of Recidivism (a Historical and Criminological Analysis)] / N.V. Shigina // Rossiyskiy sledovatel — Russian Investigator. 2004. № 11. S. 29–31.
-

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-1-50-55

Становление концептуальных основ правовой политики в сфере борьбы с преступностью в Московском государстве (часть I)

*Акимова Наталья Викторовна,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент
a.n.w@mail.ru*

В статье рассматриваются различные аспекты процесса формирования и развития правовой политики Московского государства в сфере борьбы с преступностью. Автор анализирует влияние татаро-монгольского ига на русскую правовую традицию, воздействие православных канонических законов на уголовное право, правовую культуру и правовое сознание русского народа, использование зарубежного опыта разрешения проблем криминализации общества в правотворческой деятельности законодателя Московской Руси.

Ключевые слова: Московское государство, правовые традиции, уголовная политика, правовая политика в сфере борьбы с преступностью, уголовное право, преступление, наказание, православная церковь, религиозно-нравственные основы.

The Establishment of Conceptual Bases of the Legal Policy in Crime Combating in the Moscow State. Part I

Akimova Natalia V.

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Candidate of Legal Sciences

Associate Professor

In article various aspects of process of formation and development of legal policy of the Moscow state in the sphere of fight against crime are considered. The author analyzes influence of the tataro-mongolian yoke on the Russian legal tradition, impact of orthodox canons on criminal law, legal culture and legal consciousness of the Russian people, use of foreign experience of the solution of problems of criminalization of society in law-making activity of the legislator of the Moscow Russia.

Keywords: Moscow state, legal traditions, criminal policy, criminal law, legal policy in the sphere of fight against, criminal law, crime, punishment, orthodox Church, religious and moral bases.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов возникновения и становления российской государственности является оценка влияния монголо-татарского ига на этот процесс. Не оспаривая в целом огромного влияния монгольского нашествия на формирование российской государственности, тем не менее, полагаем, что размеры и характер этого влияния существенно различаются в отношении различных аспектов жизни общества. Как справедливо отмечают историки, в ходе нашествия, как и в любой войне, разрушались города, истреблялось население, следствием чего стало определенное отставание культурного и экономического развития, а само российское государство, по мнению специалистов, стало приобретать черты восточной деспотии. Вместе с тем также отмечается, что влияние ордынского владычества на русскую правовую традицию было весьма незначительно, так как, во-первых, завоеватели не стали внедрять на Руси свои государственно-политические институты, сохранив власть в руках прежней аристократии, и, во-вторых, воздерживались от вмешательства в религиозные дела оказавшегося под их властью населения покоренных стран. Известный историк В.О. Ключевский отмечает, что ордынские ханы не навязывали Руси каких-либо своих порядков, довольствуясь данью, даже плохо вникали в порядок, там действовавший¹. С.Г. Пушкарев, в свою очередь, писал: «...татары не только не обнаруживали систематических устремлений к уничтожению русской веры и народности, но, наобо-

рот, проявляя полную веротерпимость, ханы монгольские выдавали ярлыки русским митрополитам на охрану прав и преимуществ русской церкви»². Таким образом, ордынские ханы выступили в качестве покровителя и защитника русского православия, вследствие чего церковь, оказавшись единственным общенациональным общественным институтом на территории Руси, сохранила единство нации в условиях политической раздробленности и внесла наиболее существенный вклад в формирование национальных традиций, дошедших через века до наших дней³. Развивая эту мысль, С.Г. Пушкарев сравнил влияние «татарской нейтральной среды» и романо-германского «Дранг нах Остен», в результате которого «...прибалтийские и полабские славяне исчезли с лица земли»⁴. Г.В. Вернадский также оценивал татаро-монгольское иго как «...силу, которая могла по-

¹ Ключевский В.О. Русская история / сост. А.М. Кузнецов. М., 2001. Т. 1. С. 327.

² Пушкарев С.Г. Россия и Европа в их историческом прошлом // Евразийская хроника. Кн. 2. Прага, 1925. С. 12.

³ См., напр.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 2. М.: Московский рабочий, 1993; Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 3, 4: История России с древнейших времен. Т. 5–8. М.: Голос, 1993; Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: Альфа-книга, 2011; Кавелин К.Д. Русский национальный интерес. М.: Издательский Дом «Экономическая газета», 2010; Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории. М.: Стереотип, 2015; Хомяков А.С. Сочинения: в 2-х т. М., 1994; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2011; Покровский М.Н. Русская история: в 3 т. Т. 1. СПб.: Полигон, 2005; и др.

⁴ Там же.

мочь сохранить и утвердить русскую самобытность от латинского Запада»⁵.

Разграбление и уничтожение русских городов, разорение и гибель населения, вкуче с постоянной утечкой серебра, являвшегося основным денежным материалом Древней Руси, обусловили усиление натурализации экономики, серьезно сдерживая развитие товарно-денежных отношений. Однако, как это ни странно звучит, по нашему мнению, именно это явилось одной из причин относительно невысокого уровня преступности. Власть завоевателя существенно усиливала феодальный гнет, поскольку чистый убыток в виде дани, отправляемой в орду, местная знать пыталась компенсировать более жесткой эксплуатацией крестьян. Антифеодальные выступления крестьянства не представляли большой угрозы, так как в условиях иноземного ига русские феодалы могли рассчитывать на поддержку Орды, тем более что в условиях ига антифеодальные выступления зачастую принимали антитатарский характер⁶.

Таким образом, в силу указанных причин, в период татаро-монгольского ига произошла некая консервация ранее сложившегося уклада. На всей территории Руси сохранилась единая законодательная база, основой которой являлись нормы «Русской Правды», а православная церковь, будучи надежно защищенной от любой конкуренции, безраздельно господствовала в духовной сфере, выступая при этом также и в качестве политического института.

Не удивительно, что идейной основой уголовной политики Московского государства явились православные ценности. Присутствие библейских заветов прослеживается в различных правовых источниках той эпохи и в судебной практике. Необходимо отметить, что, несмотря на определенное влияние, оказываемое на уголовное право той поры как со стороны Орды, так и Европы (в первую очередь Литвы), оно по-прежнему сохраняло черты самобытности, обусловленные национально-русским менталитетом.

⁵ Вернадский Г.В. Два подвига святого Александра Невского // Евразийский современник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 325–327.

⁶ См.: Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М.: Высшая школа, 1964. С. 43.

Нормы зарубежного законодательства внедрялись весьма избирательно, предварительно подвергаясь тщательной переработке в соответствии с местными правовыми традициями, церковными канонами и православной культурой.

Рассматривая уголовную политику этого периода, нельзя не отметить серьезные изменения, связанные с представлениями о сущности преступления, которое из посягательства на интересы исключительно одного лица («обида») окончательно трансформируется в общественно опасное деяние, приобретая публично-правовое значение. В связи с этим Г.С. Фельдштейн совершенно справедливо отмечал, что в XV–XVI вв. под преступлением понималось то, что абсолютно противоположно всему укладу жизни и морали⁷.

Как следствие, меняется и отношение законодателя к правовым обычаям. Оно по-прежнему трепетное, но теперь приоритет придается интересам государства и общества. Примером такого подхода может служить решение относительно устоявшейся традиции самосуда над пойманными с поличным «татями». Если раньше, согласно обычаю, такое преступление воспринималось как нарушение исключительно частных интересов и пострадавший по своему усмотрению мог решать вопрос о возмещении вреда, то исходя из новых представлений, в соответствии с которыми кража («татьба») признается общественно опасной, законодатель устанавливает обязательное предъявление преступника официальным властям для принятия решения о его дальнейшей судьбе, тем самым вводя запрет на этот старинный обычай под угрозой наказания.

Вместе с осмыслением такого свойства преступления, как общественная опасность, постепенно формировался взгляд на него как на формально запрещенное деяние или поведение, выходящее за рамки установленных государством или церковью предписаний, игнорирование воли государя. Однако подобный взгляд на преступление как на действие, противоречившее конкретным нормам, еще не оформился по сравнению с его материальной оценкой как вредонос-

⁷ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 13.

ного, несущего в себе зло поступка. Это нашло выражение в Судебнике 1497 г., других нормативных актах того времени, в которых преступление именовалось «воровством», «лихим делом» или «лихом», а преступник назывался, соответственно, «вором» и «лихим человеком». Выбор законодателем данных терминов, по мнению А. Богдановского, красноречиво свидетельствовал о новом понимании сути умышленных преступных деяний как «злонамеренных, вредных для всех действий», а совершающих их лиц — как «опасных, абсолютно дурных и нетерпимых людей»⁸.

Примечательно, что понятие «вор» и его производные — «воровство», «воровской» и др. в те времена имели более широкое толкование, чем сейчас. Словом «вор» клеймился не только тайный похититель чужого имущества, но и вообще любой преступник. При этом, по всей видимости, этот термин имел религиозные корни, поскольку данное понятие явно ассоциировалось с понятием «ворог», обозначающим извечного врага рода человеческого, которому и уподоблялся тот, кто совершал преступление и тем самым нарушал библейские заповеди и человеческий закон. Такой подход вполне логичен, поскольку, как известно, в эпоху Московского государства воздействие православных канонов на право, правовую культуру и правовое сознание русского народа проявилось особенно ярко, выступая неким опосредованным звеном нравственной оценки деятельности государственной власти.

Практически все исследователи единодушны в том, что «...на протяжении долгого периода духовная жизнь России, включая ее правовые элементы, проходила почти исключительно в рамках религиозной традиции»⁹ и что русская правовая культура, которой «...имманентно присуща религиозная составляющая»¹⁰, «...в своих истоках исходит из

признания духовного, религиозного смысла права — преобразования мира и человека на православных началах добра и любви, порядка и справедливости»¹¹.

Следует отметить, что наказание, которое всегда имело религиозную окраску (преступник-грешник), постепенно утрачивая прежний частный характер и приобретая государственное, публично-правовое значение (под сильнейшим влиянием церкви), наряду с карательными, преследовало и цели исправления. Церковь, принимавшая активное участие в формировании системы духовных ценностей общества и его национального самосознания, а также считавшая своим долгом осуществлять миссию нравственного исправления людей, включая преступников, в том числе с использованием элементов принуждения¹², стремилась к соединению воздаяния преступнику за зло, которое он причинил, и христианского человеколюбия. Следует отметить, что главным средством государственного предупредительного воздействия являлось не устрашение, а создание условий, способствующих изменению образа мыслей преступника и его искреннему раскаянию. Такой результат достигался возможностью назначения бессрочного тюремного и монастырского заключения, которое активно практиковалось в Московском государстве, а также назначением двойного наказания — светского и церковного (вплоть до отлучения от церкви), наиболее часто применявшегося в случаях совершения религиозных преступлений. Такие меры предусматривались как некоторыми древнерусскими памятниками права, продолжавшими применяться в «московский» период, например Церковным уставом великого князя Ярослава, так и рядом законодательных и судебных актов непосредственно Московского государства, которыми даже сугубо светские вопросы рассматривались и оценивались с религиозных позиций.

⁸ Богдановский А. Молодые преступники: Вопросы уголовного права и уголовной политики. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. А. Моригеровского, 1871. Репринтная копия. С. 107.

⁹ Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 214.

¹⁰ Зыкова С.В. Элементы религиозности в российском праве. М., 2008. С. 39.

¹¹ Рожнов А.А. Генезис и эволюция уголовно-правовых институтов в Московском государстве в XIV–XVII вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 87.

¹² Абдулмеджидов М.Г. Формирование уголовно-исполнительных органов России в XVI–XVII вв. // История государства и права. 2009. № 3. С. 19.

Литература

1. Абдулмеджидов М.Г. Формирование уголовно-исполнительных органов России в XVI–XVII вв. / М.Г. Абдулмеджидов // История государства и права. 2009. № 3. С. 19–20.
2. Богдановский А. Молодые преступники: Вопрос уголовного права и уголовной политики / А. Богдановский. СПб. : Тип. А. Моригеровского, 1871. 301 с.
3. Вернадский Г.В. Два подвига святого Александра Невского / Г.В. Вернадский // Евразийский временник / под ред. П. Савицкого [и др.]. Кн. 4. Берлин : Евразийское кн. изд-во, 1925. С. 318–337.
4. Зыкова С.В. Элементы религиозности в российском праве / С.В. Зыкова. М. : МосУ МВД РФ, 2008. 113 с.
5. Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории / К.Д. Кавелин. М. : Стереотип, 2015. 224 с.
6. Карамзин Н.М. История государства Российского : в 12 т. Т. 1–2: Древняя Русь. Киевская Русь / Н.М. Карамзин. М. : Московский рабочий : Слог, 1993. 366 с.
7. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси / В.В. Каргалов. М. : Высшая школа, 1967. 266 с.
8. Ключевский В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский. М. : Альфа-книга, 2011. 1197 с.
9. Ключевский В.О. Русская история : полное издание в одном томе / В.О. Ключевский. М. : Альфа-книга, 2009. 1197 с.
10. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н.И. Костомаров. М. : Эксмо, 2011. 638 с.
11. Подосенов О.П. Уголовное право России периода сословно-представительной монархии (середина XVI — середина XVII вв.) / О.П. Подосенов. Красноярск : Изд. центр Краснояр. гос. ун-та, 2000. 127 с.
12. Покровский М.Н. Русская история : в 3 т. Т. 1 / М.Н. Покровский. СПб. : Полигон, 2005. 347 с.
13. Пушкарев С.Г. Россия и Европа в их историческом прошлом / С.Г. Пушкарев // Евразийская хроника. Кн. 2. Прага : [б. и.], 1925. 74 с.
14. Рожнов А.А. Генезис и эволюция уголовно-правовых институтов в Московском государстве в XIV–XVII вв. : дис. ... д-ра юрид. наук / А.А. Рожнов. М., 2012. 490 с.
15. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В.Н. Синюков. Саратов : Полиграфист, 1994. 194 с.
16. Соловьев С.М. Сочинения : в 18 кн. Кн. 3: История России с древнейших времен. Т. 5–6 / С.М. Соловьев ; отв. ред. Н.А. Иванов. М. : Голос, 1993. 758 с.
17. Соловьев С.М. Сочинения : в 18 кн. Кн. 4: История России с древнейших времен. Т. 7–8 / С.М. Соловьев ; отв. ред. Н.А. Иванов. М. : Голос, 1994. 758 с.
18. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г.С. Фельдштейн. М. : Зерцало-М, 2003. 523 с.
19. Филиппов А.Н. Учебник истории русского права : пособие к лекциям / А.Н. Филиппов. Юрьев : Тип. К. Матисена, 1907. Ч. 1. 732 с.
20. Хомяков А.С. Сочинения : в 2-х т. / А.С. Хомяков. М. : Московский философский фонд : Медиум, 1994.
21. Христианское учение о преступлении и наказании : коллективная монография / науч. ред. К.В. Харабет, А.А. Толкаченко. М. : Норма, 2009. 335 с.

References

1. Abdulmedzhidov M.G. Formirovanie ugovolno-ispolnitelny'kh organov Rossii v XVI–XVII vv. [The Establishment of Penal Authorities of Russia in the XVI to the XVII Century] / M.G. Abdulmedzhidov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2009. № 3. S. 19–20.
2. Bogdanovskiy A. Molody'e prestupniki: Vopros ugovolnogo prava i ugovolnoy politiki [Young Criminals: The Issue of Criminal Law and the Criminal Policy] / A. Bogdanovskiy. Sankt-Peterburg : Tip. A. Morigerovskogo — Saint Petersburg : A. Morigerovskiy's printing office, 1871. 301 s.
3. Vernadskiy G.V. Dva podviga svyatogo Aleksandra Nevskogo [Two Heroic Deeds of Saint Alexander Nevsky] / G.V. Vernadskiy // Evraziyskiy vremennik / pod red. P. Savitskogo [i dr.]. Kn. 4. Berlin : Evraziyskoe kn. izd-vo — Eurasian Chronicle / edited by P. Savitskiy [et al.]. Book 4. Berlin : Eurasian Book Publishing House, 1925. S. 318–337.
4. Zyкова S.V. Elementy' religioznosti v rossiyskom prave [Elements of Religious Commitment in the Russian Law] / S.V. Zyкова. Moskva : MosU MVD RF — Moscow : Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 113 s.
5. Kavelin K.D. My'sli i zametki o russkoy istorii [Thoughts and Notes about the Russian History] / K.D. Kavelin. Moskva : Stereotip — Moscow : Stereotype, 2015. 224 s.

6. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo : v 12 t. T. 1–2 : Drevnyaya Rus. Kievskaya Rus [The History of the Russian State : in 12 vol. Vol. 1 to 2 : Ancient Rus. Kievan Rus] / N.M. Karamzin. Moskva : Moskovskiy rabochiy : Slog — Moscow : Moscow Worker : Syllable, 1993. 366 s.
7. Kargalov V.V. Vneshnepoliticheskie faktory' razvitiya feodalnoy Rusi [Foreign Political Factors of the Development of the Feudal Rus] / V.V. Kargalov. Moskva : Vysshaya shkola — Moscow : Higher School, 1967. 266 s.
8. Klyuchevskiy V.O. Kurs russkoy istorii [A Russian History Course] / V.O. Klyuchevskiy. Moskva : Alfa-kniga — Moscow : Alpha-Book, 2011. 1197 s.
9. Klyuchevskiy V.O. Russkaya istoriya : polnoe izdanie v odnom tome [The Russian History : full edition in one volume] / V.O. Klyuchevskiy. Moskva : Alfa-kniga — Moscow : Alpha-Book, 2009. 1197 s.
10. Kostomarov N.I. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneyshikh deyateley [The Russian History in Biographies of Its Key Figures] / N.I. Kostomarov. Moskva : Eksmo — Moscow : Eksmo, 2011. 638 s.
11. Podosenov O.P. Uголовное право Rossii perioda soslovno-predstavitel'noy monarkhii (seredina XVI — seredina XVII vv.) [The Russian Criminal Law of the Period of the Estate-Representative Monarchy (the Middle of the XVI to the Middle of the XVII Century)] / O.P. Podosenov. Krasnoyarsk : Izd. tsentr Krasnoyarsk. gos. un-ta — Krasnoyarsk : Publishing center of the Krasnoyarsk State University, 2000. 127 s.
12. Pokrovskiy M.N. Russkaya istoriya : v 3 t. T. 1 [The Russian History : in 3 vol. Vol. 1] / M.N. Pokrovskiy. Sankt-Peterburg : Poligon — Saint Petersburg : Polygon, 2005. 347 s.
13. Pushkarev S.G. Rossiya i Evropa v ikh istoricheskom proshlom [Russia and Europe in Their Historical Past] / S.G. Pushkarev // Evraziyskaya khronika. Kn. 2. Praga : [b. i.] — Eurasian Chronicle. Book 2. Prague : [no source indicated], 1925. 74 s.
14. Rozhnov A.A. Genesis i evolyutsiya uголовно-pravovykh institutov v Moskovskom gosudarstve v XIV–XVII vv. : dis. ... d-ra yurid. nauk [The Genesis and Evolution of Criminal Law Institutions in the Moscow State in the XIV to the XVII Century : thesis of ... Doctor of Law] / A.A. Rozhnov. Moskva — Moscow, 2012. 490 s.
15. Sinyukov V.N. Rossiyskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obshchuyu teoriyu [The Russian Legal System. An Introduction in the General Theory] / V.N. Sinyukov. Saratov : Poligrafist — Saratov : Typographer, 1994. 194 s.
16. Solovyev S.M. Sochineniya : v 18 kn. Kn. 3 : Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. T. 5–6 [Writings : in 18 books. Book 3 : The History of Russia from the Ancient Times. Vol. 5 to 6] / S.M. Solovyev ; otv. red. N.A. Ivanov. Moskva : Golos — publishing editor N.A. Ivanov. Moscow : Voice, 1993. 758 s.
17. Solovyev S.M. Sochineniya : v 18 kn. Kn. 4 : Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. T. 7–8 [Writings : in 18 books. Book 4 : The History of Russia from the Ancient Times. Vol. 7 to 8] / S.M. Solovyev ; otv. red. N.A. Ivanov. Moskva : Golos — publishing editor N.A. Ivanov. Moscow : Voice, 1994. 758 s.
18. Feldshteyn G.S. Glavnye techeniya v istorii nauki uголовnogo prava v Rossii [The Main Streams in the History of the Russian Criminal Law Science] / G.S. Feldshteyn. Moskva : Zertsalo-M — Moscow : Mirror-M, 2003. 523 s.
19. Filippov A.N. Uchebnik istorii russkogo prava : posobie k lektsiyam [Textbook of the Russian Law History : guide to lectures] / A.N. Filippov. Yuryev : Tip. K. Mattisena, 1907. Ch. 1 — Yuryev : K. Mattisen's printing office, 1907. Part 1. 732 s.
20. Khomyakov A.S. Sochineniya : v 2-kh t. [Writings : in 2 vol.] / A.S. Khomyakov. Moskva : Moskovskiy filosofskiy fond : Medium — Moscow : Moscow Philosophy Foundation : Medium, 1994.
21. Khristianskoe uchenie o prestuplenii i nakazanii : kollektivnaya monografiya [The Christian Crime and Punishment Doctrine : collective monograph] / nauch. red. K.V. Kharabet, A.A. Tolkachenko. Moskva : Norma — scientific editors K.V. Kharabet, A.A. Tolkachenko. Moscow : Norm, 2009. 335 s.

Подписку на журнал можно оформить по каталогам:

**«Роспечать» — 47643, 70894 • «Объединенный каталог» — 85492
«Каталог российской прессы» — 10866.**

Центр редакционной подписки:
Тел.: 8-800-333-28-04, (495) 617-18-88
E-mail: podpiska@lawinfo.ru

О причинах появления и принципиальных аргументах против смертной казни

*Шавеко Николай Александрович,
научный сотрудник Удмуртского филиала
Института философии и права Уральского отделения
Российской академии наук (УрО РАН),
кандидат юридических наук
nickolai_91@inbox.ru*

Статья посвящена анализу наиболее часто встречающихся аргументов «за» и «против» смертной казни, причинам появления такого вида наказания, как смертная казнь, а также вопросу о том, существуют ли решающие аргументы «против» смертной казни. С этой целью автор исследует вопрос о существовании смертной казни в Киевской Руси, а также дискуссию о смертной казни, развернувшуюся в эпоху Просвещения в Европе. Делается вывод, что главной причиной возникновения смертной казни является возвышение института государства; в свою очередь, главный аргумент против смертной казни сводится к пониманию человека как высшей ценности, а общемировая тенденция к отмене смертной казни имеет своей причиной утверждение идеала правового государства — как государства, не только соблюдающего букву им же установленного закона, но и уважающего, соблюдающего и обеспечивающего права человека.

Ключевые слова: смертная казнь, справедливое наказание, человек как высшая ценность, смертная казнь в Древней Руси, общественный договор.

On the Reasons for Origination and Fundamental Arguments against Capital Punishment

*Shaveko Nikolay A.
Research Scientist of the Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Candidate of Legal Sciences*

The article analyzes the most common arguments for and against the death penalty, the reasons for the appearance of such punishment as the death penalty, as well as whether there are decisive arguments against the death penalty. For this purpose the author examines the question of the existence of the death penalty in Kievan Rus, as well as the discussion about the death penalty, which unfolded in the era of Enlightenment in Europe. It is concluded that the main reason for the emergence of the death penalty is the strengthening of the institution of the state, in turn, the main argument against the death penalty is the understanding of person as the highest value. The basis of global trend towards abolition of the death penalty is the ideal of rule of law as the ideal of the state, which not only observes the law, but also respects and ensures human rights.

Keywords: death penalty, fair punishment, human as the highest value, death penalty in Ancient Russia, social contract.

Вопрос о допустимости смертной казни постоянно активно обсуждается в обществе и, в частности, в научной литературе. Однако далеко не всегда вопрос ставится о принципиальных, то есть абсолютных доводах «за» или «против» смертной казни, а также о действительных причинах существования смертной казни как особого вида уголовно-го наказания.

В научных и общественных дискуссиях часто поднимается вопрос о том, действительно ли смертная казнь лучше содействует общей превенции, чем другие виды наказания, и возможно ли исправить закор-

нелого преступника с помощью длительного лишения свободы. Мы не станем рассматривать указанные направления дискуссий, полагая, что достаточных социологических данных для подтверждения какой-либо из точек зрения не имеется (утверждается, например, что, когда за преступление предусмотрена смертная казнь, учащаются случаи убийств свидетелей этих преступлений)¹. По-разному может быть истолкован и довод

¹ Никифоров А.С. О смертной казни // Государство и право. 2001. № 4. С. 65; Петрухин И.Л. Еще раз о смертной казни // Юридический мир. 2002. № 4. С. 8.

об экономической эффективности: с одной стороны, дешевле убить преступника, чем содержать его всю жизнь, с другой стороны, при грамотно организованной пенитенциарной системе заключенных можно перевести на самоокупаемость. Поэтому мы также оставим этот аспект в стороне. Некоторые сторонники смертной казни считают убедительным аргументом отсылку к принципу талиона, но в современном обществе, как представляется, этот принцип в чистом виде вряд ли найдет значительную поддержку в качестве универсального принципа справедливости (таковым, собственно, он никогда и нигде не являлся).

Более убедительным видится аргумент в пользу смертной казни, что этот вид наказания полностью реализует такую функцию, как частная превенция (в отличие от случаев пожизненного заключения, когда возможны побег заключенных). Противники смертной казни в свою очередь говорят о неизбежности судебных ошибок, которые невозможно исправить. Но, хотя эти аргументы разумны, вряд ли они сами по себе имеют решающее значение. В конечном счете все решает простой аргумент о негуманности смертной казни, потому что он напрямую отсылает к ценности человеческой жизни. Только в случае если эта ценность абсолютна, появляется и абсолютный аргумент против смертной казни.

Нельзя не заметить, что с древности и вплоть до XIX в. смертная казнь применялась в мире повсеместно. Если погрузиться в глубь веков хотя бы в части отечественной истории, то обнаружится, что доказательства существования смертной казни в Киевской Руси как организованной государством меры ответственности в общем и целом отсутствуют. О смертной казни не упоминает «Русская Правда». Вместе с тем этому правовому памятнику известны такие наказания, как убийство виновника на месте преступления и кровная месть. Кроме того, из различных источников мы знаем, что на Руси существовал такой вид доказательства, как судебный поединок — «поле»². Таким образом, виновный мог быть убит в наказание за совершенное им деяние, однако это не было смертной казнью как таковой, поскольку наказание исхо-

дило от частных лиц, а не от государства как института и применялось только по усмотрению первых. Почему же в Киевской Руси отсутствовала смертная казнь как специальный институт? Вывод напрашивается один: ее отсутствие связано не с ценностью человеческой жизни, а сугубо с нелегитимностью княжеского вмешательства в судьбы людей в такой форме, т.е. со слабостью публичной власти (когда она еще не воспринимается как власть «от Бога»). В последней трети XX в. — начале XXI в. наметилась общемировая тенденция к отмене смертной казни. Вместе с тем в действующей Конституции РФ индивидуалистический тезис (ст. 2) соседствует с логически противоречащим ему допущением смертной казни (ст. 20), а данные социологических опросов показывают, что значительное число людей все еще выступают за применение смертной казни³. Поэтому говорить о доминировании представлений об абсолютной ценности человеческой жизни пока не приходится.

Если Фома Аквинский оправдывал смертную казнь для еретиков на том основании, что загрязнение веры гораздо опаснее, чем фальшивомонетничество, хотя за последнее установлена смертная казнь, то эпоха Просвещения с ее культом разума стала временем, когда выдающиеся умы посвятили себя выявлению сугубо светских, не связанных с Богом, аргументов «за» и «против» смертной казни, в связи с чем представляется необходимым проанализировать взгляды мыслителей этой эпохи.

Чезаре Беккариа в своем трактате «О преступлениях и наказаниях» (1764) выступал против смертной казни, поскольку понимал государство как продукт общественного договора и полагал, что нельзя представить себе человека, который добровольно согласился бы принять такие условия общественного договора, при которых создаваемое им государство получало бы право лишать этого человека жизни⁴. Жан-Жак Руссо в свою очередь в работе «Об общественном договоре» (1762) пришел к прямо противоположному пониманию общественного договора: «Чело-

² См. об этом: Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 591–592.

³ Квашиш В.Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М., 2008. С. 553–648.

⁴ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 168.

век, чтобы не стать жертвой убийцы, соглашается умереть в том случае, если сам станет убийцей»⁵. И еще ранее Шарль Луи де Монтескье в сочинении «О духе законов» (1748) заявлял: «Смертная казнь преступника имеет свое оправдание в том, что закон, который его карает, был создан для его же пользы. Например, убийца пользовался защитой осудившего его закона, последний ежеминутно охранял его жизнь, и потому он не может протестовать против него»⁶.

Уже в XX веке немецкий философ Г. Радбрух, анализируя взгляды Беккариа и Руссо, указывал на то, что оба они необоснованно превращают общественный договор в исторический факт: однажды преступник согласился на этот общественный договор, предусматривающий смертную казнь, теперь же, когда он стал преступником, его мнение не берется в расчет, ибо согласие уже было дано. По мнению Радбруха, общественный договор — это своего рода фикция, он заключается вновь и вновь каждое мгновение, поэтому согласие преступника должно иметь место даже в тот момент, когда он кладет свою голову на плаху⁷. По нашему мнению, упреки Радбруха недостаточно убедительны, так как Беккариа и Руссо совершенно верно пытаются абстрагироваться от конкретной ситуации и ответить на вопрос: согласился бы человек на введение смертной казни, если бы не знал, будет ли он в будущем сам казнен? Иными словами, эти мыслители имеют в виду не конкретный исторический момент, а как раз фикцию разума.

Дополнительным аргументом Беккариа считал тот факт, что человек в принципе не вправе распоряжаться своей жизнью (самоубийство он рассматривает как преступление, хотя и не подлежащее наказанию), поэтому не может передать это право другому (государству)⁸. Этот аргумент, по нашему мнению, также нивелируется рассуждениями Руссо, который указал, что не всякое подвержение своей жизни опасности следует рассматривать как покушение на самоубийство (которое не дозволено), напротив, это действие

может быть направлено на сохранение самой жизни. Отсюда «кто хочет сохранить свою жизнь за счет других, должен, в свою очередь, быть готов отдать за них жизнь, если это будет необходимо»⁹.

Помимо этого, Беккариа пытался продемонстрировать, что смертная казнь не является ни полезной, ни необходимой. В частности, он писал, что угроза смерти не останавливает тех, кто решил посягнуть на общественный порядок, а в плане превенции на людей больше воздействует продолжительное наказание, например пожизненная каторга, а не мгновенная смерть¹⁰. Д.С. Милль считал, что закоренелых преступников вряд ли остановит угроза смертной казни, зато на публику она производит впечатление¹¹. Иеремия Бентам, напротив, в книге «Введение в основания нравственности и законодательства» (1789) писал о смертной казни как о наиболее действенном, однако же неумеренном наказании, которое к тому же невозможно пересмотреть и отменить¹².

Руссо в целом оправдывает применение смертной казни в ограниченном объеме, заявляя: «Мы вправе умертвить, даже в назидание другим, лишь того, кого опасно оставлять в живых»¹³. Причем в качестве альтернативы смертной казни автор упоминает изгнание. (В этой части его позиция близка взглядам Гуго Гроция)¹⁴. Руссо также приводит примеры из истории (Македония, Рим), когда смертная казнь законодательно не допускалась, пока согласие на нее не выразит орган народного представительства¹⁵. Тем самым Руссо как бы подчеркивал, что лишь суверенная общая воля вправе решать вопросы жизни и смерти.

И. Кант и Ш.Л. Монтескье считали, что смертная казнь является справедливым возмездием за преступления, связанные с лишением жизни и другим особо опасным по-

⁵ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. С. 225.

⁶ Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999. С. 211.

⁷ Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 186.

⁸ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 168, 196–201.

⁹ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 224.

¹⁰ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 169–174.

¹¹ Милль Дж. Ст. Речь в защиту смертной казни // Этическая мысль. Вып. 9. М., 2009.

¹² Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. С. 252, 255–257.

¹³ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 225.

¹⁴ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 466.

¹⁵ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 171.

кушением на общественную безопасность. «Это своего рода талион, посредством которого общество лишает безопасности гражданина, лишившего или покушавшегося лишить безопасности других»¹⁶, — пишет Монтескье. «Если же он убил, то он должен умереть»¹⁷, — постулирует Кант. При этом Монтескье добавлял, что иногда и преступления против собственности могут быть настолько тяжкими, что заслуживают смертной казни, а Кант утверждал также, что смертью должны наказываться государственные преступления. В этих случаях, конечно, смертная казнь уже не является талионом, что выбивает почву из-под главного аргумента данных мыслителей: они как будто ориентируются уже на общественную опасность преступления, его тяжесть, а не на принцип талиона.

Вдохновленный идеями Руссо, И. Кант также попытался возразить Беккариа, назвав в «Метафизике нравов» (1797) тезисы последнего софистикой и крючкотворством. Кенигсбергский философ пишет, что нельзя считать наказанием то, на что человек сам согласился при заключении общественно-го договора¹⁸. Однако мы полагаем, что общественный договор — это скорее гипотетическая конструкция, чем реальность, то есть речь идет о том, на что мог бы согласиться каждый человек в некой «исходной ситуации» (в терминологии Дж. Ролза), а не о том, на что согласился конкретный преступник. Эта конструкция не предполагает, как думал Кант, что преступник сам может решать вопрос о том, заслуживает ли он наказания. В действительности противоречие взглядов Канта и Беккариа не в том, как они понимают общественный договор (Кант лишь яснее выразил мысль о вневременном характере этого договора), а в том, как они видят его содержание: первый считает, что общественный договор (практический разум) может содержать условие о смертной казни, второй — что не может (т.е., опять же, разум *любого* человека не допускает его).

Если мы попытаемся решить этот вопрос с помощью все той же конструкции

«исходного положения», то обнаружим, что Дж. Ролз, занятый вопросами справедливых принципов для базовых институтов, не дал нам никаких указаний относительно справедливости смертной казни как вида наказания (лишь назвал обращение в рабство военнопленных более справедливым, чем их убийство)¹⁹. Но если мы будем считать основным принципом воздающей справедливости оптимальное содействие реализации ролзовских принципов распределяющей справедливости, то смертная казнь вполне может оказаться относительно пригодным средством. По нашему мнению, конструкция общественного договора вполне допускает смертную казнь, если при этом не постулируется, что человеческая жизнь обладает высшей ценностью. Общественный договор предполагает только равенство лиц и их свободное волеизъявление. Конечно, у этих лиц могут оказаться различные взгляды на то, насколько безопасность, даруемая угрозой смертной казни покушающихся на твою жизнь людей, лучше той небезопасности, которая возникает в связи с возможностью привлечения к высшей мере наказания тебя самого. Но принципиальных ограничений здесь не имеется. Другую точку зрения высказывали философы кантианского направления, которые не отождествляли общественный договор и ситуацию «исходного положения». Так, Г. Радбрух, полемизируя с Кантом, писал, что, даже если рассматривать общественный договор не как реальный исторический факт, а как порождение разума, нельзя мыслить человека согласным на смертную казнь: «Смертная же казнь не может ни в коем случае служить интересам преступника, так как уничтожает сам предмет этих интересов»²⁰. В свою очередь О. Хеффе указывает, что право на жизнь является неотъемлемым, поскольку любой равноценный обмен благами («общественный договор») возможен лишь после того, как люди признают друг за другом правосубъектность, предполагающую в том числе тело и жизнь²¹. Исходя из этого, смерт-

¹⁶ Монтескье Ш.Л. Указ. соч. С. 168.

¹⁷ Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб., 2007. С. 372.

¹⁸ Там же. С. 373–374.

¹⁹ Ролз Дж. Теория справедливости. М., 2009. С. 221.

²⁰ Радбрух Г. Указ. соч. С. 187–188.

²¹ Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994. С. 241–247.

ная казнь не может быть результатом умозрительного консенсуса.

Наконец, Г. Гегель также вступил в полемику с Беккариа, но уже с позиции критики теории общественного договора. По мнению Гегеля, государство не есть договор, защита жизни и собственности индивидов не является его сущностью, напротив, государство возвышается над индивидом и претендует на его жизнь и собственность, а значит, в принципе допустима и смертная казнь. Тем не менее Гегель положительно оценил роль Беккариа в сужении сферы применения смертной казни²².

В результате никаких принципиальных аргументов против смертной казни, кроме догматических, мы не находим. Это или религиозная догма о том, что лишь Бог или государство, а не человек, вправе распоряжаться людскими жизнями, или современная догма о человеке как наивысшей ценности, выражающаяся в некоторых интерпретациях общественного договора.

Вышеизложенное можно резюмировать словами немецкого философа Г. Радбруха: «Лишь правовые воззрения надындивиду-

алистического характера могут оправдать смертную казнь»²³. Данное высказывание сделано им в контексте его собственной концепции трех возможных направлений целей в праве: индивидуалистического (ценность личности абсолютна), надындивидуалистического (государство или общество ценятся выше отдельного индивида) и трансперсонального (культура и творчество превыше всего). Появление смертной казни изначально связано с усилением публичной власти, подавлением ею отдельных личностей. Сегодня, когда стремление к правовому государству предполагает соблюдение не только буквы закона, но и общепризнанных прав человека, индивидуалистические воззрения набирают все больший вес. Так или иначе, абстрактная формула справедливости «равным — за равное, неравным — за неравное» неспособна ответить на вопрос о допустимости смертной казни, здесь требуется обращение к ценностным аспектам, и главным аргументом против смертной казни является тезис об абсолютной ценности человеческой жизни.

²² Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 148.

²³ Радбрух Г. Указ. соч. С. 185.

Литература

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях : биографический очерк / Ч. Беккариа ; сост. М.Ю. Юмашев ; пер. с ит. Ю.М. Маринин, Г.В. Черданцев. 5-е изд., испр. и увелич. М. : Стелс, 1995. 304 с.
2. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. М. : РОССПЭН, 1998. 415 с.
3. Гегель Г. Философия права / Г. Гегель ; пер. с нем. ; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. М. : Мысль, 1990. 524 с.
4. Гроций Г. О праве войны и мира : три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Г. Гроций ; пер. с лат. А.Л. Саккетти ; вступ. статьи А.Л. Саккетти, А. Желудкова. Репринт с изд. 1956 г. М. : Ладомир, 1994. 867 с.
5. Кант И. Метафизика нравов / И. Кант // Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. 3-е изд., стер. СПб. : Наука, 2007. 528 с.
6. Леонтович Ф. История русского права / Ф. Леонтович. Вып. 1. Одесса : Имп. Новорос. ун-т, 1869. 154 с.
7. Милль Дж.Ст. Речь в защиту смертной казни / Дж.Ст. Милль // Этическая мысль : научно-теоретический журнал. Вып. 9. М. : Ин-т философии РАН, 2009. 207 с.
8. Монтескье Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье ; сост., пер. и коммент. примеч. авт. А.В. Матешук. М. : Мысль, 1999. 672 с.
9. Никифоров А.С. О смертной казни / А.С. Никифоров // Государство и право. 2001. № 4. С. 64–65.
10. Петрухин И.А. Еще раз о смертной казни / И.А. Петрухин // Юридический мир. 2002. № 4. С. 4–11.
11. Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух ; пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М. : Международные отношения, 2004. 238 с.
12. Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз ; пер. с англ., науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. 2-е изд. М. : URSS, 2010. 534 с.
13. Русская Правда. Краткая редакция. Текст по Академическому списку / пер. Б.Б. Кафенгауза // Хрестоматия по истории государства и права России / под ред. Ю.П. Титова. М. : Проспект, 1997. 472 с.
14. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо ; вступ. статьи А. Филиппова [и др.] ; коммент. В.С. Алексеева-Попова, А.В. Борщевского. М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 1998. 414 с.
15. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В.И. Сергеевич. 4-е изд., доп. и попр. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 667 с.

16. Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства / О. Хеффе ; пер. с нем. М. : Гнозис, 1994. 319 с.

References

1. Beccaria C. O prestupleniyakh i nakazaniyakh : biograficheskiy ocherk [On Crimes and Punishments : biographical sketch] / C. Beccaria ; sost. M.Yu. Yumashev ; per. s it. Yu.M. Marinin, G.V. Cherdantsev. 5-e izd., ispr. i uvelich. Moskva : Stels — compiled by M.Yu. Yumashev ; translated from Italian by Yu.M. Marinin, G.V. Cherdantsev. 5th edition, revised and enlarged. Moscow : Stels, 1995. 304 s.
2. Bentham J. Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatelstva [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation] / J. Bentham. Moskva : ROSSPEN — Moscow : Russian Political Encyclopedia publishing house, 1998. 415 s.
3. Hegel G. Filosofiya prava [Philosophy of Right] / G. Hegel ; per. s nem. ; red. i sost. D.A. Kerimov i V.S. Nersesyants. Moskva : My'sl — translated from German ; edited and compiled by D.A. Kerimov and V.S. Nersesyants. Moscow : Thought, 1990. 524 s.
4. Grotius H. O prave voyny' i mira : tri knigi, v kotory'kh obyasnayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe printsipy' publichnogo prava [The Rights of War and Peace, in Three Books: Wherein the Law of Nature and Nations, and the Principal Points Relating to Government Are Explained] / H. Grotius ; per. s lat. A.L. Sakketti ; vstup. statyi A.L. Sakketti, A. Zheludkova. Reprint s izd. 1956 g. Moskva : Ladomir — translated from Latin by A.L. Sacchetti ; introductory articles by A.L. Sacchetti, A. Zheludkov. Reprinted from the edition of 1956. Moscow : Ladomir, 1994. 867 s.
5. Kant I. Metafizika nravov [Metaphysics of Morals] / I. Kant // Osnovy' metafiziki npravstvennosti. Kritika prakticheskogo razuma. Metafizika nravov. 3-e izd., ster. Sankt-Peterburg : Nauka — Groundwork of the Metaphysic of Morals. Critique of Practical Reason. Metaphysics of Morals. 3rd edition, stereotyped. Saint Petersburg : Science, 2007. 528 s.
6. Leontovich F. Istoriya russkogo prava [The Russian Law History] / F. Leontovich. Vy'p. 1. Odessa : Imp. Novoros. un-t — Issue 1. Odessa : Imperial Novorossiysk University, 1869. 154 s.
7. Mill J.S. Rech v zaschitu smertnoy kazni [Speech in Favor of Capital Punishment] / J.S. Mill // Eticheskaya my'sl : nauchno-teoreticheskiy zhurnal. Vy'p. 9. Moskva : In-t filosofii RAN — Ethical Thought : scientific and theoretical journal. Issue 9. Moscow : Institute of Philosophy of RAS, 2009. 207 s.
8. Montesquieu C.L. O dukhe zakonov [The Spirit of the Laws] / C.L. Montesquieu ; sost., per. i komment. primech. avt. A.V. Mateshuk. Moskva : My'sl — compilation, translation, author's commentaries and notes by A.V. Mateshuk. Moscow : Thought, 1999. 672 s.
9. Nikiforov A.S. O smertnoy kazni [On Capital Punishment] / A.S. Nikiforov // Gosudarstvo i pravo — State and Law. 2001. № 4. S. 64–65.
10. Petrukhin I.L. Esche raz o smertnoy kazni [Capital Punishment Revisited] / I.L. Petrukhin // Yuridicheskiy mir — Legal World. 2002. № 4. S. 4–11.
11. Radbruch G. Filosofiya prava [Philosophy of Law] / G. Radbruch ; per. s nem. Yu.M. Yumasheva. Moskva : Mezhdunarodnye otnosheniya — translated from German by Yu.M. Yumashev. Moscow : International Relations, 2004. 238 s.
12. Rawls J. Teoriya spravedlivosti [The Theory of Justice] / J. Rawls ; per. s angl., nauch. red. i predisl. V.V. Tselisheva. 2-e izd. Moskva : URSS — translated from English, scientific editor and foreword by V.V. Tselishev. 2nd edition. Moscow : URSS, 2010. 534 s.
13. Russkaya Pravda. Kratkaya redaktsiya. Tekst po Akademicheskomu spisku [Russkaya Pravda. Summary Wording. Text According to the Academic List] / per. B.B. Kafengauza // Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii / pod red. Yu.P. Titova. Moskva : Prospekt — translated by B.B. Kafengauz. Anthology on the History of the Russian State and Law / edited by Yu.P. Titov. Moscow : Prospekt, 1997. 472 s.
14. Rousseau J.-J. Ob obschestvennom dogovore. Traktaty' [The Social Contract. Treatises] / J.-J. Rousseau ; vstup. statyi A. Filippova [i dr.] ; komment. V.S. Alekseeva-Popova, L.V. Borschevskogo. Moskva : Kanonpress-TS : Kuchkovo pole — introductory articles by A. Filippov [et al.] ; commentaries by V.S. Alekseev-Popov, L.V. Borschevskiy. Moscow : Kanon-Press-C : Kuchkov Field, 1998. 414 s.
15. Sergeevich V.I. Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava [Lectures and Research on the Ancient History of the Russian Law] / V.I. Sergeevich. 4-e izd., dop. i popr. Sankt-Peterburg : Tip. M.M. Stasyulevicha — 4th edition, enlarged and revised. Saint Petersburg : M.M. Stasyulevich's printing office, 1910. 667 s.
16. Höffe O. Politika. Pravo. Spravedlivost. Osnovopolozheniya kriticheskoy filosofii prava i gosudarstva [Politics. Law. Justice. Fundamentals of the Critical Philosophy of Law and State] / O. Höffe ; per. s nem. Moskva : Gnozis — translated from German. Moscow : Gnosis, 1994. 319 s.

Некоторый вероисповедальный смысл немедицинского потребления наркотиков

*Егорова Татьяна Игоревна,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Академии ФСИН России,
кандидат юридических наук
madamti62@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию проявлений вероисповедального характера в отношении веществ, способных изменять сознание человека. На основе Ветхого Завета древнего еврейского Священного Писания, воспринятого христианством, и научных данных об учениях других религиозных групп анализируется история возникновения запретов на потребление растений, содержащих наркотические вещества. Акцентируется внимание на особых психических состояниях, характеризующихся страхом и трансцендентными переживаниями.

Ключевые слова: религия, наркотики, наркосодержащие растения, Ветхий Завет, древние люди, страх, ритуал.

Some Religious Meaning of Non-Medical Use of Narcotic Drugs

*Egorova Tatyana I.
Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the Academy of the FPS of Russia
Candidate of Legal Sciences*

The article is devoted to the study of manifestations of religious nature in relation to substances that can change human consciousness. On the basis of the old Testament of the ancient Jewish Scripture, accepted by Christianity, and scientific data on the teachings of other religious groups analyzed the history of the ban on the consumption of plants containing narcotic substances. Focuses on special mental States characterized by fear and transcendent experiences.

Keywords: religion, drugs, drug-containing plants, Old Testament, ancient people, fear, ritual.

Общественная опасность широкого распространения оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов осознавалась человечеством исторически весьма сложно. Данное обстоятельство связано с низким уровнем первоначальных знаний о свойствах и закономерностях окружающего мира. Однако эмпирические наблюдения и опыт позволили нашим предкам установить необходимые правила, определить методы как можно более безопасного и эффективного существования в окружающей их действительности среди потенциально опасных природных объектов.

Повсеместно среди разных народов известны растения, обладающие психостимулирующими свойствами, зависящими от содержания специфических алкалоидов, накапливающихся в разных частях растения. В их клеточном соке, органических кислотах, жирных или эфирных маслах содержатся сильнейшие яды, вызывающие отравления, судороги и смерть. Указанные вещества со-

ставляют примерно 10% мировой флоры. Зачастую в своем составе растения содержат не один, а несколько алкалоидов. Так, в спорынье обнаружено свыше 30 алкалоидов, а раувольфии змеиной — около 50¹.

Согласно теологической теории сотворения Мира появление растительности на земле относится к третьему дню творения: «И произвела земля зелень, траву... дерево [плодовитое]... И увидел Бог, что *это* хорошо» (Кн. Быт 1:12). То есть первоначально растения не таили в себе каких-либо опасностей для здоровья человека, были полезными: «И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя... вам *сие* будет в пищу; а всем зверям земным... *дал* Я всю зелень травную в пищу» (Кн. Быт. 1:29–30).

¹ Коренская И.М., Ивановская Н.П. Лекарственные растения и лекарственное растительное сырье, содержащие алкалоиды : учебное пособие. Т. 1. Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2006. С. 18.

Святой пророк Моисей повествует, что Господь Бог заповедал первому человеку: «...от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь... ибо... смертью умрешь» (Кн. Быт. 2:16–17).

В Раю было много деревьев, но посреди поставлено было одно запретное, которое было «хорошо для пищи, и... приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание» (Кн. Быт. 3:6).

С точки зрения богословия потребление плодов дерева познания добра и зла является образным обозначением процесса познания. Таким образом Бог запрещает Адаму вступать в процесс познания, который ведет к смерти. Запрещается способ исследования бытия, который фактически не направлен на его исследование, а представляет собой опосредованное восприятие каких-либо новых свойств и качеств путем воздействия на конкретный предмет, не имеющий сам подобных качеств, однако потребление которого ведет к перевоплощению действительности. Божественные установления, как абсолютно святые, в этом случае выступают не отдельным фактом, а процессом познания человеком добра и зла в себе и окружающем мире как предпосылки к святости².

В результате потребления запретного плода по библейскому пониманию «страсти и склонности вошли внутрь человека, после чего он уже не в состоянии отделить свою личность от своих влечений и проанализировать свои представления о добре и зле объективно»³. Данные человеческие склонности позволяют притуплять инстинкт самосохранения, рисковать своей жизнью, интересами других людей и общества в целом, порождают необходимость регулирования поведения людей извне, из принудительного ограничения их действий.

Познание добра и зла предполагает наличие у человека определенного опыта, получение которого связано с его личными переживаниями.

Таким образом, несовершенства в сотворении человека были оставлены Богом для достижения закономерного результа-

та — совершения человеком преступления и познания им личных негативных душевных переживаний, связанных с преступлением запрета, вызвавшего негативные изменения в окружающей действительности. По рассуждению святителя Филарета Московского, у первых людей проявились плотская чувственность, стремление к наслаждению и «мечтаньям кичливого многоведения»⁴.

Наблюдения древних людей приводили их к выводу о наличии особого разряда «явлений (чисто психологических, как говорим мы теперь), которые необходимо отличать ото всех других явлений, замечаемых нами на живом организме... При попытке выделить эти “особенные” явления первобытный мыслитель сейчас же попадает назад, на старые пути, смешивает душу с телом и, так сказать, материализует душу, считая ее феноменом тоже телесным, но особого порядка»⁵. Понимание бытия непостижимого и его конечности требовало интерпретации, приводило к установлению культов, объясняющих смысл возникновения и прекращения существования каких-либо фактов⁶. При этом анализировались самые загадочные состояния, не изученные и современной наукой, связанные со смертью и сновидениями, иллюзиями и галлюцинациями, формировалось виталистическое и антропоморфическое отношение к окружающему миру.

Именно осознание конечности существования человека, страх смерти подталкивали людей вырабатывать определенные правила, ритуализировали жизнь первобытного человека.

Психическое переживание эмоции страха, имея биологическую природу и социальное содержание, выступает сигнально-ориентировочной функцией, определяющей стремление человека к самосохранению, адаптации в окружающем мире.

² Тахтамышев В.Г. Библейская идеология: Система универсального практического мировоззрения : дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д : Ростовский гос. ун-т, 2000. С. 94.

³ Шадриков В.Д. Происхождение человечности : учебное пособие. М. : Логос, 2004. С. 37.

⁴ Филарет, архимандрит. Записки, руководствующие к основательному разумению Книги Бытия, заключающие в себе и перевод сея книги на русское наречие. Ч. 1. М. : Тип. на Никольской ул., 1867. С. 58.

⁵ Бобров Е.А. Психологические воззрения древних греческих философов. М. : URSS, 2011. С. 2.

⁶ Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. С. 54.

Нивелирование страха осуществлялось путем определенных ритуалов, которые позволяли копить эмпирическую информацию, совершенствуя способы ее консервации, формулировать способы и устанавливать регуляторы общественной жизнедеятельности, где «страх переплетался с дерзостью, которая, скорее всего, проистекала от отчаяния, порождаемого тем же страхом»⁷.

Христианство, как и иудаизм, отрицательно относится к различным искусственным возбуждающим веществам. Это объясняется общностью антропологических представлений, которые существуют в этих религиях.

С распространением христианства в Средние века наркотические вещества занимают маргинальную нишу. Их использование связывалось с чародейством и народным врачеванием. При этом наркотики рассматривались как важный магический момент, помогающий человеку войти в так называемый «астрал», находящийся за пределами физического мироздания.

Возможно утверждать, что данный процесс был связан с властным воздействием на общественные мышление и сознание, побуждающим подчиняться мнению лиц, сведущих в закономерностях природных явлений, от которых зависели жизнь и здоровье людей. С глубокой древности и по настоящий день перед человечеством неизменно встает вопрос обеспечения как общественной, так и собственной безопасности⁸.

Вера в существование сверхъестественного существует одновременно на нескольких различных уровнях. Она представляет собой совокупность абстрактных представлений о мире и управлении им, причастности людей к космическим процессам путем манипулирования символами в ходе обрядов и таинств, демонстрирующих чувства любви, страха и преданности. «И, наконец, она существует как особого рода чувство или интуиция, ощущение единства всех вещей в их божественном принципе»⁹.

Данная концепция эволюции общественного познания качеств и свойств наркотиков отталкивается от первобытных знаний людей об окружающем мире, основанных на страхе перед стихийными силами природы, развитом инстинкте самосохранения, необходимости физического выживания в окружающей среде, породивших закрепление знаний в традициях и обычаях, контроль за исполнением которых был первоначально сконцентрирован у служителей первобытных культов. В своей ритуальной деятельности они широко применяли различные магические приемы, колдовство, заклинания, совершали другие действия, создающие веру в существование таинственных духов, доступных для общения только ограниченному кругу избранных лиц¹⁰.

Однако для достижения инсайта или экстаза не всегда принимаются наркотики, для этого вполне могут подойти танец, самовнушение и прочие психосоматические техники. Эндорфины, стимулирующие «центр удовольствия», вырабатываются в организме самостоятельно в зависимости от эмоционального состояния человека и действуют подобно опиатам¹¹. Тогда как организм людей, употребляющих опиаты, практически перестает самостоятельно вырабатывать эндорфины.

Наиболее известными способами, которые традиционно использовались у различных культур и народов для стимулирования мистических или измененных состояний, являются одурманивающие и галлюциногенные средства. Данные телесные и психологические практики древних народов различались в зависимости от географического месторасположения и климатических условий.

Очевидно, что свойства и качества наркосодержащих растений являлись особым предметом рефлексии первобытного человека. Вызываемые данными средствами психические и физические пережива-

⁷ Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. С. 14.

⁸ Иванов И.С., Серегина А.А. Безопасность в свете философско-религиозных концепций // История государства и права. 2013. № 20. С. 18.

⁹ Фаустова Э. Религиозность студентов и наркомания // Высшее образование в России. 2001. № 1. С. 97.

¹⁰ Лоба В.Е. Власть и суеверие: историко-правовой аспект // История государства и права. 2011. № 7. С. 27.

¹¹ Банек К. Разные пути к богу (техники достижения мистического состояния) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2011. Т. 1. № 21. С. 98.

ния воспринимались как весьма загадочные и волшебные, что связывалось не со свойствами данных растений, а с самими растениями, которые якобы превращались в нечто, вселялись, передавали какие-то знания. Подобные свойства в древней Ригведе приписаны священному растению, из которого изготавливался божественный напиток Сома¹².

В связи с тем что потребление наркотических средств приводит к возникновению специфических переживаний, которые первобытный человек не мог объяснить иным образом, кроме имеющихся у него средств одушевления неживых предметов и материализации души, требовались определенные духовные общественные институты, которые устанавливали и поддерживали отношения с потусторонним миром, оказывающим, как казалось древнему человеку, решающее воздействие на состояние физического благополучия человека.

Формирование мистического миропонимания помогало подавить тревогу, которая порождается взаимодействием интереса и страха. Неизвестность, с которой сталкивался первый человек, вызвала страх, которой вынуждал его отступить. Но человек не может жить и развиваться в постоянной тревоге. «Чтобы жить и развиваться, человек должен обладать некоторой толерантностью к страху»¹³.

Иррациональные, на первобытный взгляд, явления, связанные с потреблением наркосодержащих растений, помогали подавить чувство бессилия в борьбе с природой, способствовали постепенному становлению концептуального мистического мышления. Можно согласиться с мнением А. Видемана, что сложившееся у первобытного человека мировоззренческое миропонимание основывалось «не на подлинных, хотя бы и очень скудных эмпирических знаниях, а на бессилии человека, на его полном незнании законов внешнего мира, короче говоря, на его невежестве и попытках преодолеть

это невежество при помощи воображения»¹⁴.

С совершенствованием эмпирических знаний и связанных с этим познавательных способностей людей психоактивные свойства указанных средств стали осознаваться яснее. Однако лишь с развитием общественных отношений возможно предметное изучение наркотических средств, формулирование определенных правил их потребления, которые «слагались под влиянием целой массы побуждений, а не одного только какого-нибудь начала»¹⁵.

Таким образом, установление порядка и правил оборота наркотических средств и психотропных веществ в рамках ритуальных действий возникло еще на ранних этапах развития человечества. Однако потребление и распространение наркотиков как в древние времена, так и в новое время неотделимы от оккультизма и сатанизма¹⁶. Современный оккультизм также использует психоактивные вещества в качестве средства изменения сознания и раскрытия духовных возможностей познания и взаимодействия с материальным миром.

Так, решением Колпинского районного суда Санкт-Петербурга от 23 июня 2014 г. по делу № 2-1077/14 признана экстремистской и запрещена к распространению на территории Российской Федерации информация, содержащаяся на одном из сайтов сети Интернет. Исследованным в суде экспертным мнением установлено, что, наряду с навязыванием жестко сегрегированной, враждебной, ненавистнической картины мира, специфического этноцентристско-религиозного образа жизни, формируется сверхпозитивный образ наркомании как одобряемой, правильной формы социального поведения, характерной для носителя сатанинского учения.

Можно заключить, что потенциал распространения немедицинского потребления наркотиков связан с глубокими психологическими и социальными пережива-

¹² Андреева М.В. «Выжатые капли»: к вопросу о поисках ранних следов индоиранского культа Сома/Хаомы в археологических источниках // Краткие сообщения Института археологии. 2013. № 229. С. 118.

¹³ Изард К.Э. Психология эмоций / пер. с англ. А. Татлыбаева. СПб.: Питер, 2000. С. 139.

¹⁴ Видеман А. Религия древних египтян. М.: Центрполиграф, 2009. С. 61.

¹⁵ Гульперин С.Д. Очерки первобытного права. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1893. С. 4.

¹⁶ Туратбек К.Ж., Айткулова М.Н. Сатанизм как новое религиозное движение в Кыргызстане // Вестник КГУСТА. 2018. № 1 (59). С. 87.

ниями, стремлением людей к признанию чего-либо истинным независимо от фактического или логического обоснования. В данном случае вероисповедальный характер связей по

отношению к наркотическим средствам основывается на субъективных впечатлениях, ощущениях или чувствах, связанных с их немедицинским потреблением.

Литература

1. Андреева М.В. «Выжатые капли»: к вопросу о поисках ранних следов индоиранского культа Сомы/Хаомы в археологических источниках / М.В. Андреева // Краткие сообщения Института археологии. 2013. № 229. С. 106–121.
2. Банек К. Разные пути к богу (техники достижения мистического состояния) / К. Банек // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2011. Т. 1. № 21. С. 96–101.
3. Бобров Е.А. Психологические воззрения древних греческих философов / Е.А. Бобров. М.: URSS, 2011. 76 с.
4. Видеман А. Религия древних египтян / А. Видеман. М.: Центрполиграф, 2009. 154 с.
5. Гульперин С.Д. Очерки первобытного права / С.Д. Гульперин. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1893. 300 с.
6. Иванов И.С. Безопасность в свете философско-религиозных концепций / И.С. Иванов, А.А. Серегина // История государства и права. 2013. № 20. С. 16–21.
7. Изард К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард; пер. с англ. А. Татыбаева. СПб.: Питер, 2000. 464 с.
8. Коренская И.М. Лекарственные растения и лекарственное растительное сырье, содержащие алкалоиды: учебное пособие. Т. 1 / И.М. Коренская, Н.П. Ивановская. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2006. 71 с.
9. Лоба В.Е. Власть и суеверие: историко-правовой аспект / В.Е. Лоба // История государства и права. 2011. № 7. С. 26–31.
10. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве / Г.В. Мальцев. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 736 с.
11. Тахтамышев В.Г. Библейская идеология: Система универсального практического мировоззрения: дис. ... д-ра филос. наук / В.Г. Тахтамышев. Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т, 2000. 330 с.
12. Туратбек К.Ж. Сатанизм как новое религиозное движение в Кыргызстане / К.Ж. Туратбек, М.Н. Айткулова // Вестник КГУСТА. 2018. № 1 (59). С. 87–92.
13. Фаустова Э. Религиозность студентов и наркомания / Э. Фаустова // Высшее образование в России. 2001. № 1. С. 95–99.
14. Филарет, архимандрит. Записки, руководствующие к основательному разумению Книги Бытия, заключающие в себе и перевод сей книги на русское наречие. Ч. 1 / Филарет, архимандрит. М.: Тип. на Никольской ул., 1867. 197 с.
15. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
16. Шадриков В.Д. Происхождение человечности: учебное пособие / В.Д. Шадриков. М.: Логос, 2004. 288 с.

References

1. Andreeva M.V. Vy'zhaty'e kapli: k voprosu o poiskakh rannikh sledov indoiranskogo kulta Somy'/Khaomy' v arkhelogicheskikh istochnikakh [The Squeezed Drops: On the Search for Early Traces of the Indo-Iranian Cult of Soma/Хаома in Archaeological Sources] / M.V. Andreeva // Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii — Short Messages of the Institute of Archaeology. 2013. № 229. S. 106–121.
2. Banek K. Raznye puti k bogu (tekhniki dostizheniya misticheskogo sostoyaniya) [Different Ways to God (Techniques of Reaching a Mystic State)] / K. Banek // Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. 2011. T. 1 — Annual Theological Conference of the Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities, 2011. Vol. 1. № 21. S. 96–101.
3. Bobrov E.A. Psikhologicheskie vozzreniya drevnikh grecheskikh filosofov [Psychological Views of Ancient Greek Philosophers] / E.A. Bobrov. Moskva: URSS — Moscow: URSS, 2011. 76 s.
4. Videman A. Religiya drevnikh egiptyan [Religion of Ancient Egyptians] / A. Videman. Moskva: Tsentrpoligraf — Moscow: Central Polygraph, 2009. 154 s.
5. Gulperin S.D. Ocherki pervobytnogo prava [Sketches of Primeval Law] / S.D. Gulperin. Sankt-Peterburg: Tip. P.P. Soykina — Saint Petersburg: P.P. Soykin's printing office, 1893. 300 s.
6. Ivanov I.S. Bezopasnost v svete filosofsko-religiozny'kh kontseptsiy [Security in View of Philosophical and Religious Concepts] / I.S. Ivanov, A.A. Seragina // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2013. № 20. S. 16–21.
7. Izard C.E. Psikhologiya emotsiy [The Psychology of Emotions] / C.E. Izard; per. s angl. A. Taty'baeva. Sankt-Peterburg: Piter — translated from English by A. Tatybaev. Saint Petersburg: Peter, 2000. 464 s.
8. Korenskaya I.M. Lekarstvenny'e rasteniya i lekarstvennoe rastitelnoe sy'rye, sodержaschie alkaloidy': uchebnoe posobie. T. 1 [Medical Plants and Medical Herbs Containing Alkaloids: textbook. Vol. 1] / I.M. Korenskaya, N.P. Ivanovskaya. Voronezh: Voronezhskiy gos. un-t — Voronezh: Voronezh State University, 2006. 71 s.

9. Loba V.E. Vlast i sueverie: istoriko-pravovoy aspekt [Power and Superstition: A Historical and Legal Aspect] / V.E. Loba // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2011. № 7. S. 26–31.
10. Maltsev G.V. Mest i vozmezdie v drevnem prave [Revenge and Vengeance in the Ancient Law] / G.V. Maltsev. Moskva : Norma : INFRA-M — Moscow : Norm : INFRA-M, 2012. 736 s.
11. Takhtamyshev V.G. Bibleyskaya ideologiya: Sistema universalnogo prakticheskogo mirovozzreniya : dis. ... d-ra filos. nauk [Biblical Ideology: The System of Universal Practical Worldview : thesis of ... Doctor of Philosophy] / V.G. Takhtamyshev. Rostov-na-Donu : Rostovskiy gos. un-t — Rostov-on-Don : Rostov State University, 2000. 330 s.
12. Turatbek K.Zh. Satanizm kak novoe religioznoe dvizhenie v Kyrgyzstane [Satanism as a New Religious Movement in Kyrgyzstan] / K.Zh. Turatbek, M.N. Aytkulova // Vestnik KGUSTA — Bulletin of KSUCTA named of N. Isanov. 2018. № 1 (59). S. 87–92.
13. Faustova E. Religioznost studentov i narkomaniya [Religious Commitment of Students and Drug Addiction] / E. Faustova // Vy'sshee obrazovanie v Rossii — Higher Education in Russia. 2001. № 1. S. 95–99.
14. Filaret, arkhimandrit. Zapiski, rukovodstvuyushchie k osnovatelnomu razumeniyu Knigi By'tiya, zaklyuchayushchie v sebe i perevod seya knigi na russkoe narechie. Ch. 1 [Philaret, Archimandrite. Notes Leading to In-Depth Understanding of the Book of Genesis Containing a Translation of This Book into the Russian Language. Part 1] / Filaret, arkhimandrit. Moskva : Tip. na Nikolskoy ul. — Philaret, Archimandrite. Moscow : Printing office at Nikolskaya str., 1867. 197 s.
15. Heidegger M. Bytie i vremya [Being and Time] / M. Heidegger. Moskva : Ad Marginem — Moscow : Ad Marginem, 1997. 451 s.
16. Shadrikov V.D. Proiskhozhdenie chelovechnosti : uchebnoe posobie [Origination of Humanity : textbook] / V.D. Shadrikov. Moskva : Logos — Moscow : Logos, 2004. 288 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-1-67-71

Развитие законодательства, регулирующего деятельность лоцманов в 1880–1890 годах

*Никитина Алина Петровна,
заведующая кафедрой «Морское и таможенное право»
Юридического института
Севастопольского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
arnikitina@sevsu.ru*

В статье указано, что в конце 1880-х годов были предприняты важные шаги в деле усовершенствования нормативно-правовой базы деятельности морских лоцманов в Черноморско-Азовском регионе, в частности Керченских и Николаевских. Принятие же Положения о морских лоцманах 1890 года не стало единым нормативно-правовым актом в изучаемой сфере, так как само предполагало выработку дополнительных правил на местах, с учетом местной специфики. При этом данный документ базировался на отечественном и зарубежном опыте, был хорошо продуман и давал ответы на большинство вопросов, а поэтому смог стать базовым для лоцманских обществ до 1917 года, не требуя существенных корректировок.

Ключевые слова: лоцманы, лоцманские общества, правила проводки, положение, судоходство.

Development of Laws Regulating Activities of Marine Pilots in the 1880s to the 1890s

*Nikitina Alina P.
Head of the Department of Maritime and Customs Law of the Law Institute of the Sevastopol State University
Candidate of Legal Sciences
Associate Professor*

In the article, that at the end of 1880th important steps were undertaken on business of improvement of normatively-legal base of activity of marine harbor pilots in a region Black and Azov seas, in particular

Kerch and Mykolaiv. The acceptance of position about marine harbor pilots 1890 did not become a single normatively-legal act in the studied sphere, because self-supposed making of additional rules on places taking into account a local specific. Thus, this document was based on home and foreign experience, was well carefully thought out and gave answers for most questions, and that is why able reason base for pilot societies 1917 to not requiring substantial adjustments.

Keywords: harbor pilots, pilot societies, rules of wiring, position, navigation.

Проблемам регулирования деятельности лоцманов посвящено значительное количество трудов в отечественной правовой науке¹, однако многие вопросы в этой проблеме по-прежнему остаются малоизученными.

Изменения социально-экономических условий в Черноморско-Азовском регионе к концу XIX в., а также характера торгового судоходства (в связи с развитием техники, большой привязкой к мировому опыту, углублением проходов и фарватеров, изменениями в управлении как торговым, так и морским военным флотом) предопределили дальнейшее совершенствование, уточнение и детализацию положений Устава для Николаевских лоцманов.

Так, 25 ноября 1888 г. был принят Указ «О временных правилах для Общества Николаевских лоцманов» (№ 5577). В этот же день были утверждены и временные правила для Общества Керчь-Еникальских лоцманов (№ 5578) (ПСЗРИ. Т. 8). Обратим внимание, что это были не новые уставы, а «правила». Они принимались из необходимости совершенствования работы лоцманских цехов, большей ее урегулированности, конкретизации подчиненности и т.д.

Так, в частности, новые правила для Николаевских лоцманов устанавливали, что «состоящие при Николаевском порте лоцманы и лоцманские ученики образуют общество Николаевских лоцманов, находящееся в ведении Главного командира флота и портов Черного и Каспийского морей», но, как

и ранее, подчиняются непосредственно лоцманскому командиру (ст. 1).

Статья 2 положения была полностью посвящена вопросам оплаты работы лоцманов. Устанавливалось, что Обществу Николаевских лоцманов разрешалось взимать в свою пользу плату за провод коммерческих судов от меридиана Суворовского маяка, по всему протяжению фарватера реки Буг до Глубокой пристани и Николаева, и обратно в таких размерах:

а) обязательно за провод парусных и паровых судов в один конец от Суворовского маяка до Николаевской коммерческой пристани (Поповой балки) и обратно уплачивалось:

— вместимостью до 400 тонн по 1 руб. с фута углубления;

— вместимостью от 400 до 600 тонн по 1 руб. 50 коп. с фута углубления;

— вместимостью от 600 и более тонн по 2 руб. с фута углубления.

Кроме того, все суда без исключения должны были платить по 2 коп. с тонны их вместимости.

Каждое из судов, следующих на буксире у паровых судов, уплачивало половину сбора по таксе. Если же буксируемое судно было лоцмана, то платило полный сбор по таксе.

Устанавливалось, что при углублении судна на футах с дробью дробь менее $\frac{1}{2}$ фута отбрасывалась, а $\frac{1}{2}$ фута и более принимались за полный фут (прим. к п. «а» ст. 1);

б) обязательно за провод парусных и паровых судов в один конец от Суворовского маяка до пристани Глубокой и обратно уплачивалось на тех же основаниях, с уменьшением $\frac{1}{4}$ доли платы, определенной по п. «а» этой статьи.

Корабельщики по своему желанию могли брать лоцманов для прохода от Николаевской коммерческой пристани (Поповой балки) и обратно к таким местам:

— до пристаней, лежащих по течению реки Буг, до кос Волошской и Русской и выше их (с. 558), за что платили в один конец четвертую долю сбора, определенного по п. «а» этой статьи;

— до пристаней, лежащих на Буге по южную сторону кос Воложской и Русской,

¹ Мишалченко Ю. Возникновение и развитие «лоцманского дела» // Морское право. 2004. № 2. URL: <http://www.delta-pilot.ua/node/249>; Иловацкий А.С. Днепровские лоцманы. К.: Тип. Т.Г. Мейнандера, 1910. 52 с.; Змерзлый Б.В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII — начале XX в. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. 512 с.; Москаленко И.Ф. Руководство для морских лоцманов. М.: Водный транспорт, 1941. 89 с.; Максиманджи М.М. Организация и правовые условия лоцманской проводки за рубежом (Англия, Франция, ФРГ, Швеция, Дания, Норвегия). М.: Морской транспорт, 1963. 118 с.

а также до рейда пристани Глубокой, за что платили в один конец половину сбора, определенного по п. «а» этой статьи;

— вверх по реке Буг, до сел. Червонной и Николаевского адмиралтейства, за что платили в один конец третью долю сбора, определенного по п. «а» этой статьи;

— вверх по реке Буг до Вознесенска, за что платили в один конец $\frac{3}{4}$ сбора, определенного по п. «а» этой статьи;

— точно так же, по желанию, корабельщики могли брать лоцманов для прохода от Суворовского маяка до Одессы и обратно, за что следовало платить в один конец тот же сбор, что и в п. «а» этой статьи.

Независимо от всего этого, если корабельщик желал взять лоцмана для ввода судна в гавань и его ошвартования у пристани, то платил за этот особый труд 3 руб., без различия величины судна.

Во всех вышеупомянутых случаях предполагалось: 1) что корабельщики исключительно берут лоцманов на существующих станциях; 2) что все суда, имеющие плавание в пределах Днепровского лимана и рек, в него впадающих, не подлежат обязательному лоцманскому сбору по существу дела, если они не переходят к стороне моря, за меридиан Суворовского маяка и 3) что все суда, входящие с моря в Днепровский лиман, подвергаются уплате лоцманского сбора, соответственно месту их назначения, или до Николаева, или до рейда пристани Глубокой. На обратном пути судна из Николаева корабельщик мог взять только лоцмана до одного из пунктов на Буге или Днестровском лимане, мог его держать, выплачивая ему за каждый день простоя по 5 руб., или же мог его не брать в Николаеве и следовать без него по всем пристаням реки Буг и лимана и потом снова взять его или не взять при вторичном заходе в Николаев или к пристани Глубокой, но во всяком случае, на основании п. «а» и «б» по прибытии этого судна на выход из лимана в Очаков, он должен был доплачивать лоцманский сбор, по расчету за полный переход в один конец от Николаева или пристани Глубокой (примечание);

в) для обратного переезда лоцмана от одного из мест, означенных в пунктах «в» и «г», до той станции, с которой он был взят, корабельщик должен был ему выдавать 2 руб., а для обратного переезда от Вознесенска или Одессы до той станции, с которой он был взят, 5 руб.; и

г) в тех случаях, когда судно, на котором находился лоцман, по каким-нибудь естественным причинам, например по причине противного ветра, тумана или снижения воды на Очаковской банке против ординара (15 $\frac{1}{2}$ фута), вынуждено будет лавировать или становиться на якорь, то корабельщик за каждый день, который он проводил в пути свыше одних суток, должен был выплачивать лоцману по 1 руб. в день, сверх прокормления и платы, положенной для него по таксе. Если же лоцман задерживался на судне по причине судовой надобности, как то: в ожидании нагрузки и выгрузки, могущих потребоваться переделок и т.п., то корабельщик должен был выплачивать лоцману за каждый день по 5 руб. сверх прокормления; точно так же корабельщик обязывался выплачивать лоцману по 5 руб. в сутки сверх прокормления и тогда, если судно сидело в грузе свыше 15 $\frac{1}{2}$ фута и остановилось для отгрузки у корабельного канала, а равно им за дневное пребывание лоцмана на судне, стоящем на якоре, куда лоцманы по желанию корабельщиков отпускаются в том случае, если они не все заняты проводом отходящих или приходящих судов. Сверх того, если судно, имеющее свыше 15 $\frac{1}{2}$ фута углубления, при переходе по Очаковской банке останавливалось на мели, то лоцман не отвечал за аварии и другие случаи, могущие с ним произойти.

Наибольшее углубление судов, назначаемое по этой статье и соответствующее наименьшей глубине корабельного фарватера на Очаковской банке в 15 $\frac{1}{2}$ фута, во время ординарного возвышения воды (с. 559) могло быть увеличено по мере углубления канала и поэтому ежегодно определялось Главным командиром флота и портов Черного и Каспийского морей (примечание).

Все упомянутые в предыдущей ст. 2 этого положения деньги поступали в общую кассу Общества Николаевских лоцманов (ст. 3).

Положение также содержало перечень взысканий, которые мог налагать лоц-командир на лоцманов, который полностью совпадает с изложенным в Уставе 1868 г. (ст. 63). Однако устанавливалась норма, согласно которой такие наказания, как смещение из общества, могли производиться не иначе как с утверждения Главного командира флота и портов Черного

и Каспийского морей, а штрафы поступали в пользу лоцманского общества (ст. 4).

Также подчеркивалось, что при несостоятельности отдельных членов лоцманского общества в уплате присужденных с них судом вознаграждений в пользу судовладельцев за нанесенные ими ущербы или убытки ответственность эта падала на Общество лоцманов круговым ручательством (ст. 5).

В заключение положения Адмиралтейств-совету давалось право, по предварительному согласию Управляющего Морским министерством с министрами: финансов, внутренних дел и путей сообщения, издать обязательные для общества лоцманов подробные правила: о составе общества; о порядке назначения и увольнения лоц-командира, его помощников и старосты лоцманов; о числе помощников лоц-командира; о порядке приема в общество новых членов и исключения из него; об отношении лоц-командира и членов общества к Главному командиру флота и портов Черного и Каспийского морей, к директору маяков и лоции Черного моря и к местному портовому начальству и речной полиции; о порядке поступления определенной за провод судов платы в пользу общества; о способе хранения и расходования принадлежащих обществу денежных сумм; о порядке пополнения обществом лоцманов упдающих на него взысканий в силу предыдущей ст. 5 данного положения комитета министров; и вообще о внутреннем устройстве и управлении общества, правах и обязанностях лоц-командира, его помощников, лоцманского старосты, лоцманов и лоцманских учеников, а также определении размера назначаемого лоц-командиру и его помощникам добавочного жалования из средств общества лоцманов (ст. 6)².

Как уже указывалось, необходимость пересмотра существовавших законоположений о деятельности лоцманских обществ нашла понимание в высших кругах страны. Для разработки частных и общего положения о морских лоцманах в 1886 г. была создана междуведомственная комиссия, которой и было поручено это дело³.

1 мая 1890 г. было принято детально разработанное Положение о морских лоцманах⁴.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. VIII. 1888. СПб., 1890. С. 560.

³ Змерзлый Б.В. Указ. соч. С. 253–254.

⁴ Положение о морских лоцманах // Собрание узаконений и распоряжений Правительства,

По нему лоцманская часть на морях империи состояла в ведении Морского министерства по ГГУ. На министерство возлагалось, через начальников лоцманских округов и местные лоцманские начальства, наблюдение за исправным исполнением лоцманами своих обязанностей. Лоцманы причислялись к 6 округам: 1) Беломорскому, 2) Балтийскому, 3) Кронштадтскому, 4) Черноморскому (под начальством Главного командира флота и портов Черного и Азовского морей); 5) Каспийскому и 6) Восточному.

На начальников лоцманских округов возлагалось наблюдение за точным исполнением лоцманами действующих правил и распоряжений Морского министерства. При неправильных действиях лоцманов или местных лоцманских начальств начальник округа мог принимать меры к восстановлению порядка, донося о важных упущениях ГГУ. Ближайшее заведывание лоцманскими учреждениями и отдельными лоцманами возлагалось на портовые управления, а где их не было — на одно из местных правительственных учреждений или должностных лиц. Указание учреждений или лиц, заменяющих в этом случае портовые управления, производилось управляющим Морским министерством, по представлению начальников лоцманских округов и по согласию с министрами внутренних дел и финансов. Учреждения и должностные лица, ведающие на местах лоцманской частью, подчинялись начальнику лоцманского округа.

В порты, где это было необходимым, лоцманы определялись от правительства и получали содержание из казны. Ходатайства общественных и государственных учреждений, должностных лиц, частных обществ или лиц об устройстве лоцманской помощи в местах, нуждающихся в ней по своему положению и торговому значению, следовало направлять к начальникам лоцманских округов, которые разрешали их по согласию с губернатором или градоначальником, о чем начальники округов сообщали ГГУ.

Для более успешного отправления лоцманского промысла отдельным лоцманам, действующим на известном фарватере, предоставлялось право образовывать общества и соединяться в товарищества. Лоцманы, как

издаваемое при Правительствующем Сенате. 1890. Второе полугодие. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1890. С. 1528–1538.

действующие отдельно, так и образовавшие общества и соединившиеся в товарищества, освобождались по производству лоцманского промысла от взятия промысловых налогов и от обложения торговыми пошлинами.

Не имея необходимости рассматривать все содержание Положения 1890 г., укажем, что в нем был аккумулирован весь опыт по разработке и внедрению подобных положений, в том числе и уже действующих лоцманских обществ. Данный документ содержал лишь общие для всех лоцманов положения, что, безусловно, несколько снижало его ценность на местах, зато он мог служить ориентиром при разработке последующих лоцманских уставов.

Это касалось всех лоцманских обществ, так как в положении содержалась норма, согласно которой правила лоцманских уставов «не могли противоречить данному положению»⁵.

В развитие положения 26 августа 1890 г. были установлены форма присяги для лоцманов и лоцманский знак (7103)⁶, а 14 июня 1899 г. — особый флаг для лоцманских об-

ществ. Он учреждался по образцу флага для лоцманов Финляндии с помещением в нижнем внутреннем углу флага каждого общества начальной буквы его названия⁷.

Однако принятие единого и обязательно для всех положения не привело к единообразию в лоцманских обществах, и даже в их подчиненности.

Таким образом, в конце 1880-х годов были предприняты важные шаги в деле усовершенствования нормативно-правовой базы деятельности морских лоцманов в Черноморско-Азовском регионе, в частности Керченских и Николаевских. Принятие же Положения о морских лоцманах 1890 г. не стало единым нормативно-правовым актом в изучаемой сфере, так как само предполагало выработку дополнительных правил на местах, с учетом местной специфики. При этом данный документ базировался на отечественном и зарубежном опыте, был хорошо продуман и давал ответы на большинство вопросов, а поэтому смог стать базовым для лоцманских обществ до 1917 г., не требуя существенных корректировок.

⁵ Змерзлый Б.В. Указ. соч. С. 258–259.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. X. 1890. СПб., 1893. С. 652–653.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XIX. 1899. СПб., 1902. С. 757.

Литература

1. Змерзлый Б.В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII — начале XX в. / Б.В. Змерзлый. Симферополь : Предприятие «Феникс», 2014. 512 с.
2. Иловацкий А.С. Днепровские лоцманы / А.С. Иловацкий. К. : Типография Т.Г. Мейнандера, 1910. 52 с.
3. Максиманджи М.М. Организация и правовые условия лоцманской проводки за рубежом (Англия, Франция, ФРГ, Швеция, Дания, Норвегия) / М.М. Максиманджи. М. : Морской транспорт, 1963. 118 с.
4. Мишалченко Ю. Возникновение и развитие «лоцманского дела» / Ю. Мишалченко // Морское право. 2004. № 2. URL: <http://www.delta-pilot.ua/node/249>
5. Москаленко И.Ф. Руководство для морских лоцманов / И.Ф. Москаленко. М. : Водный транспорт, 1941. 89 с.

References

1. Zmerzly B.V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudokhodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v kontse XVIII — nachale XX v. [The Legal Regulation of Merchant Shipping in the Black and Azov Sea Region in the Late XVIII to the Early XX Century] / B.V. Zmerzly. Simferopol : Predpriyatie Feniks — Simferopol : Phoenix Enterprise, 2014. 512 s.
2. Ilovatskiy A.S. Dneprovskie lotsmany' [Dnieper Marine Pilots] / A.S. Ilovatskiy. Kiev : Tipografiya T.G. Meynandera — Kiev : T.G. Meynander's printing office, 1910. 52 s.
3. Maksimandzhi M.M. Organizatsiya i pravovye usloviya lotsmanskoj provodki za rubezhom (Angliya, Frantsiya, FRG, Shvetsiya, Daniya, Norvegiya) [Arrangement of and Legal Conditions for Pilotage Abroad (England, France, FRG, Sweden, Denmark, Norway)] / M.M. Maksimandzhi. Moskva : Morskoy transport — Moscow : Marine Transport, 1963. 118 s.
4. Mishalchenko Yu. Vozniknovenie i razvitie lotsmanskogo dela [The Origination and Development of Pilotage] / Yu. Mishalchenko // Morskoe pravo — Maritime Law. 2004. № 2. URL: <http://www.delta-pilot.ua/node/249>
5. Moskalenko I.F. Rukovodstvo dlya morskikh lotsmanov [A Guide for Marine Pilots] / I.F. Moskalenko. Moskva : Vodnyy transport — Moscow : Water Transport, 1941. 89 s.

Мусульманское книгопечатание в Российской империи в XIX — начале XX века (общий обзор)*

*Османова Милена Нуриевна,
старший научный сотрудник отдела востоковедения
Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра Российской академии наук (РАН),
кандидат исторических наук
osmanova-milena@rambler.ru*

В статье в обзорном порядке рассматривается становление арабографического книгопечатания в тех областях Российской империи, где исконно преобладало население, исповедующее ислам. Автор указывает причины, по которым здесь преобладал литографский способ печати, а также обозначает общие черты и особенности, присущие типографскому делу отдельно взятых мусульманских регионов. В статье освещается значение массового выпуска религиозной литературы, Корана, которые издавались практически во всех мусульманских типографиях Российской империи. В указанный период в значительном количестве и многократно печатались трактаты по мусульманскому праву, богословию, суфизму, причем в каждом регионе были свои сочинения, пользующиеся популярностью, в том числе разных мазхабов (шафиитского, ханафитского). Первенство по изданию религиозной литературы в Российской империи, безусловно, принадлежит Казани, ставшей в XIX — начале XX века крупным центром мусульманского книгопечатания. Печатные издания известных трактатов мусульманского мира, изданные в России, использовались в качестве учебников в мактабах и медресе, о чем свидетельствуют ученические записи на полях экземпляров, хранящихся в государственных, частных и мечетских книжных коллекциях Дагестана и других регионов России, а также ближнего и дальнего зарубежья. Дагестанская старопечатная продукция затрагивается фрагментарно, поскольку ей уже был посвящен ряд исследований автора. В статье приводятся малоизвестные сведения о тематике старопечатных книг, изданных в Средней Азии, практически не представленных в дагестанских книжных коллекциях и собраниях (они доступны для изучения в государственных библиотеках Санкт-Петербурга и также вызывают закономерный интерес исследователей).

Ключевые слова: книгопечатание, типография, литография, каллиграфия, литература религиозного содержания, Коран, суфийские трактаты.

Muslim Book Printing in the Russian Empire in the XIX to the Early XX Century (General Review)

*Osmanova Milena N.
Senior Research Scientist of the Department of Oriental Studies of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (RAS)
Candidate of Historical Sciences*

The article is devoted to general questions of Arabic graphic book printing in the Muslim areas of the Russian Empire. The author shows the reasons for which the lithographic way of the printing prevailed here and also designates the common and inherent features in typographical business of separately taken Muslim regions. In the article it is emphasized the meaning of mass issue of religious literature, the Quran, which were published practically in all printing houses of the East of the Russian Empire. During the specified period a big amount of treatises on the Islamic law, theology, Sufism were also repeatedly printed, and in each region there were own popular compositions of different mazhab (Shafi'i, Hanafi) often. The leadership in the edition of religious literature in the Russian Empire, certainly, belongs to Kazan, which has become in 19th — the beginning of the 20th century the important center of Muslim publishing. The printing exemplars of the famous treatises of the Muslim world issued in Russia had been used as textbooks in makhtabs and madrasahs. The student's inscriptions on the margins of the copies which are stored in the state,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке программы президиума РАН «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде», проект «Автоматизированный цифровой архив «Восточные рукописи Дагестана»».

private and mosque book collections of Dagestan and other regions of Russia and near and far-off foreign countries, confirm this fact. The Dagestan old printed materials were shown fragmentary, because a number of researches of the author has been already devoted to it. In the present article there are provided little-known data on subject of the old printing books, published in Central Asia, being almost not represented in the Dagestan book collections but very interesting to researchers (these books are available to studying in the state libraries of St.-Petersburg).

Keywords: *printing, book-printing house, lithographic book, calligraphy, religious literature, the Quran, Sufi treatises.*

В XIX — начале XX века в восточных регионах Российской империи начинается широкомасштабное книгопечатание с использованием арабского шрифта, ставшее событием огромной культурной важности. Речь идет в первую очередь о литографировании, так как наборная печать арабским шрифтом в ряде упомянутых регионов использовалась менее широко.

Литографское книгоиздание получило широкое признание в мусульманских регионах Российской империи по нескольким причинам: во-первых, форма печати была относительно простой и не требовала больших материальных затрат; во-вторых, сохранилась многовековая традиция каллиграфического искусства; в-третьих, литографская форма печати позволяла одновременно в одном издании использовать тексты на разных языках, что было особенно актуально для среднеазиатского книгопечатания, практиковавшего двуязычные тексты на арабском и персидском языках.

Большими тиражами печатались Кораны, религиозная литература, произведения классической литературы Востока, научные трактаты.

Книги, изданные на арабском, персидском, тюркском языках, получили широкое распространение и были востребованы не только в среде духовной элиты, но и среди простых людей. Они неоднократно переводились на национальные языки и также печатались с использованием арабской графики.

Арабографическое книгопечатание в каждом регионе Российской империи имело как индивидуальные особенности, так и многочисленные общие черты. Кораны и религиозная литература выпускались почти во всех типографиях, использующих арабский шрифт.

Практически во всех частных и мечетских коллекциях, изученных на настоящий

момент, присутствуют кораны, изданные не только в странах Ближнего и Среднего Востока, но и в Поволжье, Дагестане. Изданию Корана и комментариев к нему все издатели придавали первостепенное значение, не скупясь на оформление даже небольших тиражей, используя самую лучшую бумагу и переплетный материал. В создании литографий были задействованы лучшие переписчики (катибы)¹. Популярны были и наборные издания коранов, особенно египетские и казанские.

Для дагестанцев именно казанские кораны, столь часто встречающиеся в разных книжных коллекциях во время археографических экспедиций, стали «народными», поскольку их шрифт отличался четкостью, разборчивостью и красотой, а сами кораны были недорогими по цене, что подтверждается данными торговых каталогов.

В мусульманских регионах Российской империи активно издавались сочинения по мусульманскому праву, богословию, суфизму, причем в каждом регионе были свои сочинения, пользующиеся популярностью, в том числе разных мазхабов (шафиитского, ханафитского).

Крупнейшим центром мусульманского книгопечатания в XIX — начале XX в. была Казань, которой принадлежало первенство по изданию духовной литературы в Российской империи со времени открытия в 1800 г. при Казанской гимназии Азиатской типографии, получившей свое название из-за выпуска в ней главным образом книг на арабском, татарском, турецком, персидском и других восточных языках. Только за первые три года работы Азиатская ти-

¹ Османова М.Н. Рукописные и старопечатные Кораны в некоторых книжных коллекциях Дагестана // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. Ростов-на-Дону, 2016. № 1. С. 60–65.

пография напечатала более 31 тыс. книг на татарском и арабском языках (большей частью религиозного содержания)².

В 1829 году Азиатская типография вошла в состав типографии Казанского университета, а уже к середине XIX в. стала одной из самых крупных типографий в России.

Первыми арабоязычными изданиями типографии Казанского университета были «Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемая в Императорской Казанской гимназии» Ибрагима Халфина и сочинение «Хасийат асма асхаб Бадр», в котором предисловие было дано на татарском языке и далее были перечислены имена сподвижников пророка при исторической битве у Бадра³. Своего расцвета университетская типография достигла при ректорстве Н.И. Лобачевского (1792–1856), когда в ней печатались книги на многих языках: русском, арабском, татарском, азербайджанском и др.

В первой половине XIX в. Казань по количеству издаваемых книг занимала первое место после столичных центров. Здесь впервые были опубликованы многие замечательные труды ученых Казанского университета, азбука и другие учебники на татарском и арабском языках, памятники древнетюркской и татарской литературы, произведения классиков арабской и персидской литературы.

Тем не менее сочинения религиозной тематики из Египта, Турции, Ирана, даже Индии продолжали привозиться, что подтверждается данными торговых каталогов на арабском, турецком, персидском языках⁴. Привозные издания не утратили своей популярности, и спрос на них сохранялся на протяжении всего XIX в.

В конце XIX — начале XX века в духовной жизни мусульман России происходили существенные изменения, связанные с проникновением идей мусульманского реформаторства — *джадидизма*, охватившего за относительно небольшой промежуток времени Крым, Поволжье, Урал, Кавказ, Центральную Азию. Поскольку идеи реформы мусульманского общества были общими для Ближнего Востока, Османской Турции, Волго-Уральского региона, Средней Азии, Кавказа, прогрессивно настроенные мусульманские ученые обменивались между собой информацией, мнениями по различным вопросам модернизации образования в личной переписке, публиковали статьи в газетах.

Противники реформ, или *кадимиты*, вели активную борьбу против джадидизма, придерживаясь схоластической системы в области образования, воспитания подрастающего поколения, ратовали за сохранение исламских нравственных ценностей и институтов в неизменном виде. Рупором идей кадимитов была газета «Дин ва магишат», выходившая в Оренбурге в 1906–1918 гг.

Противостояние джадидизма и кадимизма, появление новометодных школ и звукового метода обучения, новой учебной литературы активно освещались в мусульманской прессе и вызывали закономерный интерес, а также разноплановые отклики представителей мусульманского духовенства. Споры реформистов и сторонников старой системы мусульманского образования также освещались на страницах газет: бахчисарайской «Терджиман», оренбургской «Вақыт», казанской «Юлдуз», темирхан-шуринской «Джаридат Дагистан», ташкентской «Хуршид», в том числе и вопросы о роли и месте мусульман и ислама в Российской империи.

Идеи джадидизма, всколыхнувшие мусульманский Восток Российской империи, нашли отражение как в прессе, так и в книгоиздательстве. Среди дагестанских авторов, придерживавшихся новых идей, имя известного просветителя Абусуфьяна Акаева из Н. Казанища⁵, который выпустил в

² Закиров С.З. Издания на восточных языках в Казани в первой половине XIX в. // Народы Азии и Африки. 1961. № 6. С. 109.

³ Сафиуллина Р.Р. История книгопечатания на арабском языке в России у мусульман Поволжья. Казань, 2003. С. 38.

⁴ Бобровников В.О. Каталог рукописей и старопечатных книг на арабском, персидском и тюркском языках из Кабардино-Балкарии // Письменные памятники Востока. М.: Восточная литература, 2005. № 1(2). С. 239–303.

⁵ Абдуллатипов А.-К.Ю. Акаев А. — крупнейший деятель просветительского движения первой трети XX века (историография

1902 г. в Казани учебное пособие по новым методам обучения детей чтению и письму, а в 1909 г. в типографии М. Мавраева — книгу на кумыкском языке «Иршад ас-сибйан» («Наставление детям») на 18 страницах, которая была учебно-методическим пособием по внедрению новых методов обучения⁶. Труд А. Акаева характеризуется совершенно новым подходом к обучению: здесь говорится об организационных вопросах приема детей в школу, об их нравственном воспитании; дана поурочная разработка обучения детей чтению и письму в течение 43 уроков с указанием, на каком уроке с какими буквами и звуками следует знакомить учащихся. Последняя страница сочинения — стихотворение о значении грамотности и просвещения населения.

В 1332 году хиджры (1913–1914 гг.) в типографии М. Мавраева была издана книга Абдулхалима, сына Ибрахима из Дженгутая «Мактаб учун тынч алифлер», представляющая собой учебное пособие для мактабов на 16 страницах, на кумыкском языке. На титульном листе этого сочинения написано, что книга предназначена для обучения 6-летних детей чтению и письму по новому методу письма: гласные изображаются в строку отдельной буквой, а не над- и подбуквенными знаками⁷. Книга с подобным названием этого же автора вышла в 1914 г., но гораздо большим объемом — 62 страницы. Содержание книги является традиционным — здесь приведены краткие биографические сведения о пророках от Адама до Мухаммада, о борьбе пророка Мухаммада за распространение ислама, о халифах, об имамах четырех мазхабов.

В 1917 году в типографии М. Мавраева вышло второе издание учебного пособия Магомеда Гасанова (Мухаммад, сын Хасана из Акташа) «Суллам ас-сибйан» объемом 50 страниц для первоначального обучения

детей в новометодных школах. Пояснительные тексты и рекомендации написаны на кумыкском и чеченском языках.

В полемику об «усул джадид», или новом методе обучения, включились многие представители восточнороссийской, дагестанской, северокавказской, среднеазиатской прогрессивно настроенной интеллигенции.

В Туркестане — одной из мусульманских окраин Российской империи идеи джадидизма также всколыхнули определенные слои духовной элиты. Лидером туркестанских джадидов был Махмуд Ходжа Бехбуди (1875–1919)⁸. Первая новометодная школа была организована в Самарканде в 1903 г. сподвижником Бехбуди Абдукадыром Шакури (1875–1943). Для этой школы и других учебных заведений типа «усул-и джадид» Бехбуди написал и издал на собственные средства восемь учебных пособий, три из которых хранятся в Санкт-Петербурге.

В Санкт-петербургских коллекциях хранятся работы Махмуда Ходжи Бехбуди, Абд-ар-Рауфа Фитрата, Мунаввара Кари, Муина (Муайана) б. Шукруллаха Михри. Стремление названных авторов к преобразованиям в обществе нашли свое практическое отражение в создании серии учебных пособий, предназначенных для новометодных школ.

Тем не менее традиционная система мусульманского образования в указанный период продолжала благополучно функционировать. Как известно, основой обучения в традиционных мактабах и медресе было изучение Корана, «религиозных наук», грамматики, логики и др.

Археографические экспедиции разных лет, исследовавшие частные и мечетские коллекции в горных и равнинных районах Дагестана, отмечают большое количество старопечатных книг теологического содержания, изданных в разных уголках мусульманского мира.

Часть этих книг использовалась в качестве учебников в мактабах и медресе, о чем свидетельствуют внетекстовые записи на

изучения трудов, литературное и публицистическое творчество) // Абусуфьян Акаев: эпоха, жизнь, деятельность. Махачкала, 2012. С. 26–43.

⁶ Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана (дореволюционный период) / сост. А.А. Исаев. Махачкала, 1989. С. 82.

⁷ Там же. С. 105.

⁸ Щеглова О.П. Литографское книгоиздание на персидском языке в Туркестане и Бухаре. 1881–1918 гг. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 56.

полях этих книг. Следовательно, изучение таких дисциплин, как усул ад-дин, таухид, тафсир, ака'ид, таджвид, фикх⁹, зачастую не ограничивалось стандартным набором сочинений, которые будут приведены ниже. Знакомство с трудами турецких, египетских, иранских богословов носило далеко не фрагментарный характер, оно было планомерным и целенаправленным.

Широко востребованными были книги по шариату, издания утилитарного назначения: молитвенники, пособия по ритуалу, правилам чтения Корана, молитвы по специальным поводам в виде отдельных листовок, шамаили¹⁰.

Труды суфийских шейхов различных братств (накшбандийа, шазилийа и т.д.) и их последователей, неоднократно переписываемые и издаваемые как в Дагестане, так и за его пределами, также широко изучались в мусульманских школах разного типа. В их числе — «Ихй'а 'улум ад-дин», «Минхадж ал-'абидин» Абу Хамида ал-Газали, «Китаб адаб ал-муридин ва ас-саликин» Дийаадина Абу Наджиба ал-Кахира ас-Сухраварди и его племянника Абдалкадира Абу Наджиба ас-Сухраварди «Канз ал-'ибад фи шарх ал-аврад», «Мизан ал-кубра» Абдулваххаба б. Ахмада аш-Ша'рани.

Популярны были и дагестанские сочинения по суфизму — такие, как «Машраб ан-Накшбандийа» Абдаррахмана-Хаджи ас-Сугури¹¹, «Адаб ал-Мардийа» Джамаладдина ал-Гази-Гумуки¹², «Наджм ал-анам» Мухаммада-хаджи ал-Кикун¹³,

«Суллам ал-Мурид» и «Кифайат ал-мурид» Ильяса ал-Цудакари¹⁴.

Лидером по числу изданий суфийских сочинений можно считать Казань, где шло их активное печатание с 80-х гг. XIX в. В 1880 году в свет выходит сборник суфийских рассказов «Бустан ал-'арифин», автор — Абу ал-Лаис Наср б. Мухаммад б. Ибрахим ас-Самарканди (ум. в 373/983 г.). В это же время в большом количестве издаются вирды и зикры для мюридов суфийского ордена Накшбанди, а также «Канз ал-'ибад фи шарх ал-аврад», автор — Шихабдин Умар б. Мухаммад ас-Сухраварди (ум. в 632/1234 г.).

Значительное количество сочинений суфийского толка было напечатано в типографии «Братьев Каримовых» с 1901 по 1904 г., в том числе «Иршад ал-муридин» Хусейна ал-Хваразми (ум. в 958 /1551 г.), принадлежавшего к дервишскому ордену Кубравийа.

В 1904 году в типографии «Братьев Каримовых» на средства владельца типографии Мухаммеджана Каримова был издан известный суфийский трактат «Суллам ал-мурид» известного дагестанского учено-суфия Ильяса ал-Цудакари. Интерес к этому сочинению не угасает и в настоящее время — перевод известного трактата был осуществлен известным дагестанским востоковедом-арабистом кандидатом исторических наук А.Р. Наврузовым¹⁵.

Другое сочинение Ильяса Цудахарского «Кифайат ал-мурид» на кумыкском и арабском языках было издано также в Казани, в типо-литографии наследников М. Чирковой в 1904 г., на средства сыновей шейха Ильяса Махмуда и Мухаммада.

Одним из наиболее изучаемых и читаемых, а также издаваемых татарами сочинений был труд выдающегося мыслите-

⁹ Усул ад-дин — основы мусульманского вероучения; таухид — наука о единстве Аллаха; тафсир — комментарии к Корану, ака'ид — догматика, таджвид — правила чтения Корана, фикх — мусульманское право.

¹⁰ Шамсутов Р. Искусство шамаила. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/11/shamsutov.htm (дата обращения: 20.10.2018).

¹¹ Магомедова З.А. Шейх Накшбандийского тариката — Абдурахман-хаджи из Согратля. Махачкала: Эпоха, 2010. 150 с.

¹² Османова М.Н., Магомедова З.А. Суфийская книжная культура Дагестана // Исламоведение. 2010. № 4. С. 56–66.

¹³ Ибрагимов З.Б. «Наджм ал-анам фи рийадат ал-'авамм» Мухаммада-Хаджи ал-Кикун как источник по изучению идеологии суфизма в

Дагестане // Дагестанский востоковедческий сборник. Вып. 2. Махачкала, 2011. С. 153–164.

¹⁴ Шихалиев Ш.Ш. «Кифайат ал-мурид» Ильяса ал-Цудакари как памятник по истории суфизма в Дагестане // Pax Islamica. 2011. № 2 (7). С. 6–17.

¹⁵ Наврузов А.Р. «Суллам ал-мурид» Ильяса ал-Цудакари — источник по суфизму в Дагестане // Роль культуры в российско-иранских отношениях: материалы международной научной конференции. Махачкала, 2010. С. 236–241.

ля средневековья Абу Хамида ал-Газали (1059–1111) «Ихй'а 'улум ад-дин». Этот труд был настольной книгой Утыз-Имани, Г. Курсави, Ш. Марджани и других татарских ученых и писателей.

В начале XX века в Дагестанской области быстрыми темпами развивалось литографское, а позже в значительно меньшем количестве и наборное книгопечатание. В местных типографиях (А.М. Михайлова в Порт-Петровске, М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре, И. Нахибашева в слободе Хасавюрт) в разные годы издавалось значительное количество сочинений, относящихся к мусульманской духовной литературе, в том числе написанных местными авторами. Среди них:

«Фатава ал-Чухийа», автор — Мухаммад-Али ал-Чухи — (1833–1888), по фикху;

«Шарх ал-Мафруд», автор — Мухаммад-Тахир ал-Карахи (ум. 1880), по фикху;

«Адаб ал-мардийа», автор — Шейх Джамаладдин ал-Гази-Гумуки (ум. 1866), по накшбандийскому тарикату;

«Машраб ан-накшбандийа», автор — Шейх Хаджи Абдаррахман ас-Сугури (1792–1881/82), по накшбандийскому тарикату;

«Шарх ал-урда ал-махдийа ли-л-равдат ан-надийа», автор — Мирза Хасан ал-Алкадари (ум. 1910), по сулуку (этике);

«Тухфат ал-мутаваджидин», автор — Хаджи Кади ал-Алахи (XX век), по фикху;

«Наджм ал-анам», автор — шейх мухаджир Хаджи Мухаммад ал-Кикунни (1835/36–1913) (этико-догматическое суфийское сочинение).

Продукция дагестанских типографий была широко востребована на Северном Кавказе, в Закавказье, в Поволжье благодаря прекрасному качеству печати, следованию традициям мусульманской каллиграфии, а также грамотной ценовой политике и рекламе, взятой на вооружение у турецких книгопечатников.

Не менее интересна для исследователя печатная продукция другого региона Российской империи, одной из так называемых мусульманских окраин — Западного Туркестана, или Туркестанского края¹⁶

¹⁶ В середине 1920-х годов термин «Туркестан» постепенно вышел из употребления и был заменен первоначально существовавшим в

(как этот регион назывался с 1886 г.). В конце XIX — начале XX в. здесь были организованы многочисленные полиграфические предприятия, выпускавшие книги на арабском, персидском и тюркском языках. Продукция этих типографий в настоящее время малодоступна для российских исследователей по разным причинам, особенно вследствие распада Советского Союза. Среднеазиатская старопечатная книга практически не представлена в частных и мечетских книжных коллекциях Дагестана, исследование которых ежегодно осуществляется сотрудниками отдела востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

Большое количество литографированных книг, изданных в Средней Азии, находится в библиотеках Санкт-Петербурга (Российская национальная библиотека, отдел литературы на языках стран Азии и Африки; Библиотека Академии наук, отдел литературы стран Азии и Африки; Библиотека Института восточных рукописей РАН, Туркестанский книжный фонд). Здесь же хранится сопутствующая исследовательская литература.

Большую помощь в сборе материала для настоящей статьи оказала известный ученый, общепризнанный специалист по старопечатной книге на персидском языке доктор исторических наук Олимпиада Павловна Щеглова (ныне покойная). Ученица выдающегося ираниста, профессора Ильи Павловича Петрушевского, выпускница кафедры Ближнего Востока ЛГУ, много лет проработавшая в Институте восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург),

русской географической традиции термином «Средняя Азия». Затем этот термин стал употребляться в географической литературе всех 15 советских республик и был канонизирован советской цензурой. В мировой географической традиции регион имеет название Центральная Азия. После распада СССР состоялось несколько научных конференций, где было предложено отказаться от употребления термина «Средняя Азия» в пользу общепринятого в мире термина «Центральная Азия». См.: Туркестан (историко-географич. область) // Большая советская энциклопедия (3-е изд.). М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.

в секторе Среднего Востока, и посвятившая свои работы литографскому книгоизданию на персидском языке в XIX — первом десятилетии XX в., О.П. Щеглова предоставила ценный материал по старопечатной книге в Средней Азии (изданный не только в России, но и в бывших среднеазиатских союзных республиках Советского Союза).

Согласно исследованиям профессора О.П. Щегловой, большую часть книжного рынка в Туркестанском крае составляла тюркоязычная продукция, что естественно в силу преобладания тюркоязычного населения в Средней Азии в конце XIX — начале XX в. Публикация сочинений на таджикском языке (который обозначался как фарси) составляла очень небольшую часть в общем потоке книгоиздания. Часто встречаются двух- и трехязычные книги (с присутствием текста на арабском языке).

По мнению О.П. Щегловой, местные издатели печатали лишь то, что служило практическим нуждам и имело постоянный спрос. Литографское книгоиздание использовалось в первую очередь для размножения наиболее востребованных в обществе книг. Таковыми для 80–90-х гг. XIX в. были молитвенники, руководство по ритуалу и учебные пособия. Причем в Средней Азии, как и в других странах и регионах, печаталось прежде всего то, что было популярно и в рукописных списках. Хранящиеся в Институте востоковедения в Ташкенте «Фихр-и Кайдани» (молитвенник), «Чахар китаб» (учебник) и «Фарз-и айн» (руководство по ритуалу) — самые ранние из известных литографских изданий в Ташкенте.

Образцом традиционного среднеазиатского учебного пособия может служить «Чахар китаб» — сборник, состоящий из четырех работ. В состав сборника входили два авторских произведения и два анонимных. Открывало книгу небольшое сочинение Шарафаддина Бухари «Нам-и хакк», или «Мукаддимат ас-салат» (XIII–XIV вв.), написанное в 1303 г. В стихотворной форме изложены правила выполнения ритуальных обязанностей мусульманина (очищение, молитвы, пост). Вторым было анонимное «Чахар фасл» («Четы-

ре главы»), самое большое произведение в сборнике. В прозе излагаются догматы веры, правила выполнения молитв, поста, хаджа, закята и очищения. Третья книга — «Мухиммат ал-мусульмин» содержала четыре постулата, знание которых было обязательным для мусульманина: единобожие, очищение женщин, пост, молитва. Завершался учебник стихотворением «Панд-наме» («Книга советов») Фаридаддина Аттара (ум. 1229/30). В разных изданиях это произведение имело разный объем — от нескольких глав до полного варианта. Назначение учебника — дать твердые знания об основных догматах ислама и обязательных для исполнения правилах ритуала¹⁷.

Суфийская тематика также была одной из самых популярных у туркестанских книгоиздателей. Это подтверждает изданный в типографии «Гулямия»¹⁸ в 1911 г. почти на 400 страницах биографический свод автора XVI в. Фахраддина 'Али б. Хусейна Ва'иза Кашифи Сафи под названием «Рашахат 'айн ал-хайат», посвященный суфиям ордена Накшбандийа, предшественникам Хаджи Ахрара и самому Ахрару (ум. 1490). Заказал издание этого сочинения Мулла Мир Махдум б. Шах Йунус, переписчик — Мулла Йусуф¹⁹.

В 1912 году здесь же вышла в свет генеалогия шейхов ордена Накшбандийа «Назм ал-силсила» в стихах на персидском языке, которую написал автор XX в. Сайид Ахмад Мударрис Васи (ум. в 1925 г.). В состав книги было включено и другое сочинение — «Шарх-и руба'ийат» Абдаррахмана Джами.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что религиозная тематика в старопечатных изданиях являлась преобладающей, поскольку востребованность и широкое распространение по-

¹⁷ Щеглова О.П. Каталог литографированных книг на персидском языке. Из собрания Российской Национальной Библиотеки. М. : Восточная литература, 2002. С. 33.

¹⁸ «Гулямия» — литография Гуляма Хасана Арифджанова (1874–1947), открывшаяся в 1908 г. в Ташкенте и первой начавшая выпуск продукции на узбекском языке.

¹⁹ Книга хранится в Туркестанском книжном фонде ИВР РАН и описана д.и.н., проф. О.П. Щегловой.

добной литературы на разных уровнях неоднократно подтверждается как археографическим материалом, так и современными востоковедными исследованиями

(в том числе исследованиями дагестанских востоковедов, внесших значительный вклад в изучение письменного наследия на восточных языках).

Литература

1. Абдуллатипов А.-К.Ю. Акаев А. — крупнейший деятель просветительского движения первой трети XX века (историография изучения трудов, литературное и публицистическое творчество) / А.-К.Ю. Абдуллатипов // Абусуфьян Акаев: эпоха, жизнь, деятельность : сб. ст., перев. и мат. / сост. и науч. ред. Г.М.-Р. Оразаев. Махачкала : Дагестанское кн. изд-во, 2012. С. 26–43.
2. Бобровников В.О. Каталог рукописей и старопечатных книг на арабском, персидском и тюркском языках из Кабардино-Балкарии / В.О. Бобровников // Письменные памятники Востока. 2005. № 1 (2). С. 239–303.
3. Закиров С.З. Издания на восточных языках в Казани в первой половине XIX в. / С.З. Закиров // Народы Азии и Африки. 1961. № 6. С. 109–111.
4. Ибрагимова З.Б. «Наджм ал-анам фи рийадат ал-'авамм» Мухаммада-Хаджи ал-Кикунни как источник по изучению идеологии суфизма в Дагестане / З.Б. Ибрагимова // Дагестанский востоковедческий сборник. Вып. 2 / Д.М. Маламагомедов. Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2011. С. 49–56.
5. Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана (дореволюционный период) / сост. А.А. Исаев. Махачкала, 1989. 300 с.
6. Магомедова З.А. Шейх Накшбандийского тариката — Абдурахман-хаджи из Согратля / З.А. Магомедова. Махачкала : Эпоха, 2010. 150 с.
7. Наврузов А.Р. «Суллам ал-мурид» Ильяса ал-Цудакари — источник по суфизму в Дагестане / А.Р. Наврузов // Роль культуры в российско-иранских отношениях : материалы международных научных конференций. Махачкала, 2010. С. 236–241.
8. Османова М.Н. Рукописные и старопечатные Кораны в некоторых книжных коллекциях Дагестана / М.Н. Османова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. Ростов-на-Дону, 2016. № 1. С. 60–65.
9. Османова М.Н. Суфийская книжная культура Дагестана / М.Н. Османова, З.А. Магомедова // Исламоведение. 2010. № 4. С. 56–66.
10. Сафиуллина Р.Р. История книгопечатания на арабском языке в России у мусульман Поволжья / Р.Р. Сафиуллина. Казань, 2003. 113 с.
11. Шамсутов Р. Искусство шамаила / Р. Шамсутов. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/11/shamsutov.htm (дата обращения: 20.10.2018).
12. Шихалиев Ш.Ш. «Кифайат ал-мурид» Ильяса ал-Цудакари как памятник по истории суфизма в Дагестане / Ш.Ш. Шихалиев // *Rah Islamica*. 2011. № 2 (7). С. 6–17.
13. Щеглова О.П. Каталог литографированных книг на персидском языке. Из собрания Российской Национальной Библиотеки / О.П. Щеглова. М. : Восточная литература, 2002. 143 с.
14. Щеглова О.П. Литографское книгоиздание на персидском языке в Туркестане и Бухаре. 1881–1918 гг. / О.П. Щеглова. СПб. : Нестор-История, 2011. 246 с.

References

1. Abdullatipov A.-K.Yu. Akaev A. — *krupneyshiy deyatel prosvetitel'skogo dvizheniya pervoy tretyi XX veka (istoriografiya izucheniya trudov, literaturnoe i publitsisticheskoe tvorchestvo)* [A. Akaev, the Key Figure of the Educational Movement of the First Third of the XX Century (Historiography of Study of Works, Literary and Publicistic Activities)] / A.-K.Yu. Abdullatipov // *Abusufyan Akaev: epokha, zhizn, deyatel'nost' : sb. st., perev. i mat. / sost. i nauch. red. G.M.-R. Orazhev. Makhachkala : Dagestanskoe kn. izd-vo — Abusufyan Akaev: the Epoch, Life, Activities : collection of articles, translations and files / compiler and scientific editor G.M.-R. Orazhev. Makhachkala : Dagestan Book Publishing House, 2012. S. 26–43.*
2. Bobrovnikov V.O. *Katalog rukopisey i staropechatny'kh knig na arabskom, persidskom i tyurkskom yazy'kakh iz Kabardino-Balkarii* [A Catalogue of Manuscripts and Early Printed Books in the Arabic, Persian and Turkic Languages from Kabardino-Balkaria] / V.O. Bobrovnikov // *Pismenny'e pamyatniki Vostoka — Written Monuments of the East*. 2005. № 1 (2). S. 239–303.
3. Zakirov S.Z. *Izdaniya na vostochny'kh yazy'kakh v Kazani v pervoy polovine XIX v.* [Publications in Oriental Languages in Kazan in the First Half of the XIX Century] / S.Z. Zakirov // *Narody' Azii i Afriki — Peoples of Asia and Africa*. 1961. № 6. S. 109–111.
4. Ibragimova Z.B. *Nadzhm al-anam fi riyadat al-avamm Mukhammada-Khadzhi al-Kikuni kak istochnik po izucheniyu ideologii sufizma v Dagestane* [Nadzh al-anam fi riyadat al-avam by Muhammad-Khadzji al-Kikuni as a Source of Studies of the Sufism Ideology in Dagestan] / Z.B. Ibragimova // *Dagestanskiy*

- vostokovedcheskiy sbornik. Vy'p. 2 / D.M. Malamagomedov. Makhachkala : IIAE DNTS RAN — Dagestan Oriental Collection. Issue 2 / D.M. Malamagomedov. Makhachkala : Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Research Center of RAS, 2011. S. 49–56.
5. Katalog pechatny'kh knig i publikatsiy na yazy'kakh narodov Dagestana (dorevolyuatsionny'y period) [A Catalogue of Books and Publications in the Languages of Dagestan Peoples (the Pre-Revolutionary Period)] / sost. A.A. Isaev. Makhachkala — compiled by A.A. Isaev. Makhachkala, 1989. 300 s.
 6. Magomedova Z.A. Sheykh Nakshbandiyskogo tarikata — Abdurakhman-khadzhi iz Sogratlya [Sheikh of the Naqshbandi Order: Abdurahman Haji of Sogratl] / Z.A. Magomedova. Makhachkala : Epokha — Makhachkala : Epock, 2010. 150 s.
 7. Navruzov A.R. Sullam al-murid Ilyasa al-Tsudakari — istochnik po sufizmu v Dagestane [Sullam al-murid by Ilyas al-Tsudakari as a Source of Sufism in Dagestan] / A.R. Navruzov // Rol kultury' v rossiysko-iranskikh otnosheniyyakh : materialy' mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Makhachkala — The Role of Culture in the Russian-Iranian Relationships : files of international research conferences. Makhachkala, 2010. S. 236–241.
 8. Osmanova M.N. Rukopisny'e i staropechatny'e Korany' v nekotory'kh knizhny'kh kollektsiyakh Dagestana [The Handwritten and Early Printed Qurans in Some Book Collections of Dagestan] / M.N. Osmanova // Izvestiya vysshikh uchebny'kh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Seriya : Obschestvenny'e nauki. Rostov-na-Donu — News of Higher Educational Institutions. The North Caucasian Region. Series : Social Sciences. Rostov-on-Don, 2016. № 1. S. 60–65.
 9. Osmanova M.N. Sufiyskaya knizhnaya kultura Dagestana [The Sufi Book Culture of Dagestan] / M.N. Osmanova, Z.A. Magomedova // Islamovedenie — Islamic Studies. 2010. № 4. S. 56–66.
 10. Safiullina R.R. Istoriya knigopechataniya na arabskom yazy'ke v Rossii u musulman Povolzhya [The History of Book Printing in the Arabic Language in Russia by Volga Muslims] / R.R. Safiullina. Kazan — Kazan, 2003. 113 s.
 11. Shamsutov R. Iskusstvo shamailya [The Art of Shamail] / R. Shamsutov. URL : http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/11/shamsutov.htm (data obrascheniya : 20.10.2018 — date of access : October 20, 2018).
 12. Shikhaliev Sh.Sh. Kifayat al-murid Ilyasa al-Tsudakari kak pamyatnik po istorii sufizma v Dagestane [Kifayat al-murid by Ilyas al-Tsudakari as a Monument of the History of Sufism in Dagestan] / Sh.Sh. SHikhaliev // Pax Islamica — Pax Islamica. 2011. № 2 (7). S. 6–17.
 13. Scheglova O.P. Katalog litografirovanny'kh knig na persidskom yazy'ke. Iz sobraniya Rossiyskoy Natsionalnoy Biblioteki [A Catalogue of Lithographic Books in the Persian Language. From the Collection of the Russian National Library] / O.P. Scheglova. Moskva : Vostochnaya literatura — Moscow : Oriental Literature, 2002. 143 s.
 14. Scheglova O.P. Litografskoe knigoizdanie na persidskom yazy'ke v Turkestane i Bukhare. 1881–1918 gg. [Lithographic Book Printing in the Persian Language in Turkestan and Bukhara. 1881 to 1918] / O.P. Scheglova. Sankt-Peterburg : Nestor-Istoriya — Saint Petersburg : Nestor History, 2011. 246 s.

Уважаемые читатели!

Чтобы облегчить поиск интересующих Вас материалов, выпущенных в журналах Издательской группы «Юрист», подготовлен Библиографический указатель всех публикаций за период 2013–2018 г.

Данный Библиографический указатель размещен на сайте ИГ «Юрист» в открытом доступе в разделе «книги».

WWW.LAWINFO.RU